СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

18

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1878.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабря 1878 г.
Непремѣнный Секретарь, Академик *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Мартъ — май 1877 г.

Читано полученное изъ Вѣны письмо комитета по устройству юбилея члена-корреспондента Академіи Наукъ профессора Шемберы о праздновании этой годовщины 9—21 марта, когда названному ученому совершится 70 лѣтъ отъ роду. Положено: въ означенный день привѣтствовать почтеннаго юбиляра телеграмой, которая и была составлена И. И. Срезневскимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Достоуважаемый профессоръ! Отдѣленіе русскаго языка и словесности признательно вспоминаетъ о Вашей слишкомъ 45-лѣтней научной дѣятельности, постоянно направленной по пути наблюденій и изслѣдованій и приведшей Васъ къ совершенію трудовъ, высоко цѣнимыхъ вездѣ, гдѣ люди науки изучаютъ языкъ и древности Славянъ».

Академикъ Срезневскій указалъ на слѣдующія два заслуживающія вниманія сочиненія: 1) Г. Кочубинскаго: По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, основная вокализація плавныхъ сочетаній конс. + *л*, *р* + *ъ* + конс. Одесса 1877 г. 2) Г. Фортинскаго: Приморскіе вендскіе города, о ихъ вліяніи на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 г. Кіевъ 1877.

Академикъ Гротъ доложилъ, что онъ, по связи съ своимъ изслѣдованіемъ о сравнительномъ словарѣ Екатерины II, изданномъ Палласомъ, и по возбужденному А. Ф. Бычковымъ вопросу, искалъ въ протоколахъ засѣданій Академіи Наукъ за прошлое столѣтіе и въ приложеніяхъ къ нимъ свѣдѣній о томъ, гдѣ могли остаться матеріалы для словаря, которые отвсюду присылались по

требованіямъ русскаго правительства, но не могъ найти никакихъ указаній на эти матеріалы; отъ академика же А. А. Шифнера онъ узналъ, что многіе изъ нихъ находятся во 2-мъ отдѣленіи академической библіотеки.

Академикъ Срезневскій заявилъ, что къ числу объясненій Слова о полку Игоревѣ прибавилось еще одно, очень замѣчательное по особенной рѣзкости взгляда на этотъ памятникъ. Это «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ» Всеволода Миллера (М. 1877), того даровитаго ученаго, который въ прошедшемъ году издалъ обширный 1-й томъ «Очерковъ арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшею культурой».

«Не менѣе, если не болѣе, любопытна (сказано далѣе въ замѣткѣ И. И. Срезневскаго) «новая работа нашего члена-корреспондента С. Новаковича: Српске народне загонетке (загадки) Бѣлградъ 1877. Здѣсь собраны сербскія загадки, не только помѣщенныя въ разныхъ изданіяхъ, но и многія нигдѣ еще не напечатанныя. Загадки въ собственномъ смыслѣ тутъ расположены по азбучному порядку отгадокъ, и вездѣ, гдѣ нужно было снабжены разночтеніями и объясненіями. Это дорогой подарокъ для изучающихъ народный языкъ, народную поэзію, а отчасти и для этнографа.

«Другой нашъ членъ-кореспондентъ профессоръ Гаттала издалъ книгу, которая въ чешской литературѣ конечно принята также неравнодушно, какъ неравнодушно написана. Это Brus (оселокъ) jazyka českého (Прага 1877), гдѣ ученый изслѣдователь постарался собрать разныя доказательства своему убѣжденію, что чешскій языкъ, не только литературный, но отчасти и народный, не только дѣйствіями безсознательными, но и сознательными, испорченъ въ своемъ строѣ».

По предложенію И. И. Срезневскаго опредѣлено: доставленное ему въ рукописи братьями Юшкевичами начало составляемаго ими Литовско-русскаго словаря препроводить къ члену-корреспонденту Академіи Наукъ профессору Харьковскаго университета А. А. Потебнѣ съ покорнѣйшею просьбою принять на себя трудъ разсмотрѣть эту рукопись и возвратить ее съ своимъ отзывомъ. Обязательно исполнивъ желаніе Отдѣленія, г. Потебня въ непродолжительномъ времени сообщилъ подробно изложенное мнѣніе свое о началѣ словаря братьевъ Юшкевичей, въ которомъ, одобряя его, какъ трудъ весьма добросовѣстный и важный по живому источнику народнаго языка, откуда онъ почерпнутъ, представилъ нѣ-

сколько частныхъ замѣчаній, заслуживающихъ полнаго со стороны составителей вниманія. Положено: отзывъ профессора Потебни отправить въ копіи къ гг. Юшкевичамъ, съ возвращеніемъ имъ рукописи и выраженіемъ желанія Отдѣленія, чтобы они продолжали свой почтенный трудъ, обѣщающій составить существенное дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ литовскимъ словарямъ. На это г. И. Юшкевичъ отвѣчалъ, что онъ и братъ его не только приняли къ соображенію справедливыя замѣчанія г. Потебни, но и намѣрены просить его не отказать имъ въ содѣйствіи по отношенію къ этому труду.

Академикъ Бычковъ прочелъ записку о значеніи и достоинствѣ разсмотрѣнныхъ имъ матеріаловъ для исторіи славяно-русской литературы и отрывка библіографическаго словаря, оставшихся послѣ покойнаго П. М. Строева и переданныхъ Академіи Наукъ его наслѣдниками. Указавъ, что въ этихъ матеріалахъ встрѣчаются свѣдѣнія новыя, обнародовать которыя было бы весьма желательно, г. Бычковъ вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ и планъ, какъ могли бы быть изданы эти свѣдѣнія, которыя дополняютъ труды митрополита Евгенія и архіепископа Филарета. Отдѣленіе, одобривъ планъ изданія, просило акад. Бычкова принять на себя трудъ извлеченія матеріаловъ и приготовленія къ печати этихъ свѣдѣній.

Академикъ Гротъ представилъ напечатанныя имъ прежде въ частныхъ журналахъ двѣ статьи: «Екатерина II и Густавъ III», нынѣ переработанныя въ одну и значительно пополненныя какъ въ самомъ ихъ текстѣ, такъ и особенно въ приложеніяхъ, изъ которыхъ большая часть до сихъ поръ еще нигдѣ не были напечатаны. Положено помѣстить этотъ трудъ какъ въ Запискахъ Академіи, такъ и въ Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ заявилъ объ изданномъ недавно въ Варшавѣ членомъ-кореспондентомъ Академіи Наукъ П. П. Дубровскимъ польско-русскомъ словарѣ, какъ весьма основательно составленномъ пособіи къ изученію обоихъ языковъ. Вслѣдъ за симъ должна явиться и русско-польская часть этого полезнаго труда.

Академикъ Сухомлиновъ доложилъ, что предполагаетъ вскорѣ приступить къ печатанію IV-го выпуска «Исторіи Россійской Академіи», такъ какъ рукопись его почти уже готова и въ непродолжительномъ времени можетъ быть сдана въ типографію.

По поводу одного замѣчанія въ письмѣ, полученномъ отъ профессора славянскихъ нарѣчій въ берлинскомъ университетѣ И. В. Ягича, академикъ Гротъ прочелъ составленную имъ замѣтку объ

уменьшительномъ суффиксѣ именъ средняго рода *це*, *цо*, въ которой, соглашаясь съ ученымъ издателемъ «Архива славянской филологіи» въ томъ, что это окончаніе первоначально было *ьце*, какъ доказываютъ примѣры изъ ц.-сл. и нынѣшнихъ южно-славянскихъ языковъ, академикъ остается однакожъ при своемъ мнѣніи, что въ русскомъ языкѣ, можетъ быть вслѣдствіе фонетическихъ требованій, этотъ суффиксъ принялъ чистую форму *це*, *цо*. Замѣтка будетъ въ свое время напечатана.

Читано полученное академикомъ Гротомъ письмо учителя реальнаго училища въ Калугѣ П. В. Шейна по поводу сдѣланнаго ему Отдѣленіемъ приглашенія отправиться въ нѣкоторыя мѣстности западныхъ губерній для наблюденій надъ мало изслѣдованными говорами бѣлорусскаго нарѣчія и для собиранія памятниковъ народной словесности. Опредѣлено: одобривъ высказанныя г. Шейномъ предположенія, ходатайствовать о командированіи его съ означенною цѣлью въ западныя губерніи на время отъ середины августа до конца ноября текущаго года.

Августъ — декабрь 1877 года.

Академикъ Гротъ доложилъ: 1) что онъ по порученію Отдѣленія въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ занимался въ Тамбовѣ разсматриваніемъ сохранившихся въ тамошнихъ архивахъ бумагъ относительно времени губернаторства Державина и нашелъ въ нихъ не мало любопытныхъ подробностей для дополненія прежде собранныхъ имъ по этому предмету свѣдѣній, за что считаетъ себя особенно обязаннымъ дѣятельной помощи какъ нынѣшняго тамбовскаго губернатора Князя М. В. Шаховскаго-Стрѣшнева и вице-губернатора Ф. В. Кривцова, такъ и предсѣдателя земской управы Л. В. Вышеславцева и управляющаго казенной палатою А. Д. Сирицы. Кромѣ того онъ не можетъ не упомянуть о радушномъ содѣйствіи, встрѣченномъ имъ со стороны подчиненныхъ этимъ лицамъ чиновниковъ, а также ректора тамбовской духовной семинаріи, архимандрита Димитрія, и учителя Елисаветинскаго института и Александровскаго училища И. И. Дубасова; 2) что онъ, по порученію Академіи Наукъ, въ концѣ минувшаго августа мѣсяца присутствовалъ, въ качествѣ депутата ея, на 400-лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета, при чемъ имѣлъ случай испы-

тать на себѣ много знаковъ какъ сочувствія къ Россіи вообще, такъ и уваженія къ высшему ея ученому учрежденію. Описаніе относящихся къ юбилею обстоятельствъ его пребыванія въ Швеціи напечатано въ Запискахъ Академіи и отдѣльно. Въ связи съ этимъ Я. К. Гротъ доложилъ объ изданныхъ по случаю означеннаго юбилея и полученныхъ имъ отъ Упсальскаго университета книгахъ, а также о принесенномъ ему въ даръ издателемъ О. С. Рюдбергомъ, сочиненіи: «Traités de la Suède, Sverges traktater med frāmmande magter. Stockholm, 1877», вмѣстѣ съ особымъ изъ этой книги оттискомъ объ Орѣховецкомъ договорѣ 1323 г., гдѣ въ первый разъ напечатанъ сохранившійся только въ Швеціи русскій текстъ этого знаменитаго трактата. По поводу названной книги г. Гротомъ написана замѣтка, которая появится въ академическомъ изданіи вмѣстѣ со снимкомъ съ найденной рукописи договора.

Академикъ Срезневскій: 1) читалъ доставленное въ рукописи начало труда пражскаго ученаго А. О. Патеры, подъ заглавіемъ: «Чешскія глоссы въ Mater Verborum». Положено напечатать этотъ трудъ въ Запискахъ Академіи Наукъ и въ Сборникѣ Отдѣленія; 2) обратилъ вниманіе сочленовъ на изданное профессоромъ Будиловичемъ изслѣдованіе его «Анализъ славянскихъ словъ съ точки зрѣнія морфологіи»; 3) заявилъ о выходѣ въ свѣтъ новаго заслуживающаго вниманія труда сербскаго ученаго, корреспондента Академіи Наукъ Ю. Даничича подъ заглавіемъ: «Korijeni s riječima od njih postalijem u Hrvatskom ili srpskom jeziku» (Корни со словами отъ нихъ происшедшими въ хорватскомъ или сербскомъ языкѣ).

Академикъ Гротъ доложилъ о доставленномъ ему письмѣ г. Dewhurst изъ Лондона съ просьбою извѣстить его о происхожденіи слова *моржъ*. Письмо это было прислано въ Петербургъ подъ слѣдующимъ адресомъ: «Mr. le professeur à l'Académie pour avancer la langue russe. St.-Pétersbourg». По связи вопроса съ предметомъ его занятій, академикъ сообщилъ г. Дьюгерсту имѣющіяся у него свѣдѣнія и предположенія объ означенномъ словѣ.

Академикъ Сухомлиновъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія что, во время пребыванія своего нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москвѣ съ цѣлію собиранія матеріаловъ, относящихся къ трудамъ членовъ Россійской Академіи, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессорами Московскаго университета, онъ занимался преимущественно въ библіотекѣ университета, въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ и въ архивѣ синодальной конторы. Изъ числа собранныхъ матеріаловъ особенно важны и сравнительно многочисленны тѣ, которые относятся къ

жизни и дѣятельности профессора Барсова, ученика Ломоносова и Тредьяковскаго. Съ особенною признательностью академикъ заявилъ о содѣйствіи, оказанномъ ему профессоромъ Тихонравовымъ, который съ радушіемъ истиннаго ученаго далъ полную возможность пользоваться всѣми, уцѣлѣвшими въ Московскомъ университетѣ, произведеніями Барсова, какъ печатными, составляющими библіографическую рѣдкость, такъ и рукописными.

Читано письмо командированнаго Отдѣленіемъ въ Бѣлорусскій край учителя Калужскаго реальнаго училища Шейна къ академику Гроту, въ которомъ объясняетъ, что срокъ, назначенный ему для исполненія даннаго ему порученія и оканчивающійся въ исходѣ будущаго ноября мѣсяца, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ оказывается не вполнѣ достаточнымъ. Главное изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что дождливое лѣто и ненастная осень долѣе обыкновеннаго задержали весь рабочій сельскій людъ въ полѣ, такъ что еще въ концѣ сентября въ иныхъ мѣстахъ косили даже сѣно, не говоря о яровыхъ, и потому г. Шейнъ гораздо позже нежели предполагалъ, могъ приступить къ собиранію матеріаловъ для изученія народнаго языка и словесности. А такъ какъ, сверхъ того, наблюденія надъ прозаическою рѣчью и записываніе сказокъ всего удобнѣе могутъ производиться во время святокъ, когда бесѣды и вечеринки наиболѣе въ ходу и вѣковымъ обычаемъ запрещается работать, то весьма желательно было бы воспользоваться и этимъ благопріятнымъ временемъ для достиженія ожидаемыхъ результатовъ. Отдѣленіе, находя эту просьбу вполнѣ уважительною и полагая, что и въ педагогическомъ отношеніи отсутствіе г. Шейна изъ училища до конца года не могло бы имѣть вредныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе что можетъ-быть для цѣльности преподаванія было бы даже полезно дать заступающимъ его мѣсто окончить полугодіе, опредѣлило ходатайствовать предъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа о продленіи г. Шейну срока его командировки до 1-го января наступающаго года.

Академикъ Срезневскій обратилъ вниманіе сочленовъ на трудъ професора Кіевской духовной академіи А. Воронова: «Главнѣйшіе источники для исторіи Св. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ 1877».

Академикъ Гротъ читалъ статью, написанную имъ по поводу появленія въ шведской газетѣ Aftonbladet документа, подтверждающаго будто бы преданіе о происхожденіи Императрицы Екатерины I отъ шведской фамиліи Рабе. Въ этой статьѣ сообщена г. Гротомъ

между прочимъ неизвѣстная до сихъ поръ, относящаяся къ 1726 году, переписка кабинетъ-секретаря Макарова съ рижскимъ генералъ-губернаторомъ кн. А. И. Репнинымъ о двухъ сестрахъ государыни изъ рода Скоронскихъ, содержавшихся съ ихъ семействами въ Ригѣ подъ стражею, а потомъ перевезенныхъ по ея приказанію въ Петербургъ.

Я. К. Гротъ доложилъ, что братъ извѣстнаго сербскаго писателя Вука Ст. Караджича, умершаго въ 1860-хъ годахъ, предлагаетъ Академіи Наукъ купить оставшуюся послѣ покойнаго библіотеку и что А. А. Куникъ, препровождая въ Отдѣленіе каталогъ этой библіотеки вмѣстѣ съ своимъ отзывомъ о ней, представляетъ, не сочтетъ ли Отдѣленіе возможнымъ принять участіе въ уплатѣ просимой за нее суммы. При семъ г. Куникъ объясняетъ, что онъ, занявшись составленіемъ каталога этому собранію книгъ и отобравъ уже 370 названій, полагаетъ, что наберется до 500 томовъ, которыхъ пріобрѣтеніе весьма желательно. Отдѣленіе, признавая и съ своей стороны такое приращеніе академической библіотеки существенно-важнымъ, изъявило полное свое согласіе на участіе въ издержкахъ по пріобрѣтенію собранія книгъ Караджича.

Академикъ Сухомлиновъ читалъ рѣчь, составленную имъ по случаю предстоящаго празднованія столѣтія со дня рожденія Императора Александра Павловича. Положено напечатать ее въ Запискахъ Академіи и въ Сборникѣ Отдѣленія.

Академикъ Гротъ внесъ доставленную С. И. Пономаревымъ въ рукописи библіографическую статью о двухъ сочиненіяхъ преосвященнаго Порфирія: «Востокъ христіанскій» и «Исторія Аѳона», которую и положено напечатать.

Читано отношеніе попечителя Московскаго учебнаго округа къ Я. К. Гроту о послѣдовавшемъ по представленію кн. Мещерскаго разрѣшеніи г. министра народнаго просвѣщенія на продленіе учителю Калужскаго реальнаго училища Шейну срока командировки въ Бѣлоруссію до 1 января 1878 года.

Январь — май 1878 г.

Академикъ Срезневскій доложилъ: 1) о выходѣ въ свѣтъ книги Grammaire française-russe, par Ch. Ph. Reiff, revue, corrigée et refondue par L. Léger. 1878. 2) Объ извѣстіи, ему сообщенномъ профессоромъ Л. Лежеромъ, о Слав. рукописи, найденной въ библіотекѣ

Гренадскаго университета. Она озаглавлена такъ: «Сіѧ книга имѣей свѣтцы а имеѧ́ м͠цъ в͠і а͠ недель н͠в». Основываясь на бумагѣ, на которой рукопись написана, отнесли ее къ XIV или XV вѣку. Судя по образцу письма и языка, И. И. Срезневскій думаетъ, что она принадлежитъ къ числу очень недревнихъ, т. е. что едва ли ее можно отнести и къ XV вѣку. 3) О письмѣ, имъ полученномъ отъ Я. Ѳ. Головацкаго съ приложеніемъ небольшаго лоскутка изъ древне-пергаменной рукописи; вмѣстѣ съ тѣмъ И. И. Срезневскій заявилъ, что въ непродолжительномъ времени надѣется сообщить свѣдѣніе о содержаніи этого лоскутка.

Академикъ Гротъ читалъ доставленную директоромъ реальной гимназіи въ Раудницѣ (въ Чехіи) г. Прусикомъ замѣтку о происхожденіи слова *девяносто*, которую и положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколу.

Академикъ Срезневскій читалъ составленную имъ записку о жизни и трудахъ трехъ первыхъ нашихъ славистовъ: Бодянскаго, Прейса и Григоровича. Записка будетъ напечатана.

Онъ же сообщилъ свои соображенія касательно поддѣльныхъ глоссъ чешскаго памятника Mater Verborum, печатаемыхъ нынѣ съ изслѣдованіемъ г. Патеры въ академическомъ изданіи.

Академикъ Гротъ читалъ статью свою: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка», написанную по поводу помѣщеннаго въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института» труда профессора А. С. Будиловича *Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологичекой точки зрѣнія*. Въ статьѣ своей Я. К. Гротъ разбираетъ главнымъ образомъ взгляды нѣкоторыхъ, особенно германскихъ филологовъ, на различные звуки древнеславянскаго и русскаго языковъ. Преимущественно онъ, на основаніи физіологическихъ доводовъ, опровергаетъ убѣжденіе тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ jot (нашъ й) согласнымъ звукомъ и потому принимаютъ начертанія *бойъ*, *крайъ*, какъ болѣе правильныя чѣмъ *бой*, *край*. Въ подтвержденіе своего взгляда академикъ ссылается между прочимъ на новыя изслѣдованія гг. Сиверса и Крейтера; далѣе онъ разсматриваетъ физіологическое значеніе нашихъ звуковыхъ элементовъ ъ, ь, ы, критически повѣряя мнѣнія Брюкке, Шлейхера, Миклошича и Лепсіуса, и въ заключеніе разбираетъ выводы наблюденій шведскаго филолога Леффлера надъ удвоеніемъ согласныхъ звуковъ.

Академикъ Бычковъ, возвращая просмотрѣнный имъ краткій отчетъ г. Шейна о путешествіи по Бѣлоруссіи, отозвался, что сколь-

ко можно заключать по этой запискѣ, главный результатъ его командировки составятъ собранные имъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ памятники народной словесности, но что для окончательнаго сужденія о сдѣланномъ имъ необходимо дождаться приготовляемаго имъ болѣе подробнаго отчета, при чемъ желательно, чтобы онъ съ возможною точностію обозначалъ мѣстности гдѣ собраны были наблюденія о языкѣ, сообщенныя ему лицами учебнаго вѣдомства, которыя откликнулись на его обращеніе къ ихъ содѣйствію и которыхъ имена по бывшимъ примѣрамъ полезно было бы опубликовать.

Академикъ А. Н. Веселовскій читалъ представленную однимъ ученымъ покойному князю Черкасскому записку о снаряженіи въ Болгарію экспедиціи для изученія края въ историко-этнографическомъ отношеніи. Отдѣленіе, выслушавъ эту записку съ полнымъ сочувствіемъ какъ къ самой идеѣ, такъ и къ предлагаемымъ подробностямъ выполненія ея, опредѣлило приступить къ обсужденію мѣръ для осуществленія проекта означенной экспедиціи какъ скоро положеніе Болгаріи выяснится болѣе опредѣленнымъ образомъ.

Академикъ Гротъ заявилъ о вышедшемъ въ свѣтъ новомъ замѣчательномъ и обширномъ трудѣ профессора Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Будиловича, напечатанномъ во II-й книгѣ «Извѣстій» этого учрежденія и отдѣльными оттисками подъ заглавіемъ: *Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ.* Цѣль автора посредствомъ данныхъ языка собрать матеріалы для возсозданія, въ возможной степени, картины древнѣйшаго быта славянскаго племени. «Первой задачей лингвистической палеонтологіи, говоритъ онъ, является выдѣленіе древнѣйшихъ словъ языка отъ старыхъ, а послѣднихъ отъ новыхъ». Для опредѣленія на этомъ основаніи приблизительной хронологіи славянскихъ словъ, г. Будиловичъ при изслѣдованіи ихъ принялъ слѣдующія четыре категоріи: 1) слова, которыя, будучи распространены во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, встрѣчаются и въ другихъ арійскихъ языкахъ—слова *доисторическаго* періода жизни первыхъ; 2) слова, которыя встрѣчаются во всѣхъ главныхъ представителяхъ славянской семьи языковъ—слова *праславянскія*; 3) слова, свойственныя двумъ основнымъ группамъ славянскихъ нарѣчій, но неизвѣстныя въ третьей—слова *древнеславянскія*: 4) слова, свойственныя отдѣльнымъ нарѣчіямъ или немногимъ ближайшимъ членамъ этой семьи языковъ,—слова *областныя.* Для своихъ наблюденій по этимъ правиламъ авторъ положилъ въ осно-

ву отъ 3-хъ до 4000 словъ, выбранныхъ имъ изъ лексикологическихъ пособій; это славянскія названія важнѣйшихъ предметовъ и явленій, качествъ, дѣйствій и отношеній, которыя затѣмъ распредѣлены по группамъ: 1) именъ существительныхъ, 2) прилагательныхъ, 3) глаголовъ и 4) частицъ. Въ вышедшую нынѣ 1-ю часть труда включенъ только одинъ отдѣлъ существительныхъ: изъ круга конкретныхъ названій выдѣлены въ особую рубрику тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ естествознанію; ихъ оказалось до тысячи; они распредѣлены въ слѣдующія шесть группъ:

1) Космографія, метеорологія, физика, географія.

2) Геологія, минералогія, металлургія.

3) Ботаника.

4) Зоологія.

5) Анатомія и физіологія животныхъ.

6) Медицина.

Тѣснѣйшія группы словъ соединены въ отдѣльные параграфы при чемъ представляется слѣдующая схема анализа:

1) Слово въ его русской формѣ, а при отсутствіи ея въ формѣ церковно-славянской и другой основной.

2) Латинскій терминъ, соотвѣтствующій древнѣйшему, либо основное значенію слова въ славянщинѣ.

3) Опредѣленіе приблизительнаго возраста слова однимъ изъ установленныхъ выше терминовъ.

4) Замѣчанія объ этимологіи слова съ параллелями изъ языковъ родственныхъ или указаніемъ источниковъ заимствованія.

5) Образцы даннаго слова по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ.

Авторъ, какъ самъ онъ замѣчаетъ въ своемъ вступленіи, далекъ отъ мысли о непогрѣшимости всѣхъ частностей избраннаго метода, всѣхъ подробностей его примѣненія и выводовъ. Послѣдніе онъ часто предлагаетъ только въ видѣ предположеній.

При такой оговоркѣ нельзя не отдать полной справедливости важности и высокому интересу предпринятаго г. Будиловичемъ изслѣдованія. Хотя оно и не можетъ быть названо первымъ опытомъ въ этой отрасли славянскаго языкознанія (авторъ самъ называетъ своихъ предшественниковъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ), но никто еще не предпринималъ подобнаго труда въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Даровитость и трудолюбіе автора позволяютъ надѣяться, что трудъ его, приведенный къ окончанію, составитъ важное дополненіе къ изслѣдованіямъ въ области не только славянской, но и вообще арійской филологіи.

Академикъ Срезневскій прочелъ по тому же поводу слѣдующую записку: «Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашей современной филологической литературы долженъ сдѣлаться трудъ А. Будиловича, котораго первый выпускъ явился теперь въ Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко за 1878 г. и отдѣльно — подъ названіемъ: «Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхь по даннымъ лексикальнымъ» (Кіевъ 1878 г. бол. 8, XXII + 265). Все богатство славянскаго языка по всѣмъ нарѣчіямъ, насколько это возможно, должно быть разобрано и систематически подобрано, какъ итогъ свидѣтельствъ объ образованности древнихъ Славянъ. Та же мысль, которою задался слишкомъ за сто лѣтъ передъ этимъ докторъ Антонъ въ своей книгѣ «Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse», является теперь въ трудѣ г. Будиловича въ полной выработкѣ и постановкѣ — съ гораздо болѣе опредѣленнымъ пониманіемъ задачи и несравненно бо́льшимъ подборомъ данныхъ. Подборъ данныхъ такъ обширенъ, что подобнаго не было до сихъ поръ не только въ словаряхъ сравнительныхъ, но и въ словаряхъ отдѣльныхъ нарѣчій, потому что составитель этого обширнаго труда выбиралъ слова не только изъ словарей, но и изъ самыхъ памятниковъ. Что касается общаго распорядка и вопросовъ, на которые этотъ трудъ долженъ дать отвѣты, то онъ еще не ясенъ; потому что первый выпускъ заключаетъ въ себѣ только начало — и то только перваго лингвистическаго отдѣла. Изданы только шесть главъ этого отдѣла: I. Космографія, метеорологія, физика, географія, II. Геологія, минералогія, металлургія, III. Ботаника, IV. Зоологія, V. Анатомія и физіологія животныхъ, VI. Медицина. Въ какомъ порядкѣ разбираться будетъ дѣло далѣе, это не указано. Можно подумать, судя по началу, что общій порядокъ статей взятъ почти такой же, какой принятъ А. Пиктетомъ въ его Origines indo-européennes (P. 1859); но слѣдующій выпускъ книги г. Будиловича, можетъ быть, заставитъ отказаться отъ этого предположенія. Во всякомъ случаѣ видно, что планъ обдуманъ внимательно и доводитъ свои требованія до подробностей. Нельзя не желать, чтобы это новое произведеніе неутомимой дѣятельности молодаго слависта, заслужившаго себѣ общее уваженіе уже многими прежними трудами, шло впередъ безъ замедленія, — произведеніе очевидно очень важное въ отношеніи къ исторіи славянскаго языка и народа».

Читано полученное на имя академика Грота письмо инспектора

и профессора Р.-К. Духовной Семинаріи каноника Антонія Барановскаго съ изложеніемъ его мыслей относительно составленія литовско-русскаго словаря по поводу переданнаго на разсмотрѣніе его опыта этого рода. Положено выразить г. Барановскому искреннѣйшую благодарность Отдѣленія за столь обстоятельно и съ такимъ знаніемъ дѣла составленный трудъ, который и напечатать въ академическомъ изданіи.

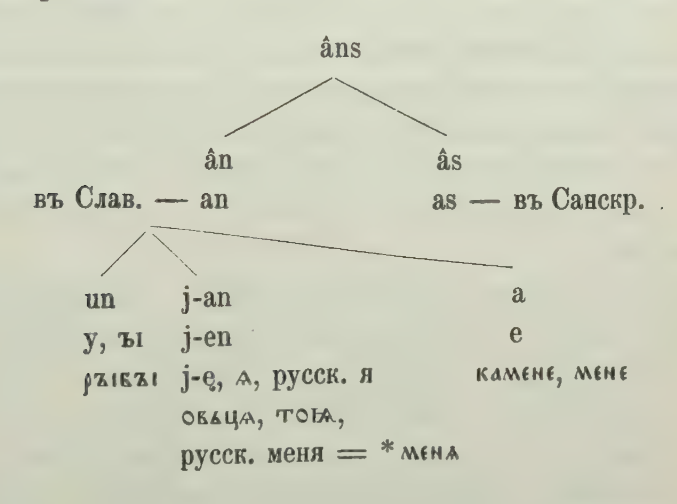
Академикъ Срезневскій, сообщивъ, что въ 1865 году начато О. Кольбергомъ изданіе сборника подъ названіемъ «Lud. jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przystowia, obrzędy, gusta, zabawy, pieśni, muzyka i tańce, прочелъ объ этомъ изданіи слѣдующій отзывъ: «Въ первой книгѣ подобрано все, что можно было собрать относительно народа въ области Сандомирской: вышелъ томъ почти въ 300 страницъ, богатый всякаго рода описаніями и указаніями. Въ 1867—1869 гг. вышли двѣ книги такого же разнообразнаго содержанія относительно народа въ Куявахъ; въ 1871—1875 появились четыре книги объ области Краковской; въ 1875—1877 вышли еще три книги объ области Познанской. Изданіе, очевидно, не окончено, а напротивъ того, все болѣе ускоряется, и съ этимъ вмѣстѣ по внутреннему своему богатству становится все болѣе важнымъ, а по внѣшности все болѣе расширяется, такъ что послѣднія книги объемистѣе первыхъ. Можно надѣяться, что и усердіе собирателя доможется счастливо довести свое обширное предпріятіе до желаннаго конца. Нельзя не вспомнить, что О. Кольбергъ не этимъ изданіемъ началъ свою многозначительную дѣятельность. Слишкомъ за 35 лѣтъ онъ сталъ собирать въ народѣ пѣсни, обращая тщательное вниманіе между прочимъ на напѣвы, и прекрасное изданіе своего собранія пѣсенъ выдалъ еще въ 1842 году. Въ 1857 г. вышли его Pies'ni ludu polskiego новымъ изданіемъ очень увеличеннымъ и очень богатымъ. Это-то собраніе пѣсенъ и сдѣлалось началомъ того сборника, который со слѣдующей книги сталъ выходить подъ названіемъ Lud и проч. Нельзя не цѣнить предпріятія О. Кольберга какъ важнаго и для изученія Польскаго народа, и для сравнительнаго изученія Славянскихъ народовъ, и вмѣстѣ какъ образецъ для подобныхъ предпріятій. Счастливое соединеніе любви къ народностямъ и необходимыхъ знаній съ знаніями музыки и пониманіемъ ея народныхъ особенностей ставятъ Кольберга въ очень не большой рядъ дѣятелей по народностямъ— не въ одномъ Славянствѣ, но и вообще въ Европѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Этимологія слова девенóсто, неправильно — девянóсто.

Г. Франца Прусика.

Въ русскій языкъ вошли нѣкоторыя особенности, которыхъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ; я приведу въ примѣръ род. пад. един. ч. меня, тебя, себя — при древнеславянскихъ формахъ мене, тебе, себе, которыя поразительно согласуются съ съ лит. manę̃s, tavę̃s, savę̃s, и ясно свидѣтельствуютъ о первоначальномъ — âns въ род. пад. ед. ч. Это âns составляетъ основу всѣхъ законныхъ окончаній род. пад., при чемъ оно могло раздвоиться, а слѣдовательно ослабѣть (какъ *an* до *un*) слѣдующимъ образомъ:

Къ такимъ же особенностямъ относится и слово девенóсто; его неправильное написаніе девянóсто еще болѣе затемняетъ происхожденіе замѣчательной формы и конечно произошло отъ стремленія по возможности пріурочить это числительное къ формѣ девять,

чему—по крайней мѣрѣ въ новѣйшемъ русскомъ языкѣ—не мало помогло произношеніе, такъ какъ вѣдь *я* (безъ ударенія) вообще произносится, какъ *е*, *ä*: срв. Вечеславъ въ произношеніи вм. правильной ф. Вячеславъ. Смѣшеніе въ правописаніи есть явленіе, какъ извѣстно, слишкомъ часто порождаемое такъ называемой народной этимологіей.

Прежде чѣмъ перейду къ изложенію своего взгляда на этимологію спорной формы числительной, я долженъ замѣтить, что мнѣ правда не удалось найти въ древнерусскихъ источникахъ, которыми я располагалъ, единственно вѣрную форму девено́сто, такъ какъ въ нихъ встрѣчается или девѧтъ десѧтъ, или еще чаще ч҃; но я однако не сомнѣваюсь въ ея существованіи, а долженъ только предоставить найти ее другимъ, которымъ доступно бо́льшее количество источниковъ.

Правильная форма девено́сто всего легче объясняется съ помощью латинскаго и греческаго языка. Первый для 90 представляетъ форму nōnā-gintā изъ novnā-, novenā-gintā, второй—ἐνενή-κοντα изъ Ϝενενή-κοντα вм. νεϜενή-κοντα (какъ я доказываю въ другомъ мѣстѣ). Обѣ эти формы восходятъ до формы navanấ-kantâ, которая обращается, по выпаденіи *n* во второй части (срв. Санскр. и зенд. viṅśati, vī-śaiti; triṅ-śat, thri-śata и т. д.), въ ф. navanấ-katâ, съ сокращеніемъ средн. р. *â* въ *a* въ *navanấ-katâ*, или въ слѣдствіе аттракціи перваго *â* съ окончаніемъ *a* въ *navaná-kata*.

Отсюда въ славянскомъ языкѣ возникаетъ совершенно правильно ф. *невена́-съто, вслѣдствіе аттракціи *невено́-съто, а съ новѣйшимъ *д* вм. *н*, какъ въ девѧтъ сравнительно съ navan, девена́-съто (мож. б. русск. діалект. девена́-сто?), девено́-съто, русск. *девено́-сто*; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что *русское удареніе въ точности сходится съ греческимъ*, что́ доказываетъ древность не только данной русской формы, но и вообще русскаго ударенія.

Девено́-с(ъ)то, гдѣ *с* замѣнило *к* (-κοντα) совершенно такъ же, какъ въ съто (санскр. зенд. śata, лит. šimtas — въ отношеніи

къ ἑ-κατόν centum), есть сочетаніе, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что въ его первой составной части сохранилась первоначальная прилагательная форма числительнаго, еще не обращенная посредствомъ ть въ существительное, и встрѣчающаяся во всѣхъ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ. Это явленіе—не единственное въ славянскомъ языкѣ; рядомъ съ нимъ, какъ показано мною въ другомъ мѣстѣ (срв. мои Příspěvky I, 16), существуютъ еще нѣкоторыя другія формы, изъ которыхъ я упомяну чешск. *deva*-desáte (= древ. слав. *девѧ-десѧте). Однакожъ эта форма отличается отъ той тѣмъ, что въ ней первая составная часть navan(i) несклоняема, какъ на пр. sedm, osm въ чеш. sedm-desáte, osm-desáte, или какъ лат. novem, тогда какъ въ данной формѣ эта часть склоняема, и притомъ такимъ образомъ, что она съ потерей *i* (въ ф. navani) какъ въ зенд., греч. и лат., перешла къ *a* = склоненію (сравн. вторую часть: зенд. — śata, — гр. κοντα, лат. — gintâ при санскр. — śati); но такъ какъ во второй части окончаніе средн. р. множ. â рано уже ослабѣло до a, какъ это видно изъ зенд. — śată, греч. — κοντᾰ сравнительно съ лат. — gintâ, и эта часть приняла — о вмѣсто ожидаемаго — а (сто), то въ слѣдствіе того и—а первой составной части (=*novenâ—, *νεϝενή —, ϝενενή —) по аттракціи перешло въ — о (девено).

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1877 годъ,

составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1877 г.

Отчетъ о годовой дѣятельности ученаго учрежденія обыкновенно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что совершено въ средѣ его въ теченіе этого времени и какіе труды и предпріятія задуманы его членами или приводятся ими въ исполненіе. Если въ лѣтописяхъ учрежденія не каждый годъ отмѣчается появленіемъ въ свѣтъ замѣчательныхъ трудовъ, если не каждый годъ приноситъ изслѣдованія, подвигающія науку впередъ: то тѣмъ не менѣе совокупность всѣхъ, даже не слишкомъ значительныхъ или выдающихся, работъ за извѣстный періодъ времени всегда представитъ утѣшительную картину поступательнаго движенія науки и усилій къ освѣщенію того, что въ ея области является загадочнымъ или неяснымъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе 1877 года продолжало трудиться по плану, предначертанному для него Высочайше утвержденнымъ положеніемъ. По этому положенію главною задачею Отдѣленія поставлено — основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, а таковое изслѣдованіе возможно только при условіи всесторонняго изученія разныхъ его говоровъ,

которые употребляются народомъ на пространствѣ бывшихъ областей и удѣльныхъ княжествъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства. Не смотря на то, что въ жизни и въ языкѣ народъ держится по преимуществу охранительнаго начала, многія и разнообразныя причины принуждаютъ его нерѣдко уступать натиску нововведеній и давать имъ право гражданства. Всего яснѣе это замѣтно на языкѣ. Городъ постепенно все болѣе и болѣе оказываетъ вліяніе на деревню, приравниваетъ ее къ себѣ, сглаживаетъ особенности ея говора и, создавая новыя діалектическія разности, вмѣстѣ съ этимъ уничтожаетъ и важныя данныя для филолога. А между тѣмъ въ живой устной рѣчи народа, въ пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ, удерживаемыхъ его памятью отъ далекой старины, заключаются богатые матеріалы не только для отечественной филологіи и литературы, но и для сравнительной. Сколько словъ, встрѣчающихся въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, получили надлежащее объясненіе изъ этого источника; сколько изъ него же удовлетворительно разрѣшено особенностей въ формахъ и въ синтаксическомъ строѣ языка; какъ много данныхъ народные говоры доставили для фонетики языка; наконецъ, какое неисчерпаемое богатство они дали и могутъ дать художникамъ слова.

Въ виду всего вышеизложеннаго Отдѣленіе съ готовностію приняло не одно только матеріальное участіе въ ученой командировкѣ профессора варшавскаго университета М. А. Колосова, поставившаго себѣ задачею: изучить языкъ, употребляемый въ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, которыя издавна заняты русскимъ населеніемъ и въ которыхъ были центры его исторической жизни, но и снабдило его инструкціею, выполненною имъ съ добросовѣстною отчетливостію.

Г. Колосовъ въ продолженіе своей поѣздки посѣтилъ 11 губерній. Особенно подробно изслѣдованъ имъ языкъ жителей Новгородской и Вятской губерній. Въ первой изъ нихъ предстояло ему разрѣшить довольно важный вопросъ: отдѣляются ли естественными границами говоры, существующіе нынѣ въ предѣлахъ

губерніи. Въ слѣдствіе разныхъ политическихъ и экономическихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на составъ населенія въ Новгородской области, вопросъ этотъ разрѣшился отрицательно, но за то изслѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что въ отдаленное время языкъ ея представлялъ менѣе разнообразія, чѣмъ въ настоящее время, и что въ немъ не было такихъ рѣзкихъ подраздѣленій, какія существуютъ теперь. Болѣе остатковъ стариннаго языка сохранилось въ мѣстахъ, близкихъ къ Ильменю: тамъ еще въ употребленіи слова, которыя встрѣчаются въ новгородскихъ юридическихъ памятникахъ XII и XIII вѣка, и при томъ произносимыя такъ, какъ они въ нихъ написаны.

Вятская губернія въ глазахъ изслѣдователя языка являлась весьма любопытною мѣстностью. До сихъ поръ принималось въ видѣ непреложной истины, что Вятскій край по отношенію къ языку представляетъ богатое хранилище далекой новгородской старины, такъ какъ онъ былъ колонизированъ изъ Новгорода. Но послѣ внимательнаго наблюденія надъ составомъ русскаго населенія Вятской губерніи оказалось, что оно дѣлится на двѣ половины, которыя рѣзко и опредѣленно отличаются одна отъ другой особенностями своего говора; что если нельзя положительно отрицать сходства этихъ говоровъ съ новгородскими, то въ то же время видна и разность между ними, прямо бросающаяся въ глаза: въ нихъ нѣтъ такихъ чертъ, которыя свойственны новгородскимъ говорамъ, и, наоборотъ, въ нихъ много такихъ, которыхъ нѣтъ тамъ. Все это, будучи еще подкрѣплено нѣкоторыми другими соображеніями, дало г. Колосову поводъ высказать предположеніе: не былъ ли Вятскій край отчасти колонизированъ жившими нѣкогда по Окѣ вятичами, быть можетъ даже ранѣе, чѣмъ произошло завоеваніе и заселеніе его новгородцами.

Въ Олонецкой губерніи, гдѣ въ недавнее время были найдены великолѣпные памятники народнаго эпоса, Отдѣленіе указало г. Колосову на городъ Каргополь, какъ на пунктъ, заслуживающій особеннаго вниманія. И дѣйствительно, нашъ изслѣдователь нашелъ въ языкѣ горожанъ и уѣздныхъ жителей много такихъ чертъ,

которыя являются важными остатками старины, уступающими, впрочемъ, по значенію народному языку Новгородской губерніи.

Разъѣзды г. Колосова по губерніямъ Владимірской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской имѣли главною цѣлью опредѣлить: дѣйствительно ли *окающее* нарѣчіе подраздѣляется на сѣверное и восточное и отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимірскомъ. Хотя Даль въ статьѣ «О нарѣчіяхъ русскаго языка» привелъ признаки, отличающіе восточное нарѣчіе отъ сѣвернаго, но изслѣдованія г. Колосова наглядно доказали почти тождество этихъ двухъ нарѣчій, даже до такой степени, что онъ не усумнился высказать слѣдующій рѣшительный выводъ: «не только восточнаго нарѣчія, но даже и поднарѣчія нѣтъ: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками». Впрочемъ, изъ этого тождества языка нельзя еще заключать о тождествѣ населенія двухъ краевъ: строить на однихъ лингвистическихъ выводахъ выводы этнографическіе по меньшей мѣрѣ не прочно. Въ этомъ случаѣ исторія должна придти на помощь и сказать свое слово о томъ: было ли населеніе окающей области коренное или пришлое, и если пришлое, то опредѣлить приблизительно время его поселенія и мѣстность, откуда оно пришло. Г. Колосовъ весьма благоразумно отклонилъ отъ себя разрѣшеніе этого труднаго вопроса и предоставилъ его будущимъ изслѣдователямъ.

Что касается данныхъ объ языкѣ жителей губерній отдаленнаго сѣверо-востока, то они извлечены г. Колосовымъ преимущественно изъ доставленныхъ ему весьма обстоятельныхъ сообщеній разныхъ лицъ, такъ какъ самъ онъ въ Вологодской и Пермской губерніяхъ оставался весьма недолго, а въ Архангельской и вовсе не былъ. Данныя эти, сопоставленныя и критически провѣренныя г. Колосовымъ, положительно опредѣляютъ къ какому изъ двухъ нарѣчій принадлежитъ языкъ жителей упомянутыхъ трехъ губерній.

2 * Отчеты о результатахъ поѣздки, представлявшіеся г. Коло-

совымъ Отдѣленію, уже напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ. Они, вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ сборниками словъ сѣвернаго великорусскаго нарѣчія, которыя не вошли въ словарь Даля, и нѣкоторыхъ произведеній народной литературы, важныхъ какъ для изслѣдователя языка, такъ и для этнографа, свидѣтельствуютъ о строгомъ отношеніи къ дѣлу молодаго ученаго, объ его трудолюбіи, наконецъ, объ его любви къ избранному предмету, не обращающей вниманія на многія неудобства и лишенія, соединенныя еще у насъ съ изученіемъ чего либо среди народа. Нѣкоторыя изъ наблюденій г. Колосова надъ звуковыми явленіями въ говорахъ сѣверныхъ губерній и надъ особенностями синтаксическаго строя этихъ говоровъ чрезвычайно важны, и безъ сомнѣнія наука о русскомъ языкѣ ими воспользуется, а въ этомъ заключается и похвала труду и награда ученому.

Отъ экспедиціи, уже оконченной и принесшей плоды для науки, я перейду къ другому, недавно начатому предпріятію, равномѣрно касающемуся изученія русскаго языка, исполнить которое вызвался П. В. Шейнъ, извѣстный собиратель великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ. Бѣлорусское нарѣчіе уже давно начало обращать на себя вниманіе Отдѣленія по уцѣлѣвшимъ въ немъ остаткамъ стариннаго языка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Отдѣленіе издало полный словарь бѣлорусскаго нарѣчія, составитель котораго, господинъ Носовичъ, слѣдовалъ говору, господствующему въ Могилевской губерніи. Но на обширномъ пространствѣ, отъ Нѣмана и Нарева до верховьевъ Волги и отъ Западной Двины до Припети и Ипути, которое населяютъ бѣлоруссы, существуетъ нѣсколько мѣстныхъ говоровъ, которые разнятся между собою не только въ фонетическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, сколько-можно судить объ этомъ по немногимъ изданнымъ памятникамъ устной литературы. Изслѣдовать эти различные говоры, показать ихъ отношеніе между собою и къ нарѣчіямъ великорусскаго языка — составляетъ предметъ весьма важный, тѣмъ болѣе, что подобное изслѣдованіе можетъ повести къ окончательному рѣшенію до сихъ поръ продолжающагося спора: счи-

тать ли бѣлорусское нарѣчіе съ его говорами самостоятельнымъ нарѣчіемъ русскаго языка или однимъ изъ нарѣчій великорусскаго. Предложеніе г. Шейна было весьма кстати, и Отдѣленіе поспѣшило его принять. Изъ всѣхъ мѣстностей, гдѣ слышится бѣлорусское нарѣчіе, наиболѣе интереса представляетъ Минская губернія, особенно такъ называемый Пинскій край, который, вслѣдствіе топографическихъ условій, наименѣе подвергался разнороднымъ вліяніямъ и гдѣ, по всему вѣроятію, бѣлорусское нарѣчіе сохранилось въ большей чистотѣ. Отдѣленіе первоначально намѣтило было изслѣдовать именно этотъ край, но, въ виду неблагопріятныхъ гигіеническихъ его условій, оно должно было отказаться отъ первоначальной мысли и предложило г. Шейну заняться изслѣдованіемъ языка въ южныхъ и сѣверо-западныхъ уѣздахъ Витебской и въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ Минской и Могилевской губерній.

Отдѣленіе въ программѣ, начертанной имъ для дѣятельности г. Шейна, просило его обратить вниманіе: 1) на характеристическія черты, отличающія бѣлорусское нарѣчіе отъ нарѣчій великорусскихъ; 2) на черты, отдѣляющія одинъ говоръ бѣлорусскаго нарѣчія отъ другаго, какъ фонетическія, такъ и грамматическія; 3) на слова, которыми можетъ пополниться словарь Носовича; 4) на собраніе сказокъ, пѣсенъ и другихъ памятниковъ устной литературы. Записанные съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ особенностей живой рѣчи народа, эти памятники послужатъ и оправданіемъ наблюденій, которыя будутъ сдѣланы г. Шейномъ, и богатымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій. Сверхъ того, самъ г. Шейнъ вызвался повѣрить со стороны звуковой говоры тѣхъ мѣстностей, откуда были ему доставлены пѣсни для изданнаго имъ сборника. Изъ недавно напечатаннаго г. Шейномъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» приглашенія, обращеннаго къ мѣстнымъ ученымъ и любителямъ народной словесности и старины содѣйствовать ему въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, видно, что онъ приступилъ къ выполненію той части программы Отдѣленія, которую оно считаетъ чрезвычайно важною въ интересахъ науки.

Членами Отдѣленія въ теченіе истекающаго года были выполнены нѣкоторыя возложенныя на нихъ порученія какъ Отдѣленіемъ, такъ и Академіею. Академикъ Гротъ для составляемой имъ біографіи Державина совершилъ поѣздку въ Тамбовъ, чтобы разсмотрѣть въ тамошнихъ архивахъ бумаги, относящіяся къ тому времени, когда авторъ «Фелицы» былъ здѣсь губернаторомъ; онъ нашелъ въ архивныхъ матеріалахъ немало любопытныхъ подробностей, дополнившихъ прежде собранныя имъ по этому предмету свѣдѣнія, что дало ему возможность довести біографію Державина до окончанія его губернаторства въ Тамбовѣ. Тотъ же академикъ присутствовалъ по порученію Академіи, въ качествѣ ея депутата, на 400-лѣтнемъ юбилеѣ упсальскаго университета. Подробный и исполненный интереса отчетъ объ этомъ празднествѣ и объ обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ, напечатанъ въ изданіяхъ Академіи и вышелъ отдѣльною брошюрою.

Академикъ Сухомлиновъ былъ командированъ въ Москву съ цѣлью собрать свѣдѣнія, относящіяся къ трудамъ членовъ россійской академіи, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессорами московскаго университета. Въ библіотекѣ университета, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ синодальной конторы онъ нашелъ немало любопытныхъ матеріаловъ; изъ нихъ особенно важны и сравнительно многочисленны тѣ, которые относятся къ жизни и дѣятельности профессора Барсова, ученика Ломоносова и Тредьяковскаго.

Академики Срезневскій и Бычковъ были посланы въ Казань, въ качествѣ депутатовъ Академіи, на IV археологическій съѣздъ, и кромѣ того первый былъ командированъ съ ученою цѣлью въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи. Оба они принимали живое участіе въ засѣданіяхъ съѣзда и въ обсужденіи многихъ на него представленныхъ рефератовъ. Сверхъ того, Бычковъ былъ выбранъ въ члены коммисіи для разсмотрѣнія отзывовъ ученыхъ учрежденій и лицъ, доставленныхъ на записку профессора дерптскаго университета Брикнера объ ученыхъ пособіяхъ

при изученіи исторіи Россіи, а академикъ Срезневскій, выбранный предсѣдателемъ VI отдѣленія (памятниковъ языка и письма), прочелъ нѣсколько рефератовъ, и въ числѣ ихъ: «О русскихъ древностяхъ казанскихъ и средняго Поволжья до XVI вѣка». Главный предметъ этого реферата составляли древнѣйшія иконы XII и XIII вв., которыя академику посчастливилось открыть въ казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ свіяжскомъ Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ и въ Успенской церкви села Болгаръ, во время посѣщенія ихъ членами съѣзда. Образокъ, хранящійся въ Благовѣщенскомъ соборѣ — изъ темносѣраго аспида (въ вершокъ длиною и $^{3}/_{4}$ вершка шириною). На одной сторонѣ его довольно выпукло выбитъ ликъ святаго; въ лѣвой рукѣ святой держитъ что-то въ родѣ свитка, обнявъ его поперекъ пальцами, а правою благословляетъ, приподнявъ пальцы: указательный, средній и мизинецъ, а два остальные приложивъ одинъ къ другому. Волосы довольно большіе, борода не очень длинная. По сторонамъ лика за сіяніемъ читаются нарѣзанныя буквы: андрѣаѕ. На другой сторонѣ въ серединѣ очень маленькое изображеніе святителя или же Спасителя, а вокругъ него семь изображеній, еще болѣе мелкихъ, потертыхъ. На продольныхъ плоскостяхъ толщи нашлись остатки двухъ написей, нарѣзанныхъ очень тонко и почти стершихся. Можно думать, что эти написи сдѣланы въ XIV вѣкѣ, позже самаго образка, который И. И. Срезневскій относитъ къ XIII вѣку, если не ранѣе. Образокъ, хранящійся въ свіяжскомъ женскомъ монастырѣ, также каменный и по величинѣ равенъ предъидущему; на одной сторонѣ его изображенъ святитель Николай, а на другой — онъ же, или какой другой святитель, и направо отъ него архангелъ Михаилъ, въ царской одеждѣ. Изображеніе святителя Николая выбито выпукло и очень тщательно, такъ что выразились не только подробности одежды и рукъ, но и чертъ лица и вообще головы. Лобъ святителю данъ большой, лысый, борода округлая. Въ лѣвой рукѣ у него евангеліе, а правою—онъ благословляетъ, выпрямивъ два средніе пальца, а два крайніе приложивъ къ большому. Вокругъ головы сіяніе,

а за нимъ на одной сторонѣ буквы: ни, а на другой, читая съ низу въ верхъ: кол (вм. кола или вм. кол). Изображенія святителя и архангела на другой сторонѣ образка также выпуклы и также тщательны. По начертанію буквъ этотъ образокъ отнесенъ И. И. Срезневскимъ не позже какъ къ XII вѣку. Наконецъ, въ церкви села Болгаръ хранится, какъ особенно чтимая святыня, полуобломанная рипида, между прочимъ, безъ нижняго конца, гдѣ была и втулка для древка, впрочемъ, не только со всѣми десятью изображеніями, по пяти на каждой сторонѣ, но и вообще въ такомъ видѣ, что не трудно возстановить весь ея первоначальный очеркъ и рѣзные узоры поля. Рипида мѣдная, позолоченная, величиною въ діаметрѣ около 7 вершковъ. Изображенія вырѣзаны на особыхъ круглыхъ, нѣсколько выпуклыхъ листкахъ, въ діаметрѣ по $1\frac{1}{2}$ вершка, толщиною около $\frac{1}{10}$ вершка. Одинъ изъ пяти на каждой сторонѣ занимаетъ середину, а другіе четыре расположены вокругъ средняго крестомъ. У каждаго изображенія есть напись по сторонамъ лика. На одной сторонѣ: Спаситель (въ серединѣ), Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча и архангелы: Михаилъ и Гавріилъ; а на другой сторонѣ: Василій Великій (въ серединѣ), Козма и Даміанъ, Кириллъ Іерусалимскій и Николай чудотворецъ. Судя по начертанію буквъ, рипиду эту можно несомнѣнно отнести къ XII вѣку. Такимъ образомъ, небольшой списокъ отечественныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ XII — XIII вѣковъ, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ академика Срезневскаго, разомъ увеличился тремя, и притомъ найденными въ такихъ мѣстахъ, которыя вошли въ составъ Московскаго государства съ половины XVI вѣка, а это обстоятельство даетъ поводъ заключать, что эти памятники или существовали въ этомъ краѣ гороздо ранѣе присоединенія его къ Россіи, будучи принесены сюда, быть можетъ, нашими миссіонерами и тѣми, которые искали здѣсь убѣжища отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ, или оставлены умершими здѣсь лицами, свѣтскими или духовными, приходившими на службу въ край изъ Россіи послѣ его завоеванія и приносившими вещи съ собою.

Во время своего путешествія по сѣверо-восточнымъ губер-

ніямъ Россіи, академикъ Срезневскій изъ числа другихъ древнихъ памятниковъ, кромѣ нѣсколькихъ церквей Ярославля и Рязани и окрестностныхъ съ Рязанью монастырей, обратилъ вниманіе на бѣдные, но, тѣмъ не менѣе, драгоцѣнные остатки «Старой» Рязани, что на Окѣ у Спасска. До сихъ поръ и въ обширной мѣстности, окруженной высокимъ валомъ, и внѣ ея находятъ древнія вещи. Сохранились и приземные остатки древнихъ обширныхъ зданій изъ квадратнаго плоскаго кирпича, связаннаго такимъ же цементомъ, какъ въ древнѣйшихъ кіевскихъ церквахъ. Кромѣ того, во время путешествія, И. И. Срезневскій старался увеличить запасъ свѣдѣній по вопросу: какъ далеко по Окѣ и Волгѣ, и по Дону простирались поселенія русскаго народа во время первыхъ завоеваній кіевскихъ великихъ князей на востокъ отъ Днѣпра? Вопросъ этотъ важенъ и для исторіи русскаго языка. Наблюденія, нужныя для его рѣшенія, кромѣ показаній лѣтописей и другихъ подобныхъ свидѣтельствъ, суть этнографическія и лингвистическія. Послѣднія составляютъ: 1) русскій языкъ въ областяхъ, лежащихъ по означеннымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, въ употребленіи народномъ и въ старинныхъ памятникахъ тамошняго происхожденія; 2) названія рѣкъ, потоковъ, озеръ, разныхъ мѣстностей и урочищъ въ тѣхъ областяхъ, сохранившіяся доселѣ отъ древности и занесенныя въ древніе памятники. Г. Срезневскому удалось нѣсколько увеличить прежній запасъ областнаго языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выбрать изъ подробныхъ картъ, списковъ населенныхъ мѣстностей, лѣтописей и грамотъ и изъ живаго употребленія значительное количество названій мѣстныхъ, относящихся болѣе всего къ области притоковъ Оки до ея устья. Академикъ Срезневскій полагаетъ, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ заключенію, что хотя въ этой мѣстности и жили инородцы, но рядомъ съ ними издревле обитали и русскіе, по крайней мѣрѣ отдѣльными, разбросанными поселками, и что сила русскихъ князей опиралась тамъ не на однѣхъ дружинахъ, но и на тамошнемъ коренномъ русскомъ народѣ.

Кромѣ исполненія возложенныхъ порученій, о которыхъ было

только что упомянуто, каждый изъ членовъ Отдѣленія еще трудился въ избранномъ имъ кругѣ дѣятельности.

Академикъ, высокопреосвященный архіепископъ литовскій и виленскій Макарій, не смотря на многочисленныя и разнообразныя занятія, какъ по епархіи, такъ и по званію члена св. синода, успѣлъ подарить наукѣ въ истекающемъ году VIII томъ Исторіи русской церкви, составляющій третью книгу періода раздѣленія церкви на двѣ митрополіи. Глава, трактующая о церковномъ правѣ, и глава, въ которой говорится о богослуженіи, обращаютъ на себя особенное вниманіе и полнотою и интересомъ сообщаемыхъ ими свѣдѣній.

Академикъ Гротъ по изученію царствованія Екатерины II окончилъ характеристику ея отношеній къ Густаву III и слилъ свои изслѣдованія по этому предмету въ одну статью, которая напечатана въ Запискахъ Академіи и въ тоже время издана отдѣльною книгою. Составилъ статью «Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой», читанную имъ въ общемъ собраніи Историческаго Общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и напечатанную въ Сборникѣ общества. По поводу найденнаго въ Швеціи и въ первый разъ изданнаго тамъ русскаго текста Орѣховскаго договора 1323 года написалъ статью, напечатанную въ изданіяхъ Академіи, съ приложеніемъ снимка съ рукописи этого договора, относящейся по почерку къ концу XVI или къ началу XVII вѣка. Сохраняющееся въ Швеціи преданіе о происхожденіи оттуда императрицы Екатерины I дало поводъ академику разсмотрѣть на чемъ основывается это преданіе и написать статью, въ которой, показавъ недостовѣрность его, онъ привелъ неизвѣстные до сихъ поръ документы, подтверждающіе принадлежность государыни къ роду Скавронскихъ. Прочелъ двѣ замѣтки: о филологическихъ занятіяхъ Екатерины II, именно о трудахъ Янковича де Миріево и Богдана Арндта, вызванныхъ Сравнительнымъ Словаремъ, напечатаннымъ подъ редакціею Палласа, и по поводу статьи г. Карновича о герцогинѣ Кингстонъ,

напечатанной въ журналѣ «Русская Старина», и замѣчанія неизвѣстнаго о времени смерти Чупятова. Занимался составленіемъ русской грамматики и написалъ первыя ея главы. Продолжалъ въ государственномъ архивѣ свои занятія по разбору и приведенію въ порядокъ бумагъ Екатерины II, и изъ числа ихъ печаталъ собраніе писанныхъ по французски писемъ ея къ Гримму, которыя будутъ изданы Императорскимъ русскимъ Историческимъ обществомъ въ наступающемъ году.

Академикъ Срезневскій продолжалъ одинъ изъ многочисленныхъ своихъ трудовъ, котораго напечатанными частями пользуются съ благодарностію ученые и котораго каждый новый выпускъ составляетъ цѣнный вкладъ въ науку, — изданіе въ свѣтъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ памятниковъ древней нашей письменности. Во время своего путешествія въ истекающемъ году по Россіи, онъ нашелъ три древнія рукописи, изъ которыхъ неполный Служебникъ XIII вѣка, по мнѣнію академика, является памятникомъ важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ пополняетъ недостатокъ, находящійся въ служебникѣ, принадлежавшемъ, основываясь на позднѣйшей впрочемъ припискѣ, св. Варлааму Хутынскому, будучи одинаковъ съ нимъ по содержанію. Служебникъ препод. Варлаама занимаетъ первое мѣсто по древности въ ряду служебниковъ доселѣ открытыхъ и отличается между однородными памятниками своимъ составомъ. Двѣ другія рукописи: Служебникъ XIV вѣка и отрывки изъ Книги Іисуса сына Сирахова заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія во многихъ отношеніяхъ. Напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ: Воспоминаніе о Павлѣ Михайловичѣ Строевѣ, въ которомъ представилъ полную картину ученой дѣятельности покойнаго академика и оцѣнку и значеніе его трудовъ. По порученію Академіи написалъ рецензіи на два сочиненія, представленныя на соисканіе уваровскихъ наградъ: Варяги и Русь, Гедеонова, которое онъ разсмотрѣлъ преимущественно со стороны находящихся въ немъ филологическихъ соображеній, и Описаніе воскресенской новоіерусалимской библіотеки, архимандрита Амфилохія. По поводу книги М. Ю. Милече-

вича: Княжество Сербія, прочелъ въ Отдѣленіи статью подъ заглавіемъ: Свѣдѣнія о современной Сербіи, которую напечаталъ въ IV томѣ Сборника государственныхъ знаній. Слѣдующія замѣчательныя сочиненія, вышедшія въ славянскихъ земляхъ, дали И. И. Срезневскому поводъ сообщить въ засѣданіяхъ Отдѣленія подробныя о нихъ заявленія: Српске народне загонетке (загадки) сербскаго ученаго Новаковича, трудъ, составляющій дорогой подарокъ для изучающихъ народный языкъ и народную поэзію, а отчасти и для этнографіи; Brus (оселокъ), чешскаго ученаго Гатталы, въ которомъ доказывается, что чешскій языкъ испорченъ въ своемъ составѣ, сколько дѣйствіями безсознательными, столько же и сознательными; Корни со словами отъ нихъ происшедшими въ хорватскомъ или сербскомъ языкѣ, Даничича. Кромѣ этого, академикъ Срезневскій въ особой запискѣ сообщилъ Отдѣленію свои мысли о важности археологической энциклопедіи какъ основной части археологическаго знанія, изложивъ при этомъ въ краткомъ очеркѣ и ея содержаніе.

Академикъ Бычковъ составилъ записку о вновь найденномъ пергаментномъ евангеліи по недѣлямъ XI вѣка (1092 года), принадлежащемъ нынѣ московскому публичному музею, которую прочелъ въ Отдѣленіи и напечаталъ въ Запискахъ Академіи. Напечаталъ въ тѣхъ же Запискахъ отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ для библіологическаго словаря П. М. Строева, внесенныхъ въ Академію, по распоряженію покойнаго, его наслѣдниками. Приступилъ къ печатанію изъ этихъ матеріаловъ всего того, что имѣетъ интересъ и значеніе и въ настоящее время, послѣ появленія Обзора русской духовной литературы архіепископа Филарета, и того, что дополняетъ и исправляетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи предшествовавшіе библіографическіе труды. Представилъ въ коммисію, присуждавшую уваровскія награды, написанную по ея порученію рецензію на сочиненіе Ю. В. Толстова: «Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею, 1553 — 1593». Печаталъ по званію члена археографической коммисіи новгородскія лѣтописи и для Императорскаго русскаго

Историческаго общества томъ Сборника, въ который войдутъ документы о пребываніи нашихъ пословъ во Франціи и донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ при нашемъ дворѣ съ 1681 года по конецъ царствованія Петра Великаго. Составилъ описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Императорскою Публичною библіотекою отъ г. Сокурова, которое будетъ напечатано въ Отчетѣ библіотеки за 1876 годъ. Продолжалъ занятія въ государственномъ архивѣ по собранію писемъ и бумагъ императора Петра Великаго. Въ настоящее время уже имѣется около 10.000 документовъ, писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ нашимъ державнымъ преобразователемъ, въ числѣ которыхъ находится много важныхъ и доселѣ необнародованныхъ.

Академикъ Сухомлиновъ приступилъ къ печатанію IV выпуска Исторіи россійской академіи. Отпечатанная часть заключаетъ монографію о Севергинѣ. Въ многочисленномъ ряду произведеній Севергина, оригинальныхъ и переводныхъ, главное мѣсто занимаютъ труды его по естествознанію, и преимущественно по минералогіи. «Севергинъ», такъ говоритъ современный его біографъ, «бывъ истиннымъ труженикомъ науки, вполнѣ понималъ его требованія и, будучи превосходно знакомъ съ литературою своего предмета, стоялъ на высотѣ современнаго ему развитія естествознанія въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Севергинъ постоянно имѣлъ въ виду изученіе Россіи и распространеніе знаній въ русскомъ обществѣ. Онъ много содѣйствовалъ образованію и обогащенію русской научной терминологіи». Важное значеніе для своего времени имѣли его обширные труды: Опытъ минералогическаго описанія Россіи; Минералогическій словарь, и др. Онъ былъ редакторомъ повременнаго академическаго изданія «Технологическій журналъ», въ которомъ заключается множество статей не только по технологіи, но и по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи. Севергинъ переводилъ на русскій языкъ сочиненія по исторіи и по словесности; онъ участвовалъ въ переводѣ Бартелеми: Путешествіе Анахарсиса

по Греціи. Учено-литературная дѣятельность Севергина и другихъ академиковъ разсматривалась г. Сухомлиновымъ особенно подробно потому, что она составляетъ существенную часть исторіи науки въ Россіи. Напечаталъ рѣчь, произнесенную въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I. Въ этой рѣчи академикъ, изложивъ благотворныя преобразованія, совершившіяся въ Академіи Наукъ, въ царствованіе императора Александра I, и очертивъ ея ученую дѣятельность за это время, остановилъ особенное вниманіе на учрежденіи и преобразованіи университетовъ, откуда, по справедливому его замѣчанію, «преимущественно выходили и выходятъ труженики, проникнутые живою, искреннею любовью къ наукѣ, неугасающею подъ гнетомъ невзгодъ и лишеній, и недоступною для приманокъ внѣшняго блеска и житейскихъ выгодъ».

Академикъ Соловьевъ напечаталъ XXVII томъ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, или 3-й томъ Исторіи Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ которомъ разсказаны событія 1766—1768 годовъ, между прочимъ, дѣйствія коммисіи объ уложеніи, борьба съ Польшею за диссидентовъ и объявленіе Турціею войны, кончившейся миромъ въ Кучукъ - Кайнарджи. Ко дню празднованія столѣтняго юбилея императора Александра I издалъ сочиненіе: «Императоръ Александръ первый. Политика—дипломатія». Сочиненіе это, для котораго академикъ пользовался многими необнародованными документами, представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ исторической литературѣ и дѣлится на двѣ части: первая обнимаетъ эпоху коалицій, вторая—эпоху конгрессовъ.

Академикъ князь Вяземскій напечаталъ при «Хроникѣ недавней старины изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго» письмо, въ которомъ сообщилъ личныя воспоминанія объ упоминаемыхъ въ хроникѣ событіяхъ и лицахъ, которыхъ онъ былъ современникомъ. Это письмо освѣщаетъ картину прошедшаго самыми живыми красками и невольно приковываетъ къ се-

бѣ вниманіе читателя мастерскимъ, образнымъ изложеніемъ. Помѣстилъ въ «Русскомъ Архивѣ» статью: «Московское семейство стараго вѣка» и стихотвореніе: «Поминки». Въ письмѣ къ академику Гроту сообщилъ нѣсколько остроумныхъ замѣтокъ о русскомъ языкѣ и объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ по поводу спора, возникшаго въ газетахъ между И. С. Тургеневымъ и критикомъ «Новаго Времени».

Въ теченіе 1877 года посторонніе ученые внесли въ Отдѣленіе слѣдующія сочиненія: братья Юшкевичи «Литовско-Русскій Словарь», который, по отзыву члена-корреспондента Академіи, профессора Потебни, его разсматривавшаго, далеко оставитъ за собою, и по полнотѣ и по ученой обработкѣ, словари этого языка Ширвида, Милке, Хаака, Нессельмана и др., не говоря уже о пользѣ, которую онъ принесетъ для русскихъ, намѣревающихся изучать этотъ языкъ. Молодой чешскій ученый А. О. Патера — изслѣдованіе о глоссахъ «Mater verborum». Этотъ латинскій словарь констанцкаго епископа Саломона, умершаго въ 920 году, при перепискѣ, нѣсколько разъ былъ дополняемъ глоссами, особенно нѣмецкими. Одинъ изъ такихъ списковъ этого словаря сохранился въ великолѣпной рукописи начала XIII вѣка, писанной Вацерадомъ, въ которой находится множество чешскихъ глоссъ, внесенныхъ въ нее разновременно. Не смотря на то, что надъ этимъ древнимъ памятникомъ чешскаго языка трудились Ганка, Юнгманъ и Шафарикъ, г. Патера занялся имъ снова, и успѣлъ не только раздѣлить всѣ глоссы на отдѣлы по времени ихъ написанія, но и разъяснить тѣ изъ нихъ, которыя считались до сихъ поръ темными. Въ виду важности изслѣдованія г. Патера, какъ для славянской филологіи вообще, такъ и для древняго русскаго языка и быта, Отдѣленіе положило напечатать это изслѣдованіе въ своемъ Сборникѣ.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе пополнило свой составъ выборомъ въ адъюнкты профессора с.-петербургскаго университета А. Н. Веселовскаго, стяжавшаго почетную извѣстность и уваженіе въ западномъ ученомъ мірѣ своими открытіями и изслѣдова-

ніями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, а между нашими учеными—многими замѣчательными трудами, въ которыхъ русскіе и славянскіе письменные и устные памятники объясняются памятниками западно и южно-европейскими. Довольно многочисленный рядъ изслѣдованій г. Веселовскаго, отличающихся несомнѣнными достоинствами, даетъ право надѣяться, что въ молодомъ ученомъ Академія пріобрѣла полезнаго и необходимаго ей дѣятеля.

Въ 1877 году Отдѣленіе понесло чувствительную потерю. 21-го іюля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался ординарный академикъ А. В. Никитенко, принимавшій въ его занятіяхъ самое живое участіе въ продолженіе почти 22-хъ лѣтъ.

Жизнь человѣка, посвятившаго полвѣка на преподаваніе молодому поколѣнію живымъ словомъ теоріи и исторіи отечественной словесности, и во все это время честно стоявшаго за идеи истины, добра и прекраснаго; полвѣка вносившаго свои вклады въ отечественную литературу и науку; связаннаго разнообразными отношеніями и съ представителями литературныхъ кружковъ самыхъ противоположныхъ направленій, и съ государственными сановниками и съ практическими дѣятелями; близко стоявшаго къ дѣлу при нѣкоторыхъ предпринимавшихся государственныхъ реформахъ, — представляетъ живую картину нашей литературной и общественной жизни за послѣднія 50 лѣтъ и заслуживала бы болѣе подробнаго и обстоятельнаго изображенія, чѣмъ предлагаемый мною краткій очеркъ жизни и трудовъ покойнаго.

А. В. Никитенко родился въ мартѣ 1805 года, въ деревнѣ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Еще ребенкомъ онъ отличался особенною понятливостью, любилъ присутствовать въ хатѣ, когда что либо читали вслухъ, и съ восторгомъ вслушивался въ духовные гимны, которые пѣли слѣпцы, странствовавшіе по Южной Россіи. Отецъ его, принадлежавшій къ числу грамотныхъ и книжныхъ людей и стоявшій по уму и свѣдѣніямъ выше другихъ лицъ своего состоянія, пожелалъ дать сыну образованіе, и съ этою цѣлью помѣстилъ его въ воронежское уѣздное учили-

ще, гдѣ онъ и кончилъ курсъ, обративъ дарованіями и успѣхами на себя вниманіе училищнаго начальства и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя въ то время в уѣздномъ училищѣ, были крайне ограничены, и юноша, которому, по сложившимся обстоятельствамъ, приходилось было ими ограничиться, отдался по выходѣ изъ училища чтенію попадавшихся подъ руку журналовъ, поэтическихъ произведеній и переводныхъ романовъ. Это чтеніе, какъ говорилъ самъ Никитенко, открыло ему новый міръ идей, непрестанно заставлявшій работать умъ, вдумываться въ явленія духовной жизни и отдавать въ нихъ отчетъ Такъ длилось нѣсколько лѣтъ. Доступъ къ высшему образованію, казалось, былъ навсегда загражденъ А. В. Никитенкѣ, но къ нему пришло на помощь Россійское Библейское Общество. Основанное въ памятную для Россіи эпоху 1812 года, оно обнаружило необыкновенную дѣятельность и быстрое развитіе. Во многихъ губернскихъ городахъ были заведены его комитеты и отдѣленія, а въ уѣздныхъ—сотоварищества. Лучшія мѣстныя силы были призваны содѣйствовать его цѣлямъ. Подобное сотоварищество было основано и въ Острогожскѣ и секретаремъ его былъ избранъ молодой Никитенко, который произнесъ рѣчь въ публичномъ его засѣданіи, 27-го января 1824 года[1]). Главнымъ лицемъ въ библейскомъ обществѣ и его ревностнымъ дѣятелемъ былъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, имѣвшій огромное значеніе у государя и вліяніе на дѣла общественныя. Къ нему доставлялись изъ губерній отчеты комитетовъ и сотовариществъ, рѣчи въ нихъ произносимыя, и все выдающееся изъ ряда Голицынъ докладывалъ Государю. Въ числѣ многихъ рѣчей дошла до князя Голицына и рѣчь секретаря острогожскаго сотоварищества; она обратила на себя вниманіе князя, понравилась ему и, соединенная съ ходатайствомъ разныхъ лицъ, рѣшила судьбу Никитенки. По желанію князя, молодой человѣкъ былъ вызванъ въ Петербургъ,

[1]) Эта рѣчь помѣщена въ приложеніи къ Отчету.

въ томъ же 1824 году. «Не смотря на свою провинціальную неуклюжесть и неразвитость, Никитенко, такъ говоритъ онъ самъ о себѣ, былъ принятъ княземъ съ невыразимымъ добродушіемъ, обласканъ имъ, ободренъ, удостоенъ самаго теплаго вниманія къ его внѣшнему и умственному состоянію, и, наконецъ, для довершенія его крайне недостаточнаго образованія, помѣщенъ въ университетъ. Пока не упрочилось нѣсколько его положеніе, князь заботился о его матеріальныхъ нуждахъ, и впослѣдствіи, при его содѣйствіи, ему назначено было отъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ примѣръ другимъ, денежное пособіе для окончанія университетскаго курса, такъ какъ онъ не пожелалъ вступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ». Факультетъ, избранный Никитенкою, былъ философско-юридическій, между профессорами котораго не находилось лицъ, особенно выдававшихся. Но сближеніе съ товарищами, слушавшими профессоровъ, удалившихся изъ университета послѣ постигшаго его погрома, должно было плодотворно дѣйствовать на воспріимчивую натуру Никитенки. Еще будучи студентомъ, Никитенко выступилъ въ печать. Въ «Сынѣ Отечества» 1826 года былъ помѣщенъ его первый трудъ: «О преодолѣніи несчастій». Этюды по нравственной философіи въ первой четверти настоящаго столѣтія особенно часто появлялись въ нашей повременной литературѣ; большая часть ихъ не отличалась самостоятельностью изслѣдованій, сообщала истины всѣмъ извѣстныя и была располагаема по правиламъ хріи. Къ числу такихъ принадлежалъ и оконченный 30-го октября 1825 года трудъ Никитенки, подъ которымъ онъ подписался: «Александръ Никитенковъ», какъ подписывался въ дѣловыхъ бумагахъ и его отецъ. Въ этомъ разсужденіи, изложенномъ языкомъ цвѣтистымъ и нѣсколько многословно, недостатки, замѣчаемые отчасти и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ трудахъ покойнаго академика, изображалась неизбѣжность несчастій на землѣ и указывалось, что ихъ можетъ ослабить: самосознаніе, гармоническое развитіе душевныхъ силъ, наконецъ, мужество, независимость и чистота духа. «Не о томъ должно заботиться, сказалъ Никитенко въ одномъ

мѣстѣ этого этюда, чтобы провести жизнь безбѣдно, но чтобы провести ее съ честью»—и эти слова молодаго человѣка осталися девизомъ всей его жизни.

Другой трудъ Никитенки изъ временъ его студенчества — рсзсужденіе, которое онъ читалъ на актѣ 1827 года: «О политической экономіи вообще, и въ особенности о производимости, какъ главномъ предметѣ оной», явилось результатомъ выслушанныхъ имъ лекцій профессора росссійской словесности Бутырскаго, на котораго было возложено читать студентамъ политическую экономію и который умѣлъ ее, вмѣстѣ съ наукою о финансахъ, излагать толково и занимательно.

Въ 1828 году Никитенко кончилъ курсъ наукъ въ университетѣ кандидатомъ, пятымъ изъ семи товарищей, получившихъ эту степень, и въ томъ же году, благодаря расположенію къ нему тогдашняго попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, К. М. Бороздина, человѣка просвѣщеннаго, имѣвшаго обширныя познанія въ русской исторіи и отличавшагося душевною добротою и прямодушіемъ, и продолжавшемуся вниманію князя А. Н. Голицына, къ которому имѣлъ постоянный доступъ, опредѣленъ на службу въ канцелярію попечителя округа младшимъ письмоводителемъ. Въ слѣдующемъ году онъ сопровождалъ Бороздина при обозрѣніи имъ учебныхъ заведеній округа, а въ 1830 году, по избранію совѣта университета, началъ преподавать въ немъ теорію о народномъ богатствѣ по Адаму Смиту. Каѳедру политической экономіи онъ занималъ два съ половиною года (съ 24-го февраля 1830 г. по 4-е августа 1832 г.), и въ послѣднее полугодіе уже въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ этой науки, написавъ сочиненіе: «О главныхъ источникахъ народнаго богатства».

Почти одновременно съ приглашеніемъ въ университетъ, Никитенко началъ преподавать русскую словесность въ высшихъ классахъ института ордена св. Екатерины (съ 10-го декабря 1830 г. по 12-е марта 1844 г.). Живая и одушевленная рѣчь, стремленіе снять оковы, наложенные на предметъ устарѣлыми правилами риторики и піитики, и положить въ его основаніе эсте-

тическія начала сдѣлали вскорѣ извѣстнымъ въ Петербургѣ имя молодаго преподавателя. О немъ заговорили и въ средѣ педагогической, и въ высшихъ слояхъ общества. Этимъ весьма естественно объясняется переходъ его съ каѳедры политической экономіи на каѳедру русской словесности, послѣ выхода въ отставку профессора Толмачева и послѣ окончательнаго перемѣщенія Бутырскаго на каѳедру политической экономіи. 26-го августа 1832 года, въ присутствіи небывалаго до того на университетскихъ чтеніяхъ множества посѣтителей, А. В. Никитенко прочелъ вступительную лекцію: «О происхожденіи и духѣ литературы». Имѣя въ рукахъ конспектъ лекціи въ нѣсколько строкъ, даровитый профессоръ импровизировалъ лекцію, длившуюся, впрочемъ, вмѣсто двухъ часовъ, менѣе трехъ четвертей часа и сразу раздѣлившую слушателей на два противоположные лагеря, которые продолжали существовать во все время профессорской его дѣятельности въ университетѣ. Въ лекціи, которая была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1833 года и вышла потомъ отдѣльно, разбросано много свѣтлыхъ, здравыхъ мыслей, составлявшихъ у насъ для того времени новизну. Еще немногіе тогда сознавали, что «постигнуть духъ языка значитъ постигнуть таинственное отношеніе его къ духу народа и что исторія перваго можетъ служить исторіею глубокой внутренней жизни втораго»; что «не искусства образуются по теоріи, но теорія по искусствамъ»; что на преподавателѣ теоріи словесности лежитъ обязанность распространять чистыя понятія о сущности изящнаго и о высокомъ значеніи литературы, чтобы съ одной стороны поднять ея уровень, а съ другой—по достоинству оцѣнить и лжеименныя дарованія, и людей, вторгающихся въ храмъ чистой красоты съ предвзятыми цѣлями. Эту обязанность, при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, А. В. Никитенко всегда имѣлъ въ виду и строго выполнялъ ее какъ на лекціяхъ, такъ и въ печатномъ словѣ. Вотъ какъ характеризировалъ П. А. Плетневъ лекціи Никитенки: «При изложеніи теоріи словесности онъ обратился къ основнымъ началамъ природы и человѣческой жизни, извлекая ихъ изъ психологіи и

исторіи; для доставленія же общимъ началамъ несомнѣнной примѣняемости, вводилъ ихъ въ область русской народности, уравнивая правила мышленія съ требованіями нашего языка и успѣхами литературы». Если припомнить, что такого характера чтенія происходили 45 лѣтъ тому назадъ, то нельзя ихъ не поставить въ заслугу профессору, особенно въ виду того вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ слушателей. Во время службы своей въ университетѣ, А. В. Никитенко въ 1834 году (17-го января) былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1837 году удостоенъ степени доктора философіи, по представленіи разсужденія, носящаго заглавіе: «О творящей силѣ въ поэзіи, или о поэтическомъ геніѣ», а въ 1850 г. (6-го февраля) получилъ званіе ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской словесности. Чтеніе лекцій въ университетѣ А. В. Никитенко окончилъ 1-го іюня 1864 года. О томъ, какой характеръ и какое значеніе имѣли эти лекціи и его занятія съ студентами мы не беремъ на себя опредѣлить, и предоставляемъ слово историку с.-петербургскаго университета за первыя 50 лѣтъ его существованія, лицу, болѣе чѣмъ мы, компетентному въ этомъ случаѣ: «Проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое,—такъ говоритъ г. Григорьевъ,—и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, профессоръ Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотою, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія. Такимъ образомъ, лекціи его «объ изящномъ», сверхъ развитія эстетическаго вкуса въ слушателяхъ, философскою стороною своею, восполняли еще, насколько было это возможно, тотъ въ высшей степени важный пробѣлъ, какой оказывался въ университетскомъ преподаваніи съ 1850 года, въ слѣдствіе исключенія изъ него философіи. Сверхъ того, съ

1850 года, принялъ Никитенко отъ Плетнева и преподаваніе исторіи отечественной словесности, изъ которой, впрочемъ, въ 1852—1853 гг. излагалъ лишь періодъ ея отъ Петра Великаго до нашихъ дней. На немъ же лежало и руководствованіе студентовъ въ практическихъ занятіяхъ русскою стилистикою по предметамъ, относящимся къ теоріи и исторіи литературы, съ критическимъ разборомъ ихъ работъ».

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что Никитенко въ лекціяхъ объ изящномъ, сколько можно судить по сохранившимся запискамъ его слушателей, умѣлъ соединить интересъ предмета и основательность взглядовъ съ живымъ краснорѣчивымъ изложеніемъ; что часто указывалъ на совершенно новыя стороны въ предметѣ, который былъ, какъ казалось, совершенно извѣстенъ и изслѣдованъ; что, не владѣя вполнѣ новыми языками и потому не имѣя возможности черпать свѣдѣнія изъ иностранныхъ сочиненій, онъ, тѣмъ не менѣе, силою своего ума и своихъ дарованій, до того становился въ уровень съ своимъ предметомъ, что молодые люди, отправлявшіеся, по окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ, за границу, для слушанія лекцій, возвращаясь оттуда, говорили, что иностранные эстетики не прибавили ничего новаго къ свѣдѣніямъ, полученнымъ ими отъ Никитенки.

Сверхъ многихъ порученій и назначеній отъ университета, Никитенко нѣсколько разъ являлся ораторомъ на университетскихъ актахъ. Въ 1836 году онъ произнесъ рѣчь «О необходимости теоретическаго или философскаго изслѣдованія литературы». Актъ 1838 года остался памятнымъ по блестящему, произнесенному имъ, похвальному слову Петру Великому. Проникнутый удивленіемъ, благоговѣніемъ и благодарностью къ создателю новой Россіи, сознавая, что его могучая воля живетъ въ каждомъ актѣ нашей жизни и продолжаетъ управлять событіями, что все вокругъ насъ и въ насъ самихъ исполнено святынею его мысли, все даръ ея, Никитенко успѣлъ стать на высоту предмета и разсыпать въ своемъ словѣ много мѣстъ, проникнутыхъ истиннымъ одушевленіемъ и исполненныхъ ораторскаго движенія. Значеніе

Петра Великаго было опредѣлено Никитенкою чрезвычайно вѣрно и, сказавъ, что преобразователь Россіи столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго, онъ выразилъ истину, которую едва ли кто будетъ теперь оспаривать. Актъ 1841 года открылъ Никитенко рѣчью «О современномъ направленіи отечественной литературы», въ которой старался доказать, что литература того времени, обнаруживая стремленіе къ истинѣ и самобытности, не можетъ достигнуть полнаго и удовлетворительнаго развитія по отсутствію почвы, приготовляемой наукою, и указывалъ, что литература изъ шаткаго и печальнаго ея положенія можетъ быть выведена на прямую дорогу единственно наукою, которая только одна въ состояніи оградить ее «отъ варварскаго набѣга надменныхъ полу-мыслей и бѣдныхъ содержаніемъ идей». Въ 1842 году Никитенко произнесъ рѣчь «О критикѣ», вопросѣ, весьма близкомъ къ жизни. Опредѣливъ, въ общемъ смыслѣ, что критика есть судъ разума надъ творчествомъ, профессоръ указалъ «три источника, изъ которыхъ черпаются всевозможныя понятія объ искусствѣ: личное убѣжденіе каждаго или тѣхъ, которые считаютъ себя знатоками и судьями въ области искусства; разсматриваніе произведеній со стороны дѣйствующихъ въ немъ силъ—генія художника, вѣка, духа народа —и, наконецъ, всеобщія идеи красоты». По этимъ источникамъ авторъ раздѣлилъ критику на личную, аналитическую и философскую или, по преимуществу, художественную. Особенности каждой изъ этихъ критикъ весьма тонко подмѣчены Никитенкою, который при этомъ указалъ вредъ первой, пользу второй и необходимость послѣдней, какъ для общества, такъ и для самого искусства. Нельзя не остановить вниманія на нѣсколькихъ весьма справедливыхъ словахъ, опредѣляющихъ личную критику, а именно тотъ ея видъ, который можно назвать пристрастнымъ и который скорѣе слѣдуетъ отнести къ злоупотребленію критики. «У всякаго, безъ сомнѣнія — говоритъ Никитенко — есть враги, друзья, покровители; гдѣ, какъ не въ критикѣ удобный случай заклеймить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вожделѣннымъ для ненависти, потому что онъ

падаетъ на нѣжнѣйшую часть человѣческаго самолюбія — на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь ногою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подъ видомъ литературы, говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему же ей и стремиться къ пріобрѣтенію уваженія публики? Но публика столь снисходительна, что не только не требуетъ уваженія, а готова даже простить неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ цѣлямъ искусства? Но тогда не была бы она личною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала-бы дѣйствовать въ духѣ разума — и погибла бы. Извѣстно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе эгоизмы тонутъ, какъ пылинки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта». Рѣчь Никитенки о критикѣ, исполненная глубокаго интереса и важная по содержанію, въ которой онъ смѣло, проникнутый благороднымъ негодованіемъ, бросилъ перчатку господствовавшему направленію въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, вызвала въ повременныхъ изданіяхъ того времени общее одобреніе, хотя они и не безусловно соглашались съ нѣкоторыми его положеніями, какъ главными, такъ и частными. Въ 1854 году Никитенко послѣдній разъ явился ораторомъ на университетскомъ актѣ, и прочелъ рѣчь: «О началѣ изящнаго въ наукѣ», въ которой краснорѣчиво и убѣдительно возсталъ противъ укоренившагося весьма вреднаго предразсудка, будто наука, по природѣ своей, вовсе не причастна міру изящнаго. Къ трудамъ Никитенки, какъ профессора университета, принадлежитъ еще «Опытъ исторіи русской литературы». Этого опыта вышла только первая книга, заключающая въ себѣ лишь введеніе, въ которомъ авторъ, какъ онъ самъ говорилъ, старался установить основныя идеи литературы, и этому своему намѣренію придавалъ особенную важность и значеніе. Сочиненіе

это было встрѣчено въ печати похвальными отзывами, со стороны публики холодностью, а отъ лицъ компетентныхъ жесткими порицаніями, не переходившими, впрочемъ, за предѣлы дружеской переписки, если не считать помѣщенной въ «Современникѣ» критики Плетнева, весьма деликатно и съ безпрерывными оговорками указавшей слабыя стороны труда. Но едва ли и похвалы, и порицанія не представляются по отношенію къ «Опыту» крайностями. Въ немъ, какъ и во всякомъ трудѣ А. В. Никитенки, можно указать много прекрасныхъ, свѣтлыхъ и справедливыхъ мыслей, но, къ сожалѣнію, онѣ скрыты среди цвѣтистыхъ фразъ, которыми не восполняется замѣтное иногда отсутствіе фактовъ. Впрочемъ, позднѣе, самъ Никитенко смотрѣлъ на этотъ трудъ какъ на подробный конспектъ своихъ лекцій, требовавшій значительныхъ измѣненій и дополненій.

Мы уже говорили, что Никитенко пріобрѣлъ извѣстность въ Петербургѣ, какъ отличный преподаватель. Учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ наперерывъ старались приглашать его къ себѣ, предлагая самыя выгодныя условія и предоставляя ему всевозможныя удобства и льготы, чтобы только получить его согласіе. Это послѣднее обстоятельство давало ему возможность, кромѣ университета и екатерининскаго института, одновременно преподавать еще въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Онъ былъ послѣдовательно преподавателемъ и профессоромъ въ слѣдующихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашей столицы: въ верхнихъ классахъ аудиторскаго училища (съ 1-го января 1833 по 15-е мая 1839 года); въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго училища (съ 8-го января 1835 по 8-е апрѣля 1838 года); въ старшихъ классахъ общества благородныхъ дѣвицъ (съ февраля 1838 по 5-е января 1844 года); въ римско-католической духовной академіи (съ 28-го января 1843 года по свою смерть); въ институтѣ корпуса путей сообщенія (въ 1844 г.) и въ спеціальномъ педагогическомъ классѣ для образованія наставницъ при с.-петербургскомъ александровскомъ училищѣ (съ 27-го мая 1848 по 1857 годъ). Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, а равно и въ лицахъ, имѣв-

шихъ удовольствіе слушать его лекціи, А. В. Никитенко оставилъ самыя пріятныя воспоминанія.

Педагогическая служба его была оцѣняема по достоинству и не разъ удостоивалась высочайшихъ наградъ; о ней вспоминали заведенія съ благодарностью при каждомъ своемъ особенномъ торжествѣ, не смотря на то, что Никитенко уже давно ихъ оставилъ.

Если, съ одной стороны, учебныя заведенія пользовались знаніями А. В. Никитенки, который охотно посвящалъ имъ свое время, убѣжденный, что его живое слово приноситъ пользу, вводя молодое поколѣніе въ свѣтлый міръ изящнаго, то, съ другой стороны, высшія военное и морское начальства нерѣдко обращались къ его педагогической опытности и приглашали къ дѣятельному участію въ устройствѣ заведеній. Мы знаемъ, что практическіе совѣты Никитенки нерѣдко были принимаемы и, приложенные къ дѣлу, всегда приносили полезные результаты. Его участіе въ комитетѣ устройства учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (съ 27-го іюня 1855 по день закрытія комитета), въ комитетѣ для обозрѣнія морскихъ учебныхъ заведеній (въ 1855 г.) и въ комитетѣ, учрежденномъ для устройства учебныхъ заведеній по военному министерству (съ 10-го января 1857 по 1-е сентября 1858 г.), осталось не безъ слѣда.

Почти одновременно съ переходомъ въ университетѣ съ каѳедры политической экономіи на каѳедру русской словесности, А. В. Никитенко былъ назначенъ цензоромъ при с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ (24-го апрѣля 1833 г.), и въ этой должности оставался 15 лѣтъ (до 11-го апрѣля 1848 г.). Должность цензора въ то время была нелегкою и весьма отвѣтственною. Малѣйшій недосмотръ, намекъ самаго невиннаго свойства на лицъ, облеченныхъ какою либо властію, самое добродушное указаніе на недостатки въ администраціи, наконецъ, неловко употребленное слово имѣли послѣдствіемъ взысканія, и нерѣдко весьма строгія, иногда исходившія даже отъ высочайшей власти. И Никитенко не избѣгъ ни замѣчаній, ни выговоровъ; но, не смотря на всѣ эти непріятности, онъ, тѣмъ не менѣе, постоянно

оставался самымъ доброжелательнымъ, самымъ снисходительнымъ цензоромъ, и это объясняется тѣмъ, что наука и литература были близки его сердцу. Преслѣдуя только вредныя крайности, онъ, въ засѣданіяхъ цензурнаго комитета, всегда являлся защитникомъ разумной свободы слова, въ которой видѣлъ средство не только къ успѣшному, самостоятельному движенію въ нашемъ отечествѣ наукъ и литературы, но и къ правильному развитію строя государственной жизни. Мы знаемъ, что многія произведенія обязаны А. В. Никитенкѣ своимъ появленіемъ въ свѣтъ: одни благодаря его горячему, твердому заступничеству предъ предсѣдателемъ и членами цензурнаго комитета, другія — его искусству склонять авторовъ на измѣненіе того, что могло дать поводъ къ какимъ либо недоразумѣніямъ. Изъ этого уже видно, что А. В. Никитенко исполнялъ не одну только оффиціальную обязанность цензора, но во многихъ случаяхъ являлся добрымъ совѣтникомъ и умнымъ наставникомъ. Послѣднее могутъ засвидѣтельствовать и нѣкоторые наши писатели и ученые, выступившіе впервые во время его цензорства на ученое и литературное поприще и пользовавшіеся его указаніями и замѣчаніями. Никитенко нерѣдко съ удовольствіемъ вспоминалъ, что поэма Гоголя «Похожденія Чичикова или Мертвыя души», послѣ разныхъ мытарствъ и переходовъ изъ рукъ въ руки, была имъ разрѣшена къ печати, не смотря на грозившую ему за то отвѣтственность.

Съ этого времени у А. В. Никитенки завязались связи со многими литераторами и учеными, которыя, начавшись послѣ написанія на сочиненіи обычной цензурной формулы: «печатать дозволяется», перешли потомъ въ искреннюю дружбу. Такимъ же просвѣщеннымъ и гуманнымъ характеромъ отличались отношенія А. В. Никитенки къ литературѣ и писателямъ и позднѣе, когда онъ состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія поступающихъ на театръ драматическихъ пьесъ (съ октября 1856 г.), и когда былъ назначенъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія, а потомъ членомъ главнаго

управленія цензуры и членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (съ 23-го марта 1862 по 30-е августа 1865 г.). Во всѣхъ этихъ должностяхъ и при всякомъ представлявшемся случаѣ онъ являлся то ходатаемъ за произведенія литературы, то ихъ оберегателемъ и защитникомъ. Намъ особенно памятны многія прекрасныя, исполненныя ума и теплоты чувства, рѣчи Никитенки въ коммисіи, учрежденной для обработки проекта устава о книгопечатаніи, членомъ которой онъ былъ назначенъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этой коммисіи онъ почти всегда стоялъ на сторонѣ тѣхъ членовъ, которые въ благоразумной свободѣ слова видѣли залогъ будущаго развитія литературы и благосостоянія Россіи.

А. В. Никитенко несъ и административно-ученыя обязанности: онъ въ теченіе года былъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ внѣшней торговли (съ 15-го мая 1849 года по 3-е августа 1850 года) и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія для исполненія особенныхъ порученій по встрѣчающимся дѣламъ ученой и учебной администраціи министерства (съ 12-го декабря 1853 г.). О послѣднемъ назначеніи необходимо сказать нѣсколько словъ. Никитенко принялъ его по желанію А. С. Норова, съ которымъ онъ находился уже давно въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Ихъ связывала и общность литературныхъ занятій, и любовь къ наукѣ и поэзіи, и то уваженіе, которое они питали другъ къ другу за прямодушный взглядъ на людей и дѣла. Норовъ, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, искалъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы по душѣ дѣлиться своими взглядами на предстоявшія ему занятія, въ которомъ находилъ бы онъ не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка Норовъ нашелъ въ Никитенкѣ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія останутся навсегда памятными первые годы министерства Норова, въ которое состоялось нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій. Въ это время было испрошено высочайшее соиз-

воленіе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ московскомъ и с.-петербургскомъ; постановлено отправлять за границу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ въ университетахъ; возстановлено правило на полученіе пенсій на службѣ сверхъ жалованья служащими въ учебныхъ заведеніяхъ; обращено вниманіе Государя Императора на неудобства существованія комитета 2-го апрѣля 1848 года, учрежденнаго для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія, и составленная по этому поводу записка, отличавшаяся истинно-просвѣщеннымъ воззрѣніемъ на цензуру, содѣйствовала къ закрытію этого комитета; испрошено разрѣшеніе представлять въ опредѣленные сроки краткій отчетъ о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ науки и литературы, являвшихся въ промежутки этого времени, съ указаніемъ ихъ достоинствъ, что̀ нерѣдко имѣло послѣдствіемъ удостоеніе ученыхъ и литераторовъ знаками монаршаго вниманія; совершено торжественное празднованіе юбилея столѣтняго существованія московскаго университета, на которомъ Никитенко былъ депутатомъ отъ с.-петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ постановленіяхъ самое дѣятельное участіе принималъ Никитенко; многія изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны его иниціативѣ; для другихъ, получившихъ утвержденіе, онъ писалъ обстоятельныя записки, убѣдительныя по силѣ доводовъ его краснорѣчія; о многихъ онъ велъ съ министромъ оживленныя бесѣды и споры. Однимъ словомъ Никитенко былъ душею министерства въ первые годы управленія имъ Норовымъ, и потому совершенно справедливо долженъ раздѣлять съ министромъ тѣ похвальные отзывы, которые безпристрастная исторія произноситъ объ этомъ времени. На ней лежитъ обязанность отдавать должное и тѣмъ дѣятелямъ, которые до сихъ поръ оставались въ тѣни или которыхъ проходили молчаніемъ.

Не смотря на всѣ свои занятія, на которыя у человѣка, одареннаго меньшими способностями, положительно не достало бы времени, Никитенко находилъ возможность писать статьи въ раз-

ныя повременныя изданія и быть редакторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Бесѣдовать съ публикою въ какой бы то ни было формѣ объ общихъ вопросахъ литературы и передавать ей свои впечатлѣнія и сужденія о наиболѣе выдающихся литературныхъ явленіяхъ было потребностью для Александра Васильевича. Мы уже упомянули объ его первомъ учено-литературномъ трудѣ, появившемся на страницахъ «Сына Отечества». Въ 1832 году, въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» и въ «Невскомъ альманахѣ» Аладьина, Никитенко (въ послѣднемъ онъ подписался подъ статьею «Никитенковъ») помѣстилъ отрывки изъ романа: «Леонъ или идеализмъ», въ которомъ хотѣлъ показать, что человѣкъ тогда только знакомится съ самимъ собою, когда начинаетъ изучать внутреннюю жизнь духа. Судить о достоинствѣ романа по этимъ отрывкамъ довольно трудно, но они важны въ томъ отношеніи, что представляютъ много біографическихъ чертъ о самомъ Никитенкѣ, преимущественно о годахъ его молодости.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835 года Никитенко помѣстилъ біографію Елисаветы Кульманъ—этого необыкновеннаго явленія въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, отмѣченнаго печатью несомнѣнной геніальности и промчавшагося по нашему литературному небосклону лучезарною звѣздою. Владѣвъ нѣсколькими новыми языками и обоими классическими, Кульманъ свободно переводила съ одного языка на другой, и кромѣ переводовъ, мастерски исполненныхъ, оставила нѣсколько самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній, художественную оцѣнку которыхъ Никитенко присоединилъ къ свѣдѣніямъ объ ея жизни. Этотъ очеркъ, въ которомъ прекрасно изображена свѣтлая личность Кульманъ, съ ея фантастическою мечтательностью, возвышеннымъ благородствомъ и любовію къ природѣ, въ которомъ, подъ перомъ біографа, она является передъ читателемъ какъ бы живою, съ ея желаніями, мечтами и видѣніями, безспорно принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Никитенки.

Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1836 года Никитенко помѣстилъ разборъ стихотвореній Жуковскаго,

въ которомъ старался опредѣлить его значеніе и мѣсто въ нашей литературѣ. Признавая художественное значеніе за переводами Жуковскаго, въ которыхъ онъ является великимъ мастеромъ, Никитенко замѣчаетъ, что во всѣхъ произведеніяхъ поэта, переводныхъ и оригинальныхъ, проглядываетъ жизнь и истина, что вездѣ въ нихъ является человѣкъ съ его страстями и съ его возвышенными упованіями и что, вслѣдствіе этого, всѣ его произведенія носятъ характеръ идеально-дѣйствительный. Ни ложноклассическое, ни французское направленіе не могли удовлетворить Жуковскаго; онъ искалъ новаго, и нашелъ его въ томъ направленіи, въ которомъ человѣкъ изображался такъ какъ онъ есть въ дѣйствительности; отъ этого направленія было не только легко, но и неизбѣжно перейдти къ направленію народному. Зародыши самобытной русской поэзіи уже встрѣчаются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Жуковскаго, и ихъ то мы должны особенно цѣнить. Что касается прозы Жуковскаго, то, по мнѣнію Никитенки, она проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и его поэзія — стремленіемъ къ безконечному, къ чистѣйшей идеальной красотѣ. Всѣ эти положенія Никитенко подробнѣе развилъ и подкрѣпилъ вѣскими доказательствами въ обширной статьѣ: «Василій Андреевичъ Жуковскій со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 года и написанной по случаю истеченія полувѣка со времени появленія его перевода Греевой элегіи: «Сельское кладбище». Статья эта, представляющая характеристику литературной дѣятельности Жуковскаго и значеніе, какое онъ имѣетъ въ нашей словесности и образованіи, составляетъ живо написанный отдѣлъ, иногда только въ формѣ конечныхъ результатовъ, исторіи новой нашей литературы.

Въ 1839 году, Никитенко написалъ и напечаталъ «Воспоминаніе о Карлѣ Ѳедоровичѣ Германѣ», бывшемъ нашимъ сочленомъ и профессоромъ с.-петербургскаго университета. Въ этой біографіи онъ немногими чертами, но чрезвычайно вѣрно, обрисовалъ эту симпатическую личность, съ которой начинается исторія статистики въ нашемъ отечествѣ. Въ томъ же 1839 году Никитенко

помѣстилъ въ альманахѣ «Утренняя Заря»: «Маленькіе великіе люди». Это—остроумно и граціозно написанный очеркъ тѣхъ людей, «которыхъ — по словамъ автора — природа съ избыткомъ одарила силою желать и силою стремиться, но которымъ отказала она въ силѣ сосредоточиваться и установлять себя среди своего поприща на прочной мысли и опредѣленной цѣли»; людей, «величіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они всѣ малыя вещи дѣлаютъ какъ великія, а нѣкоторая безполезность въ томъ, что великія вещи они хотятъ дѣлать какъ малыя, и отъ того ихъ не дѣлаютъ; людей, которые не имѣютъ никакого опредѣленнаго предмета дѣятельности, а, между тѣмъ, кипятъ чувствами святыми; смотрятъ на жизнь съ высшей точки зрѣнія, и презираютъ жизнь; любятъ пламенно человѣчество, и ни во что ставятъ людей!».

Въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Н. А. Некрасовымъ въ 1846 году, мы находимъ статью Никитенки: «О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ». Предметъ этотъ былъ избранъ потому, что идея народности въ искусствахъ, по своей новизнѣ въ то время, требовала, по мнѣнію Никитенки, нѣкотораго ограниченія.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1846 года Никитенко велъ отдѣлъ критики, и въ довольно обширныхъ статьяхъ разсмотрѣлъ слѣдующія книги: «Сочиненія Державина»; «Замѣтки за границею, Ф. П. Лубяновскаго», въ двухъ статьяхъ; «Петербургскій Сборникъ», Некрасова 1846 года, въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ первая посвящена разбору «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, а во второй разсмотрѣна «Машенька», поэма Майкова; «Столѣтіе Россіи съ 1745 до 1845 года», Полеваго, причемъ, сказавъ нѣсколько словъ о книгѣ, представилъ довольно полный очеркъ жизни Н. А. Полеваго, съ критическою оцѣнкою его трудовъ; «Брынскій лѣсъ», М. Н. Загоскина и «Московскій литературный и ученый Сборникъ», изъ статей котораго преимущественно обратилъ вниманіе на статью Хомякова: «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ». Эта послѣдняя критика сблизила Никитенку съ нѣкоторыми лицами изъ славянофильскаго кружка.

Въ 1857 году Никитенко въ первый разъ поѣхалъ за границу. Впечатлѣніе, произведенное на него перломъ дрезденской картинной галлереи, онъ передалъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Рафаэлева Сикстинская Мадонна». Это дивное произведеніе кисти Рафаэля производитъ на каждаго зрителя неотразимое вліяніе; но покойный академикъ съумѣлъ не совершенно ему подчиниться и, взглянувъ на картину какъ эстетикъ, чрезвычайно тонко и вѣрно передалъ чарующую ея прелесть и всю художественную ея красоту. Теперь мы имѣемъ два описанія этой картины, Жуковскаго и Никитенки, и трудно сказать которому слѣдуетъ отдать первенство.

Въ 1866 году Никитенко напечаталъ небольшой сборникъ, подъ заглавіемъ: «Три литературно-критическіе очерка», въ который вошли критическіе разборы: трагедіи Писемскаго: «Самоуправцы», комедіи Потѣхина: «Отрѣзанный ломоть» и трагедіи графа Толстаго: «Смерть Іоанна Грознаго».

Въ «Домашней Бесѣдѣ» 1867 года Никитенко помѣстилъ статью: «Молодое поколѣніе». Эта статья, очень сочувственная къ молодому поколѣнію, показываетъ, что роль его обусловливается потребностями общества, духомъ и законами возраста, что хотя этому поколѣнію и принадлежитъ будущее, но оно должно идти впередъ чрезвычайно осторожно, не дозволяя напускать на себя туманы умозрѣній и доктринъ.

Въ томъ же 1867 году вышелъ біографическій очеркъ М. П. Вронченки, переводчика Гамлета и Фауста.

Въ 1869 году Никитенко издалъ біографію Галича, подъ заглавіемъ: «Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета». Это — чрезвычайно любопытный, содержательный и живой очеркъ жизни даровитаго профессора. Въ этой біографіи нашли мѣсто и исторія развитія философіи въ Россіи, и нѣкоторые эпизоды изъ исторіи с.-петербургскаго университета.

Въ 1872 году явилась брошюра Никитенки: «Мысли о реализмѣ въ литературѣ». Въ ней авторъ, между прочимъ, разсма-

триваетъ вопросъ: отъ чего современная художественная литература въ большинствѣ ея явленій не находится на высотѣ своего призванія, и отвѣтъ этому находитъ въ томъ, что реальный элементъ, который служитъ и содержаніемъ и формою для произведеній, она понимаетъ въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ.

Много мелкихъ статей, какъ-то: «Адъ Данта» въ переводѣ Мина, «Еще замѣтка объ университетахъ» и др., Никитенко помѣщалъ въ повременныхъ изданіяхъ; не смотря на свой ограниченный объемъ, всѣ онѣ отличаются болѣе или менѣе жизненнымъ содержаніемъ, неотъемлемою принадлежностью всего, что выходило изъ-подъ его пера.

Участвуя своими трудами въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, Никитенко нѣсколько разъ былъ приглашаемъ принять не только дѣятельное, но и самостоятельное участіе въ редакціи этихъ изданій. Въ 1840 году, по убѣдительной просьбѣ Смирдина, онъ согласился быть редакторомъ «Сына Отечества». Эту обязанность онъ несъ въ продолженіе двухъ лѣтъ (1840—41), и если бы не недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ издателя, журналъ несомнѣнно занялъ бы весьма почетное мѣсто въ нашей журналистикѣ.

Въ «Сынѣ Отечества» 1840 года Никитенко помѣстилъ «Литературныя замѣтки и наблюденія, статья первая. Три способа литературной дѣятельности» и, безъ всякаго сомнѣнія, разборы нѣкоторыхъ книгъ, и именно тѣ разборы, въ которыхъ отсутствовалъ духъ журнальныхъ партій и каждому литературному произведенію отдавалось должное на основаніи коренныхъ законовъ искусства, а не по мелкимъ личнымъ увлеченіямъ. Въ томъ же журналѣ 1841 года Никитенко помѣстилъ критическіе разборы стихотвореній Лермонтова и стихотвореній графини Е. П. Ростопчиной.

По переходѣ, въ концѣ 1846 года, изданія «Современника» отъ Плетнева къ Панаеву и Некрасову, редакторомъ его былъ избранъ Никитенко и оставался имъ до половины 1848 года. Благодаря умѣнью Александра Васильевича и дружнымъ усиліямъ

сплотившагося кружка даровитыхъ литераторовъ и ученыхъ, «Современникъ» не замедлилъ занять видное мѣсто въ нашей журналистикѣ. Въ немъ Никитенко помѣстилъ разсужденіе: «О современномъ направленіи русской литературы» и очень подробный разборъ курса теоріи словесности Чистякова.

Статья «О современномъ направленіи русской литературы» была подробно разсмотрѣна въ «Москвитянинѣ» Ю. Ѳ. Самаринымъ, который видѣлъ въ ней литературное исповѣданіе новаго журнала и по этому старался указать, безъ всякаго увлеченія, какъ вѣрные, такъ и ошибочные взгляды и мнѣнія, высказанные въ ней Никитенкою, и успѣлъ, надо сказать, съ достоинствомъ выполнить принятую на себя задачу.

Вскорѣ послѣ назначенія А. С. Норова министромъ народнаго просвѣщенія, Никитенко былъ опредѣленъ, 24-го января 1856 года, редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и оставался въ этой должности до 18-го января 1860 года. За время его редакторства въ журналѣ были въ первый разъ помѣщены беллетристическія произведенія: оригинальная трагедія О. Ѳ. Миллера: «Конрадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ», и въ переводѣ Водовозова: «Ифигенія въ Тавридѣ», Гёте, и двѣ оды Пиндара; довольно часто помѣщались также статьи по предметамъ, наиболѣе любимымъ редакторомъ, по философіи и теоріи словесности. Внѣ редакторской дѣятельности Никитенко оставался недолго. Въ концѣ 1861 года (3-го ноября), онъ принялъ на себя обязанность главнаго редактора издававшейся отъ министерства внутреннихъ дѣлъ газеты «Сѣверная Почта» и несъ эти обязанности до 6-го іюля 1862 года. Кромѣ редакторства повременныхъ изданій, Никитенко былъ въ числѣ редакторовъ «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара и двухъ сборниковъ: «Складчина» (1874) и «Братская помочь» (1876). Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» всѣ статьи по части исторіи и теоріи словесности, русской и всеобщей, помѣщенныя въ одиннадцати томахъ, обработаны, а многія написаны Никитенкою; въ «Складчинѣ» онъ помѣстилъ отрывокъ изъ приготовлявшагося

къ печати собранія критическихъ этюдовъ о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ нашей литературы, именно «Объ исторической драмѣ Островскаго: Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».

Многообразная и полезная литературно-ученая дѣятельность А. В. Никитенки обратила на себя вниманіе Академіи Наукъ. 5-го ноября 1853 года она избрала его членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а 20-го января 1855 г. ординарнымъ академикомъ по тому же Отдѣленію. Съ этого времени большую часть своей дѣятельности онъ посвящалъ Академіи. Ежегодно Никитенко былъ избираемъ въ члены коммиссіи по присужденію уваровскихъ наградъ, и ему постоянно былъ поручаемъ разборъ представлявшихся на конкурсъ драматическихъ произведеній. Чрезъ его руки прошли десятки пьесъ, и о каждой онъ далъ подробный и правдивый отзывъ. Изъ всѣхъ пьесъ, которыя онъ признавалъ заслуживающими уваровской преміи, были удостоены таковой двѣ: драма Островскаго: «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и комедія Минаева: «Разоренное гнѣздо», явившаяся въ печати подъ заглавіемъ: «Спѣтая пѣсня». Подробныя рецензіи этихъ пьесъ, написанныя Никитенкою, вмѣстѣ съ отчетами по присужденію, имъ же составленными, напечатаны въ отчетахъ о присужденіи уваровскихъ наградъ. Совокупность всѣхъ рецензій, написанныхъ Никитенкою на драматическія пьесы, представитъ богатый матеріалъ для будущаго историка драматической поэзіи въ Россіи и для выводовъ о состояніи драматическаго искусства у насъ за два послѣднія десятилѣтія.

Въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи, которыми она воздавала должный почетъ лицамъ, записавшимъ свои имена въ лѣтописи русской науки и словесности, А. В. Никитенко всегда находилъ возможность сказать слово, проникнутое и теплымъ сочувствіемъ къ лицу, въ честь котораго устраивалось торжество, и отличающееся вѣрною оцѣнкою заслугъ, оказанныхъ имъ литературѣ. Такъ, въ 1865 году, при праздновапіи столѣтія отъ дня кончины Ломоносова онъ произнесъ рѣчь: «Значеніе Ломоносова

въ отношеніе къ изящной русской словесности», а въ 1868 году, въ день празднованія столѣтняго юбилея И. А. Крылова: «О басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи».

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе многихъ лѣтъ поручало Никитенкѣ составленіе отчета о своей дѣятельности. Въ этихъ отчетахъ (за 1856, 58, 61—63, 66—76 гг.), кромѣ погодной лѣтописи о занятіяхъ членовъ Отдѣленія, Никитенко сообщилъ нѣсколько некрологовъ, или точнѣе сказать воспоминаній о почетныхъ и дѣйствительныхъ членахъ Отдѣленія, изъ которыхъ съ одними онъ находился въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, а къ другимъ питалъ уваженіе за ихъ литературные и ученые труды. Въ этомъ скорбномъ помянникѣ нашли мѣсто: В. Г. Бенедиктовъ, П. С. Билярскій, А. Ѳ. Вельтманъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, Н. И. Гречъ, В. И. Даль, М. А. Корнуновъ, М. А. Максимовичъ, А. Н. Муравьевъ, К. И. Невоструевъ, А. С. Норовъ, Г. П. Павскій, П. П. Пекарскій, М. П. Розбергъ, К. С. Сербиновичъ, графъ М. М. Сперанскій, графъ А. К. Толстой, Ѳ. И. Тютчевъ, черниговскій архіепископъ Филаретъ, московскій митрополитъ Филаретъ. Какая плеяда именъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и славныхъ! Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній, какъ напр. о Муравьевѣ, Норовѣ, Тютчевѣ, графѣ А. К. Толстомъ, дышутъ неподдѣльною теплотою чувства.

Членамъ Императорской Академіи Наукъ памятны задушевная, искренняя рѣчь Никитенки, содержавшая въ себѣ воспоминаніе о бывшемъ ея президентѣ графѣ Д. Н. Блудовѣ, произнесенная въ общемъ собраніи Академіи, 6-го марта 1864 года, въ которомъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ нынѣшній ея президентъ, и отличающаяся такимъ же характеромъ рѣчь, которою онъ привѣтствовалъ, 19-го мая 1875 года, академика В. Я. Буняковскаго въ день празднованія докторскаго его юбилея.

Сверхъ ученыхъ занятій по Академіи, Никитенко несъ въ ней и административныя обязанности. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 18-го января 1858 по 1-е февраля 1860), онъ велъ дѣлопроизводство по Отдѣленію русскаго языка и словесности,

а съ 27-го апрѣля 1865 года по день своей кончины былъ членомъ комитета правленія Академіи отъ того же Отдѣленія. Въ 1874 году, по порученію Академіи, принималъ участіе въ трудахъ высочайше учрежденной коммисіи для обсужденія предположеній о сліяніи сенатской и другихъ казенныхъ типографій въ одну общую.

Предлагаемый мною очеркъ жизни и дѣятельности А. В. Никитенки былъ бы весьма не полонъ, если бы я не упомянулъ о нравственныхъ и душевныхъ качествахъ покойнаго академика.

Натура любящая и восторженная, Никитенко отъ самыхъ юныхъ дней былъ неизмѣннымъ поклонникомъ прекраснаго, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, и таковымъ остался до конца своихъ дней, вѣря, что человѣчество постепенно идетъ къ совершенству и стремится утвердить повсюду идеи истины и изящнаго.

Будучи въ высшей степени нравственно-правдивымъ, онъ возмущался каждою ложью, каждымъ безчестнымъ поступкомъ, и вслѣдствіе этого былъ иногда рѣзокъ въ своихъ приговорахъ о лицахъ, уклонявшихся съ прямой дороги. Отъ семьи, на которой были сосредоточены всѣ его заботы и которой онъ былъ безгранично преданъ, Никитенко переносилъ свою любовь на народъ, изъ котораго самъ вышелъ, и на Россію. Привѣтствовавъ съ восторгомъ зарю освобожденія нѣсколькихъ милліоновъ душъ отъ крѣпостной зависимости, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось на ихъ пользу, и по этому становится понятнымъ то расположеніе и уваженіе, которымъ онъ одѣлялъ лицъ, хлопотавшихъ объ образованіи этой темной массы и принимавшихъ мѣры къ улучшенію ея быта, и та почти непримиримая вражда къ лицамъ, которыя такъ или иначе тому препятствовали. Честный гражданинъ отечества, которое было для него святынею, онъ жилъ его жизнію, близко принималъ къ сердцу всѣ событія, и внутреннія и внѣшнія, радовался хорошему, болѣлъ за дурное, и, въ мѣрѣ своихъ силъ, старался отвращать отъ него все вредное, и поэтому искренно презиралъ лицъ бездѣйствующихъ и не приносящихъ ни малѣйшей пользы родинѣ.

Готовый дѣлиться со всякимъ своими знаніями и опытностію, онъ не отказывалъ никому, кто обращался къ нему за совѣтомъ; а къ нему, зная его изящный вкусъ и силу воображенія, обращались всѣ: отъ начинающаго живописца до Брюллова, отъ молодаго стихотворца до Жуковскаго.

Сочувствуя молодому поколѣнію, возлагая на него лучшія надежды, Никитенко старался помогать ему и дѣломъ и словомъ, и отсюда завязались у него многія сношенія, кончившіяся пріязнію и дружбою.

Невзыскательный къ житейскимъ условіямъ, радушный хозяинъ, Никитенко собиралъ вокругъ себя въ назначенные дни кружокъ ученыхъ и литераторовъ и оживлялъ его своею бесѣдою, въ высшей степени остроумною и наставительною.

Однимъ словомъ, свѣтлый, нравственный образъ Никитенки, съ его чистою любовью ко всему прекрасному, съ его сочувствіемъ ко всему современному, лишь бы оно носило зародыши добра для будущихъ поколѣній, сохранится навсегда въ его друзьяхъ и въ лицахъ его близко знавшихъ.

Соединивъ въ одно все сказанное нами о литературно-ученой дѣятельности А. В. Никитенки, послѣ просмотра всего имъ напечатаннаго, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что это былъ человѣкъ глубоко уважавшій науку, повсюду отводившей ей почетное мѣсто и въ ней одной искавшій подтвержденія и подкрѣпленія высказываемыхъ имъ мыслей. Полвѣка бывъ глашатаемъ идей изящнаго и истины, полвѣка стоявъ на ихъ охранѣ, онъ успѣлъ во многихъ изъ своихъ слушателей поселить это же направленіе, которое они теперь, въ свой чередъ, съ успѣхомъ проводятъ въ жизнь и съ каѳедръ и съ мѣстъ, занимаемыхъ ими въ администраціи. Сторонникъ свободы мысли, онъ никогда не набрасывалъ на нее стѣснительныхъ оковъ, когда былъ убѣжденъ, что она можетъ принести пользу обществу, и преслѣдовалъ только напыщенную бездарность, очевидно вредную ложь. Если труды покойнаго академика и не двигали науку впередъ, то они несомнѣнно расширяли кругъ познаній, и въ этомъ

отношеніи имя А. В. Никитенки, связанное съ именами лучшихъ представителей нашей литературы, будетъ произноситься съ благодарностію, какъ просвѣщеннаго и честнаго литератора и ученаго, имѣвшаго большое вліяніе на общественную среду, что откроется и еще яснѣе опредѣлится изъ обширной оставшейся послѣ него переписки съ разными лицами и изъ посмертныхъ его записокъ, которыми онъ занимался даже въ дни тяжкой болѣзни.

Отдѣленіе утратило еще члена-корреспондента, бывшаго профессора московскаго университета, О. М. Бодянскаго, скончавшагося 6-го сентября. Бодянскій принадлежалъ къ тому небольшому кружку даровитыхъ лицъ, избравшихъ въ началѣ сороковыхъ годовъ впервые славянство предметомъ изученія, отъ котораго, въ настоящее время, остался одинъ, И. И. Срезневскій. Ему принадлежитъ право и сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о Бодянскомъ и двухъ другихъ товарищахъ, водворявшихъ славяновѣдѣніе въ нашемъ отечествѣ, и оцѣнить значеніе ихъ трудовъ, многочисленныхъ и несомнѣнно важныхъ. Мы можемъ только сказать, что съ именемъ Бодянскаго тѣсно соединяются имена: Шафарика, Юнгмана, Зубрицкаго, Крижанича, сочиненія которыхъ онъ передалъ русской наукѣ или въ переводахъ, или въ изданіяхъ; что съ его именемъ останется навсегда связано московское общество исторіи и древностей и большая часть его изданій, составляющихъ памятникъ его неусыпнаго и безкорыстнаго трудолюбія; наконецъ, можно надѣяться, что его имя будетъ красоваться на многихъ предпринятыхъ имъ изданіяхъ, остановившихся по разнымъ обстоятельствамъ, и преимущественно по желанію, такъ извинительному въ ученомъ, придать своимъ трудамъ окончательное совершенство. Бодянскій трудился цѣлую жизнь для науки, ей жертвовалъ всѣмъ, но только не истиною, за которую приходилось неоднократно ему дорого платиться.

Оба лица, которыхъ въ истекающемъ году потеряло Отдѣленіе, а вмѣстѣ съ нимъ Академія и наука, въ продолженіе всей дѣятельной и полезной жизни полагали всѣ свои силы на распро-

страненіе знаній въ нашемъ отечествѣ, на утвержденіе въ молодомъ поколѣніи высокой любви къ человѣку и правдѣ. Подъ этимъ святымъ знаменемъ совершенствуется общественная жизнь, совершаются великіе подвиги, исполняется историческое предназначеніе народовъ. Да поможетъ Провидѣніе тому, кто у насъ милліоны призвалъ къ свободной жизни, водворить человѣческія и гражданскія права въ соплеменныхъ намъ странахъ, гдѣ нѣкогда цвѣли наука и письменность, къ намъ оттуда перешедшія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго Библейскаго Сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитинковымъ, 1824 года генваря 27 дня.

Почтеннѣйшее собраніе!

Уже три года протекло, какъ, внявъ гласу благодати, раздающейся по всей вселенной во услышаніе всѣмъ, и волѣ всеавгустѣйшаго Монарха нашего, вы ревностно пожелали раздѣлять благородные труды вашихъ соотечественниковъ въ сѣяніи слова Божія. Нѣтъ достойнѣе жертвы, какъ та, которую мы приносимъ истинѣ: она заключаетъ въ себѣ сущность всякаго бытія и исполненіе судебъ Божіихъ. Въ мятежныхъ премѣнахъ міра, въ быстромъ теченіи вѣковъ, когда все волнуется и волнуетъ человѣчество, она единая пребываетъ неподвижно; она единая въ игрѣ счастія и кажущемся безпорядкѣ случая раскрываетъ предъ нами картину нашего жребія—величественную картину вѣчности и совершенства. Чистѣйшая добродѣтель есть ея стяжаніе, а блаженство — вѣнецъ. Она ограждаетъ общества, служитъ свѣтильникомъ политической мудрости: ибо, среди безчисленнаго разнообразія и противоборства человѣческихъ цѣлей, средствъ и страстей, она поставляетъ для народовъ единою цѣлію — общее благо; единымъ средствомъ онаго — святость и силу власти державной; единую страсть производитъ — пламенную любовь къ порядку и справедливости. Нѣтъ инаго добра въ мірѣ, кромѣ любви къ истинѣ, и нѣтъ инаго зла, кромѣ пренебреженія оной.

Сіе-то самое къ ней чувство, почтеннѣйшіе посѣтители, виною и настоящаго вашего собранія, въ которомъ вы не только исповѣдуете ее единымъ сердцемъ и едиными усты; но и дѣятельнымъ участіемъ споспѣшествуете повсемственному ея распространенію. Коль прекрасенъ, коль благороденъ, коль величественъ сей союзъ истины, коего цѣль не временныя блага, не тлѣнное міра стяжаніе, но чистѣйшее, божественное стяжаніе вѣчности. Не вотще гласъ ея воззвалъ къ вамъ въ гласѣ всеавгустѣйшаго Монарха нашего и отечества. Подобно птенцамъ, собирающимся подъ крылѣ матери своея по ея заботливому клику, вы соединились подъ святый ея кровъ, да тако пребудете безопасны отъ разрушительнаго нападенія духа времени.

Но да будетъ слава Тому, отъ Коего единаго проистекаютъ помышленія и дѣла благія; Который ниспосылаетъ сердцамъ ревность къ труду и труду даетъ поспѣшеніе; Коего святый промыслъ толь дивно хранитъ божественное слово свое и вѣрныхъ его чадъ отъ ухищреній лжемудрыхъ!

И по истинѣ, почтеннѣйшіе посѣтители, взирая на событія, предъ нами совершающіяся, нельзя не воскликнуть отъ глубины сердца съ вѣнценоснымъ Пророкомъ: *Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ*! Дивна премудрость Его, самыя мятежныя приключенія міра направляющая къ концу благому! Въ непокорливой человѣческой волѣ, въ буйныхъ страстяхъ, оную волнующихъ, она находитъ средства къ сохраненію вѣчнаго своего порядка и святой своей истины. Жестокимъ путемъ зла ведетъ она насъ къ своей цѣли, полагая въ горькомъ возчувствованіи пагубныхъ его слѣдствій первое сѣмя исправленія. Человѣчество, руководимое лжемудрыми, буіими міра сего, восхотѣло познать силу свою—и познало только свою слабость. Оно искало независимости отъ вѣры—и нынѣ съ вящщимъ смиреніемъ признаетъ законность и необходимость ея власти. Оно искало *пути*, *истины и живота* въ самомъ себѣ и чрезъ самого себя—и забыло, что путь нашъ, истина и животъ суть дѣянія столь преславныя для самого Бога, что не могутъ быть уже твореніемъ рукъ нашихъ. Оно забыло, что въ

одной самобытности заключается возможность самостоятельнаго дѣйствованія — и что все несовершенное находитъ силу свою въ Источникѣ совершенства, такъ какъ всякій лучъ свѣта почерпаетъ въ единомъ солнцѣ свою теплоту и блескъ.

Сіе заблужденіе есть чадо гордости и мрачнаго ума софистовъ XVIII вѣка. Прославленные и сами себѣ удивляющіеся знатоки природы человѣческой, они обманули и себя и другихъ, стараясь возвысить ее на развалинахъ вѣры. Въ ихъ дерзкихъ системахъ, сооруженныхъ на зыбкихъ началахъ разума, мы видимъ только печальную исторію заблужденій его и человѣка, стонущаго подъ тяжкимъ бременемъ человѣческой своей мудрости. Обѣщая намъ обойтись безъ религіи, не должны ли они были превзойти ее въ дѣяніяхъ благихъ? Ибо принятіе чего нибудь новаго на мѣсто прежняго ничѣмъ инымъ не можетъ быть оправдано, какъ превосходствомъ перваго, — и самая та перемѣна есть уже великое зло, въ коей одно добро поставляется на мѣсто другаго. Это ничто иное, какъ пища непостоянству человѣческаго духа, пища, въ коей подъ видомъ пріятнаго и необходимаго разнообразія скрывается ядъ, разслабляющій постепенно крѣпость нравовъ и разсудка. Но они какое добро оказали человѣку своимъ преобразованіемъ? «Мы созидаемъ царство разума, — говорили они — всякой, кто только человѣкъ, есть гражданинъ его! Пріидите всѣ «изъ рукъ нашихъ вкусить плоды истины, плоды, взрощенные «слезами и кровію вашею». Такимъ образомъ, будучи не менѣе хитры, сколько дерзки, они замѣшали народъ въ свои метафизическія бредни, доканчивая руками его ту нравственную анархію, коей не въ состояніи были окончить ихъ умы. Мнѣнію дали оружіе и мечтамъ существенность. Простые, невинные люди, коихъ всѣ познанія ограничивались кругомъ ихъ должностей, захотѣли вдругъ раздѣлять славу мудрыхъ и начали слѣдовать тому, чего не понимали: искать въ системѣ истины; въ познаніи — вѣры; въ безначаліи—правленія. Все стало перемѣняться: законы ниспроверглись, какъ скоро каждый гражданинъ возмнилъ, что онъ самъ мудрѣе законодателя; правительства потеряли силу, какъ

скоро люди вообразили себѣ, что безъ ихъ охраненія они могутъ быть счастливыми, безопасны — и свободны; религія утратила свою святость, когда всякой началъ подвергать суду своему тѣ предметы, которые выше его понятій, и захотѣлъ раздѣлять съ Богомъ власть и управленіе міромъ. Всякой, кто только почиталъ себя мыслящимъ, желалъ мыслить иначе; кто только имѣлъ въ обществѣ голосъ, провозглашалъ новый порядокъ вещей: Платонову республику на землѣ и равенство въ общежитіи; всякой, кто только надѣялся заслужить титло мудраго, желалъ быть мудрымъ по своему. Общія, единыя основанія разума, искаженныя въ школѣ новыхъ софистовъ, раздробились на толь безчисленныя, странныя, одна другой противорѣчащія секты, что самые сіи софисты, собравшись вмѣстѣ, были бы похожи на строителей Вавилонской башни, коихъ безумная гордость была наказана тѣмъ что они перестали понимать другъ друга. И чѣмъ напослѣдокъ кончили они славныя свои преобразованія? Лишивъ человѣка чуждой, необходимой ему помощи, не могши дать своей, бросили въ жертву естественной его слабости и естественному поврежденію, назвавъ ихъ сущностію его природы.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ самъ по себѣ есть нѣчто странное, непостижимое. Его пороки и его добродѣтели; гнусныя страсти, его обезображивающія, и возвышенный духъ, надъ ними торжествующій; постыдные предразсудки и пламенное пареніе разума — сіи странныя противности, заключающіяся въ одномъ и томъ же существѣ, дѣлаютъ его смѣшною, непонятною загадкою для самого себя. Посмотрите на его положеніе: плачетъ и смѣется въ одно мгновеніе, смѣется и плачетъ; несчастенъ посреди очаровательнѣйшихъ удовольствій, блаженъ посреди всѣхъ ужасовъ и злоключеній! Любитъ добро — и дѣлаетъ зло; одною рукою пронзаетъ сердце друга, а другою подъемлетъ врага падшаго. Ищетъ истины, признаетъ слабость своего разума, — и требуетъ божескаго поклоненія какой нибудь глупой мечтѣ, которую ему угодно назвать истиною. Жаждетъ возвышеннаго, постояннаго блага, — и устремляется на первую бездѣлку, попадающуюся его глазамъ;

украшаетъ ее по своему, любуется ею, чрезъ минуту бросаетъ ее съ презрѣніемъ, и опять ее ищетъ.... Какая бездна противорѣчій! Какое странное и несчастное, какое низкое и высокое существо человѣкъ! Смѣемся ему и плачемъ о немъ; презираемъ его — и удивляемся ему!...

Откуда жъ сіи противорѣчія? Такъ ли онъ созданъ? Конечно такъ,—говорятъ софисты—потому что онъ таковъ есть. И такъ это игра природы, чадо своенравія ея и странныхъ капризовъ, которому она въ глаза смѣется, смѣшавъ въ немъ одномъ всѣ свои противорѣчія? И такъ это мечта, привидѣніе, коего все отличіе состоитъ въ томъ, что оно умѣетъ дѣлать себя несчастнымъ и умѣетъ то чувствовать? И такъ дѣйствительно справедливо это, что первое благо для человѣка не родится, а второе какъ можно скорѣе умереть?...

Здѣсь мудрый бросаетъ свою истину, правитель уничтожаетъ свои законы, праведникъ забываетъ свою добродѣтель. Ибо къ чему все это? Философы говорятъ намъ, что въ человѣкѣ нѣтъ человѣка, что странныя его противорѣчія доказываютъ, что въ немъ нѣтъ ничего положительнаго; что крайности добра и зла въ немъ суть ничто иное, какъ случайныя послѣдствія случайныхъ причинъ; что минутное соглашеніе людей есть ихъ законъ и добродѣтель и что, наконецъ, на свѣтѣ существуетъ та единая истина, что нѣтъ никакой истины!

Сіи-то слѣпцы, толь худо знавшіе, толь худо судившіе и еще хуже чувствовавшіе, провозгласили себя наставниками и путеводителями человѣческаго рода, — и человѣкъ, возмущенный ими противу самого себя и противу неба, нося отчаяніе въ сердцѣ своемъ, приблизился къ самому краю пропасти, которую гордыня разума начала руками праотца нашего и расширила мудрованіями софистовъ. И чтожъ осталось дѣлать ему, чтобы найти основаніе самого себя и разрѣшить непонятную загадку своей природы? Просить совѣта у собственнаго своего разума? Увы! это значитъ искать помощи у того самаго путеводителя, который, водя людей по дебрямъ и пропастямъ безпредѣльныхъ, нескончаемыхъ

умствованій, столько невѣждъ содѣлалъ глупѣйшими, столько умныхъ заблудшими и столько мудрецовъ посмѣшищемъ свѣта! Прибѣгнуть къ совѣсти? Совѣсть больше объясняетъ намъ противорѣчія нашего духа; она всегда постоянно и рѣшительно внушаетъ намъ, что справедливое, хорошее и честное есть цѣль человѣческой природы и благо ея; а пороки и страсти, возникающіе при самомъ рожденіи нашемъ, составляютъ то зло и тѣ противорѣчія въ насъ, которыя столько насъ обезображиваютъ и которыя подали прекрасную мысль остроумнымъ философамъ XVIII вѣка сказать для утѣшенія человѣческаго рода, что онъ бѣдная игрушка злой мачихи-природы. Слѣдовательно совѣсть уже освѣщаетъ насъ нѣсколько на пути жизни нашей; но увы! она есть слабая опора посреди трудныхъ пропастей и горъ, наполняющихъ оный. Если бъ человѣкъ не былъ естественно поврежденъ, то конечно бы достаточно было для него сего внутренняго убѣжденія; но разслабленному недостаточно собственныхъ своихъ силъ къ возстанію, и одна посторонняя рука можетъ воздвигнуть его съ одра мученія и болѣзни. Совѣсть показываетъ намъ то, что мы должны исполнять, и, обращая насъ къ самимъ себѣ, сама, кажется, страшится великости нашихъ обязанностей, высоты нашей цѣли и ничтожества нашихъ силъ и способовъ. Не могши дать намъ никакого удостовѣренія тамъ, гдѣ необходимость должности сталкивается съ побужденіями пожертвованія, она вдругъ оставляетъ насъ во мракѣ между робкою, хотя и непреступною, недѣятельностію и между величайшею добродѣтелію — и велитъ намъ дѣлать то, для чего не стоитъ труда и быть человѣкомъ. Совѣсть обращаетъ насъ къ Богу; но Богъ ея есть только всемогущій Зиждитель и праведный Судія, а не отецъ нѣжный и милосердый. Онъ, кажется, принялъ на себя трудъ сотворить насъ разумными и свободными; но не принялъ никакого средства къ отвращенію тѣхъ золъ, которыя происходятъ отъ нашего ограниченія и нашей свободы. Здѣсь нѣтъ любви чистѣйшей, содѣлывающей Бога отцемъ человѣка и человѣка — присным его духу. Здѣсь нѣтъ союза между совершенствомъ и слабостію: ибо

я не признаю благости въ томъ, что я есмь, но исповѣдую ее въ томъ, чѣмъ могу быть чрезъ непостижимое, но вѣрное ея содѣйствіе. Будучи такимъ образомъ презрѣны, оставлены на произволъ самимъ себѣ, мы снова впадаемъ во всѣ тѣ противности, коихъ недавно были злополучною жертвою.

И такъ разумъ пресмыкается и падаетъ; нравственное чувство осуждаетъ наши страсти, но не можетъ укротить ихъ, — а сердце стонетъ! Ахъ! почто жъ не ищетъ оно опоры, когда слабо? Гордость, суемудріе, призраки истины обольщаютъ его; но почто быть мудрыми, когда не можемъ быть счастливы? Я слѣдую одному высочайшему закону, я прошу у неба единой истины: спасенія и блага! Гдѣ же она — сія прекрасная дщерь любви божественной, которой жаждетъ сердце мое отъ самой колыбели и которую бѣшеныя страсти представляютъ мнѣ въ толь многихъ видахъ презрѣнныхъ земныхъ радостей? Кто покажетъ мнѣ ее въ полномъ сіяніи и красотѣ? Кто сдѣлаетъ ее присущною сердцу моему, жребіемъ временнаго моего бытія и обѣтованіемъ вѣчности?...

Единый Тотъ, Кто могъ сказать: *Азъ есмь путь, истина и животъ*; Кто въ крови своей омылъ природу человѣческую, возвратилъ ей первобытную ея чистоту; Кто рабу естества отдалъ права неба и поврежденнаго сына совѣсти исправилъ, укрѣпилъ, возвысилъ геніемъ вѣры. Здѣсь-то человѣкъ, по долгомъ, утомительномъ странствованіи, по тяжкой борьбѣ съ заблужденіями и страстьми міра, отрясши съ себя гнусный прахъ ихъ, повергается на лоно вѣчной любви и, въ сладостной чистѣйшей вѣрѣ объемля самого Бога, объемлетъ духомъ своимъ вселенную, вѣчность—и судьбу свою! Это не наука, не система; это гласъ нашего опредѣленія, переданный намъ безконечною благостію чрезъ ипостасное слово ея. Дивное преобразованіе, тайна непостижимая совершается: человѣкъ дѣлается христіаниномъ! Онъ не познаетъ уже, но видитъ ясно свои обязанности, свое назначеніе. Противорѣчія, сомнѣнія исчезаютъ; онъ родится вновь; чувствуетъ себя съ восхищеніемъ, подобно тому разслабленному, который, послѣ

долговременнаго, тяжкаго страданія, въ первый разъ услышалъ изъ устъ вѣчнаго милосердія сладостный глаголъ цѣленія и жизни, — и въ томъ сердцѣ, гдѣ обитали мракъ, неизвѣстность и ужасъ, сіяетъ вѣчная, единая, несомнѣнная истина; укрѣпляется неразрушимое звѣно, соединяющее землю съ небесами, сына персти съ безконечною вѣчностію. Стремленія перестали казаться мечтами; съ будущаго снята завѣса; предчувствіе содѣлалось упованіемъ, блаженство — собственностію, — и гробъ возвращаетъ добычу свою въ объятія вѣчной жизни!

И се дни, почтеннѣйшіе посѣтители, въ которые торжествуетъ евангеліе, въ которые посрамленная человѣческая мудрость, сокрывъ чело свое въ прахѣ, бѣжитъ съ лица земли предъ побѣднымъ знаменемъ побѣдителя грѣха, ада и смерти. Европа, Азія, Африка и Америка внимаютъ призыванію благодати; вѣчный промыслъ повсюду очищаетъ плевелы разума, сѣетъ сѣмена спасенія и жизни, — и добрыя земли, принявшія оныя въ нѣдра свои, цвѣтутъ и богатѣютъ богатствомъ нетлѣннымъ. Что древле изступленный фанатизмъ хотѣлъ утвердить мечемъ и огнемъ, то нынѣ дѣятельность библейскихъ обществъ производитъ кротостію и любовію. Нѣтъ нужды говорить здѣсь о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ россійскимъ библейскимъ обществомъ: его подвиги суть его похвальное слово, а благодарность сердецъ, напоенныхъ отъ него водою жизни, суть прекраснѣйшій памятникъ его существованія — памятникъ, долженствующій въ роды родовъ возвѣщать славное торжество истины. Мудрымъ его попеченіемъ существуетъ и наше сотоварищество, и вы, почтеннѣйшіе господа члены и благотворители, содѣлались участниками священной и чистой его ревности ко благу человѣческаго рода. Вашимъ дѣятельнымъ участіемъ и подкрѣпленіемъ мы были въ состояніи постоянно продолжать наши сношенія съ высшимъ комитетомъ, — и сей отчетъ, нынѣ вамъ представляемый, есть токмо новое свидѣтельство вашихъ великодушныхъ пожертвованій. Состояніе и посты, вами занимаемые въ обществѣ, доказываютъ познаніе ваше тѣхъ истинъ, на коихъ зиждется благо общественное, и въ семъ случаѣ

вы имѣете нужду не столько въ наставленіи, сколько въ назиданіи вѣры; но тысячи низшихъ братій вашихъ ходили бы пагубными путями заблужденій, если бъ человѣколюбивое сердце ваше не сообщало имъ сего свѣта, коего цѣну вы столь глубоко возчувствовали, не взирая на тьму, воздвигнутую суемудріемъ. Да будетъ же свѣтъ сей, подобно лучамъ солнечнымъ, отражаясь на васъ, просвѣщать сердца кроткія, и да возвѣститъ владычество его въ примѣръ и подражаніе временамъ грядущимъ русское благочестіе столько же, сколько славное царствованіе Александра I долженствуетъ возвѣщать имъ русскую храбрость!

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕССОРА А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО,

составленная Академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Не разъ уже Академія Наукъ трудами своихъ членовъ и заявленіями о трудахъ посторонныхъ ученыхъ, Русскихъ и иностранныхъ, выражала свое сочувствіе къ научнымъ изслѣдованіямъ памятниковъ литературы и народной словесности Русской сравнительно съ памятниками литературы и народной словесности другихъ народовъ близкихъ и далекихъ. Не разъ замѣчено было, что сравненія однородныхъ предметовъ этого круга по содержанію, по подробностямъ изложенія и выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по особенностямъ языка—могутъ приводить и дѣйствительно приводили и приводятъ изслѣдователей къ любопытнымъ выводамъ о степени древности памятниковъ, о повременности въ ихъ видоизмѣненіяхъ, о переходахъ ихъ отъ народа къ народу и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ отысканію переводовъ и пересказовъ важныхъ подлинниковъ, несохранившихся или по крайней мѣрѣ еще неотысканныхъ. Само собою разумѣется, что Академія Наукъ могла относиться вполнѣ одобрительно только къ такимъ изъ дѣятелей въ этой отрасли ислѣдованій, которые, будучи приготовлены къ разсмотрѣнію сравниваемаго по прямымъ источникамъ, подчиняютъ свои работы строго научнымъ пріемамъ.

Какъ одного изъ такихъ знатоковъ дѣла, Академія Наукъ отмѣтила Александра Николаевича Веселовскаго, занимающаго въ С.-Петербургскомъ Университетѣ каѳедру исторіи иностранной литературы, причисливъ его къ своему составу въ званіи члена-корреспондента. Въ какой степени г. Веселовскій, какъ даровитый и ревностный труженикъ, достоинъ вниманія Академіи Наукъ, это видно изъ его дѣятельности. Прилагая при семъ списокъ его тру-

довъ, позволю себѣ остановиться только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы указать на направленіе и на характеръ его научныхъ работъ.

Что г. Веселовскій съ успѣхомъ занимался изслѣдованіями по средневѣковой словесности Западно-Европейской, преимущественно Романской и Германской, свидѣтельствуютъ не только его разнообразные вклады въ филолого-литературныя повременныя изданія Нѣмецкія, Итальянскія и Французскія, но и отдѣльныя изданія и изслѣдованія памятниковъ, между прочимъ и имъ открытыхъ. Знатокамъ извѣстны его Novelle della figlia del re di Dacia (Pisa. 1866) и Il Paradiso degli Alberti (Bologna. 1867—1869. 4 тома). Открытія и изслѣдованія дали г. Веселовскому почетную извѣстность и уваженіе въ западномъ ученомъ мірѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ право на приглашеніе его на каѳедру съ начала въ Московскій, а потомъ въ Петербургскій Университетъ. Первый возвелъ его на степень магистра въ 1870 г., а второй на степень доктора въ 1872 г. Какого направленія держится онъ какъ университетскій преподаватель, видно между прочимъ изъ того, что онъ занимаетъ слушателей объяснительнымъ чтеніемъ древнѣйшихъ средневѣковыхъ памятниковъ и что въ кругѣ его преподаванія заняла уже мѣсто и Энциклопедія Романской филологіи.

То, что даетъ г. Веселовскому особенное значеніе въ средѣ западныхъ изслѣдователей, это—общія и частныя объясненія западныхъ памятниковъ помощію памятниковъ Русскихъ и вообще Славянскихъ, что было у него въ виду съ самаго начала его работъ и все болѣе разросталось. Еще болѣе важны для Русскихъ изслѣдователей его объясненія Русскихъ и вообще Слявянскихъ памятниковъ помощію памятниковъ западныхъ и южныхъ Европейскихъ. Само собою разумѣется, что перваго рода труды издаются имъ преимущественно на иностранныхъ языкахъ, а второго рода—преимущественно на Русскомъ. Остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ трудовъ второго рода:

Послѣ нѣсколькихъ работъ меньшаго размѣра, въ 1872 году, г. Веселовскій издалъ обширный изслѣдовательный трудъ подъ заглавіемъ: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ». Этотъ трудъ вызвалъ при посредствѣ Академіи Наукъ подробный разборъ и похвальный отзывъ Академика Ѳ. И. Буслаева и въ слѣдствіе этого отзыва и признанія его достоинствъ единогласно награжденъ Уваровской преміей. «Разбираемая мною книга — замѣтилъ Академикъ Буслаевъ

объ этомъ изслѣдованіи г. Веселовскаго—принадлежитъ къ капитальнымъ пріобрѣтеніямъ нашей ученой литературы: это безспорно самый лучшій опытъ изъ всѣхъ, какіе только на Русскомъ языкѣ были, въ приложеніи Бенфеевской теоріи литературнаго заимствованія къ разработкѣ Русскихъ источниковъ рукописныхъ и устныхъ, въ связи съ поэтическими преданіями западной Европы».

Рядъ еще болѣе полныхъ по содержанію изслѣдованій г. Веселовскій началъ печатать въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. въ 1875 г. и до сихъ поръ издалъ восемь изслѣдованій (см. чч. 178, 179, 184, 185, 189, 191) подъ названіемъ: «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды». Предметами очень внимательнаго и разнообразнаго разбора въ нихъ стали: 1) Откровенія Меѳодія и Византійско-Германская императорская сага; 2) Берта, Анастасія и Пятница: a) Сивилла — Самовила—reine Pedanque—Берта, b) Епистолія о Недѣлѣ, c) Сонъ Богородицы, d) Сказаніе о 12-ти Пятницахъ, e) Недѣля—Анастасія и Пятница—Параскева; f) Freiheit—Елеѳерій... Одновременно съ этимъ рядомъ изслѣдованій вышло въ другихъ повременныхъ изданіяхъ и еще нѣсколько изслѣдованій г. Веселовскаго того же рода, каковы: разборъ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ (въ Слав. Сборникѣ II и съ дополненіями въ Archiv für Slavische Philologie), Сказанія о Константинополѣ, Сны Мимера (въ Russische Revue) и др.

Всматриваясь въ эти работы г. Веселовскаго, видимъ обширное знакомство съ первичными источниками, частію неизданными или же провѣренными имъ по рукописямъ, разнообразіе сравнительныхъ припоминаній, уясняющихъ сравниваемое, отчетливыя объясненія подробностей данными изъ словесности и языка, и научную требовательность изслѣдователя, старающагося сдѣлать выводы, имъ достигаемые, достойными довѣрія самыхъ взыскательныхъ скептиковъ.

И не только въ особыхъ изслѣдованіяхъ, но и въ статьяхъ, написанныхъ по поводу появленія въ свѣтъ разныхъ изданій, Русскихъ и иностранныхъ, г. Веселовскій постоянно не только затрогивалъ, но и уяснялъ нѣкоторыя изъ задачь средневѣковой и народной устной словесности. Такъ по поводу книги г. Барсова явилась его замѣчательная работа о Русскихъ оплакиваньяхъ мертвыхъ (Russ. Revue); въ слѣдствіе выхода въ свѣтъ книгъ гг. Роде и Кирпичникова издано имъ нѣсколько статей о Греческомъ романѣ вообще и о Византійской повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ (въ Вѣстникѣ Европы и въ Журн. Мин. Нар. Просв.); «Взглядъ» В. Ѳ.

Миллера на Слово о полку Игоревѣ вызвалъ г. Веселовскаго на обстоятельный разборъ разныхъ характерныхъ чертъ не только книги В. Миллера, но и самаго Слова, и т. д.

Всѣ большіе и малые труды г. Веселовскаго суть плоды одного и того же корня дѣятельности и всѣ менѣе или болѣе важны, какъ для изслѣдователей иностранныхъ, такъ и для Русскихъ. Въ Русской научной литературѣ они не замѣнимы.

Нельзя не желать, чтобы г. Веселовскій былъ поставленъ въ положеніе, которое бы дало ему больше силъ трудиться самостоятельно на избранномъ поприщѣ, и чтобы его способности, полныя свѣжей силы, получа въ Академіи поддержку, вмѣстѣ съ тѣмъ были полезны и самой Академіи.

Труды А. Н. Веселовскаго, изданные въ 1866—1877 гг.

1866. Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci.
— Novella della figlia del re di Dacia.
— Данте и символическая поэзія католичества (Вѣст. Европы, декабрь).

1867. Отчетъ о книгѣ Adolf Mussafia «Ueber eine italienische metrische Darstellung der Crescentiasage», въ Rivista Bolognese anno 1°, v. 1, fasc. IV.

1867—1869. Il Paradiso degli Alberti, въ Scelta di curiosità letterarie inedite o rare (Bologna, Romagnoli) Томы 86¹, 86², 87 и 88.

1869. Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средне-вѣковаго эпоса (Журн. Мин. Нар. Просв., часть CXL).
— Нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о древней Россіи изъ разсказовъ Итальянцевъ (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этнографіи, т. II).

1870. Вилла Альберти. Новые матерьялы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтій.
— Взглядъ на эпоху возрожденія въ Италіи (Московск. Универс. Извѣстія, № 4).
— О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки (Жур. Мин. Нар. Просв., часть CLII, отд. 2).

1871. Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ (Жур. Мин. Нар. Просв., часть CLIV).
— Джордано Бруно (Вѣст. Европы, дек.).
1872. Калики перехожіе и богомильскіе странники (Вѣст. Европы. мартъ).
— Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ.
— Изъ исторіи развитіи личности. Женщина и старинныя теоріи любви (Бесѣда, мартъ).
1873. Intorno ad alcuni testi nei dialetti dell' alta Italia, recentemente pubblicati (Propugnatore).
— Двѣ Варшавскихъ дисертаціи (Вѣстн. Европы).
— Сравнительная миѳологія и ея методъ (Вѣстникъ Европы, октябрь).
— Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы (Журн. Мин. Нар. Просв., часть CLXV, отд. 2).
1874. Die Russischen Todtenklagen, въ Russische Revue.
— Историческія пѣсни Малорусскаго народа, изд. Антоновичемъ и Драгомановымъ. Т. I (С.-Петербур. Вѣд., октябрь).
1875. Старинные Итальянскіе монастыри (въ Жур. Мин. Нар. Просв. январь).
— Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ. Поэма о Дигенисѣ (Вѣстн. Европы, апрѣль).
— Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung (Russ. Revue, IV. Jahrg., 6 Heft: измѣнено и дополнено противъ русской статьи).
— Constantinische Sagen (Russ. Revue., IV. Jahrg., 2 Heft).
— Опыты по исторіи развитія Христіанской легенды: I. Откровенія Меѳодія и Византійско-Германская императорская сага (двѣ статьи въ Жур. Мин. Нар. Просв. за апрѣль и май).
— Параллели къ Новгородскому сказанію о раѣ (въ Филолог. Записк., № III).
1876. Опыты по исторіи развитія Христіанской легенды: II. Берта, Анастасія и Пятница. Опытъ миѳологическаго анализа (въ Жур. Мин. Нар. Просв., четыре статьи въ февральской, мартовской, апрѣльской и іюньской книжкахъ:

[a) Сивилла — Самовила — Reine Pedanque: Берта; b) Эпистолія о Недѣлѣ; c) Сонъ Богородицы и сводныя редакціи эпистоліи; d) Сказаніе о 12-ти Пятницахъ].

1876. Джузеппе Питрэ и его библіотека народныхъ Сицилійскихъ преданій (Жур. Мин. Нар. Просв., январь).

— Сказки объ Иванѣ Грозномъ (въ Древн. и Нов. Россіи, № 4).

— Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (въ Славянскомъ Сборникѣ, т. II-й).

— Sagenstoffe aus dem Kandjur (въ Russ. Revue: Сны царя Мамера).

— Разборъ книгъ: Aubertin, «Histoire de la langue et de la littérature franç. au moyen-âge» и Gebhart «De l'Italie» (въ Жур. Мин. Нар. Просв., сентябрь).

— Разборъ: Legrand «Chants populaires de la Grèce» (Жур. Мин. Нар. Просв., октябрь).

— Разборъ: Rohde «Der griechische Roman» (Жур. Мин. Нар. Просв., ноябрь).

— Joannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres.

— Zur altbulgarischen Alexandersage (въ Archiv f. Slavische Philologie, I).

— Разборъ книги Кирпичникова (первой части) «Беллетристика у древнихъ Грековъ, Греческіе эротическіе романы» (Вѣстн. Европы, декабрь).

— Un Capitolo di Antonio Pucci (въ сравненіи съ Русской сказкой: въ Rivista di Filologia Romansa, v. II, fasc. III—IV).

— Разборъ книги Кирпичникова (второй части) «Варлаамъ и Іосафъ» (въ Жур. Мин. Нар. Просв., іюль).

— Опыты по исторіи развитія Христіанской легенды (окончаніе): II. Берта, Анастасія и Пятница: e) Недѣля — Анастасія и Пятница — Параскева; f) Freiheit — Элевѳерій (въ Жур. Мин. Нар. Просв.).

— Малорусскія народныя преданія и повѣрья. Сводъ М. Драгаманова (Древ. и Нов. Россія, февр.).

— Die Sage vom babylonischen Reich. I и II. (въ Archiv f. Slavische Philologie, II, 1, 2: съ измѣненіями противъ Русской статьи).

— Статья «О Мелюзинѣ» (Журн. Мин. Нар. Просв., январь).

— Индѣйскія сказки и легенды, собр. въ Камаонѣ въ 1875 г. И. П. Минаевымъ (въ Вѣстн. Европы, мартъ).
— Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ (Жур. Мин. Нар. Просв., августъ).
— Le dit de l'Empereur Constant (Romania XXII).
— Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrh. (въ Russ. Revue).
— Объ одномъ эпизодѣ въ былинѣ о Святогорѣ (въ Филолог. Записк., № 1).

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНИИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМИИ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29-го декабря 1877 г.

Академикомъ И. Срезневскимъ.

Съ году на годъ смѣлѣе можемъ мы думать и говорить, что изслѣдовательная наука пустила свои жизненные корни въ нашу почву, что хотя и рѣдко, болѣе по одиночкѣ, но все чаще и оживленнѣе, все съ большею силою увлеченія къ изслѣдованіямъ, даютъ о себѣ знать наши люди науки трудами своего дарованія и знанія; все чаще привлекаютъ другихъ къ такимъ же трудамъ, — и все чаще приходится узнавать о такихъ изъ нихъ, которые остаются вѣрными разъ избранному дѣлу науки на всю свою жизнь, какъ бы выгодно или невыгодно ни сложилась ея внѣшняя обстановка. Конечно, еще не пришло для насъ время, когда нерѣдкіе изъ тѣхъ, которыхъ жизнь влечетъ въ сторону отъ научныхъ работъ, будутъ владѣть своимъ временемъ, чтобы ими заниматься; но и изъ такихъ людей были и есть достойные благодарнаго воспоминанія не только за ихъ сочувствіе къ дѣятельности другихъ, но и за ихъ личное участіе въ научныхъ изслѣдованіяхъ, за ихъ собственные труды. Не забыто еще время, когда и изъ людей, обязавшихся жить для науки, очень немногіе посвящали ей свои заботы; но оно уже прошло, покрайней мѣрѣ проходитъ.

Такихъ ученыхъ, которые знаютъ, за что и какъ взяться, и устойчиво работаютъ какъ самостоятельные дѣльцы, уже не очень мало, и ихъ можно найдти вездѣ, гдѣ есть возможность заниматься наукой, отмѣченныхъ не пристрастіемъ благопріятелей, а спокойною внутреннею довѣренностью ихъ сотрудниковъ и посторонних образованныхъ цѣнителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣми, отъ которыхъ вниманія къ нимъ могутъ зависѣть успѣхи наукъ и просвѣщенія. Въ ряду такихъ мѣстъ, гдѣ съ довольно давняго времени были ученые дѣятели, уважаемые другими подобными въ другихъ мѣстахъ Россіи, съ самаго основанія университета оставался и остается Харьковъ.

На трудахъ одного изъ ученыхъ Харьковскаго университета счастливый случай позволяетъ мнѣ остановить, Мм. Гг., Ваше просвѣщенное вниманіе. За его научную дѣятельность Академія Наукъ сочла своимъ долгомъ ввести его въ рядъ своихъ членовъ-сотрудниковъ; за его послѣднія двѣ книги — Изъ Записокъ по Русской грамматикѣ — она признала его достойнымъ Ломоносовской награды: это профессоръ Харьковскаго университета А. А. Потебня.

За пятнадцать лѣтъ назадъ, въ 1860 г.; появились первые труды г. Потебни, и съ тѣхъ поръ почти не проходило года, чтобы не былъ имъ изданъ по крайней мѣрѣ одинъ трудъ.

Предметомъ первыхъ его трудовъ, въ томъ числѣ и двухъ большихъ (о нѣкоторыхъ символахъ въ Славянской народной поэзіи, 1860 г., и о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, 1865 г.) былъ разборъ Русскаго языка, сравнительно со сродными, въ отношеніи къ выразительности его отдѣльныхъ словъ и выраженій, простыхъ и сложныхъ, а равно и цѣлыхъ произведеній народной поэзіи, какъ простыхъ и сложныхъ символовъ понятій и представленій, важныхъ по связи ихъ съ общимъ міросозерцаніемъ и жизнію народа и съ отдѣльными его преданіями, повѣрьями, обычаями и обрядами... Съ 1866 года стали появляться его труды по разбору строя Русскаго языка.

Не непочатое поле нашелъ онъ, принимаясь за изслѣдованія строя Русскаго языка. Кромѣ старыхъ трудовъ Востокова, Греча и другихъ онъ могъ имѣть и имѣлъ подъ руками важные труды Павскаго, Буслаева и еще нѣкоторыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ труды Миклошича, Гатталы, Даничича и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ славистовъ. Онъ нашелъ сдѣланнымъ многое, но многое и едва начатымъ и недодѣланнымъ; нашелъ и произвольныя толкованія на основаніи случайно образовавшихся предположеній, признанныхъ за истину, и привычку къ нимъ, и защиту ихъ, и защиту нововведеній ничѣмъ или почти ничѣмъ неоправдываемыхъ, не говоря уже о томъ, что при рѣшеніи нѣкоторыхъ крупныхъ вопросовъ относительно Русскаго языка были принимаемы въ расчетъ не данныя о языкѣ, а кое-что совершенно постороннее. Не одинъ изъ Славянскихъ языковъ, ни даже Старославянскій языкъ, котораго родина и первичный строй доселѣ еще не опредѣлены окончательно, не давалъ поводовъ къ такимъ различнымъ соображеніямъ и домысламъ, какъ языкъ Русскій. Изъ всего того, что есть въ виду о Русскомъ языкѣ, надобно выдѣлить цѣнное, отстранивъ неподходящее подъ уровень требованій строгой науки — хотя бы и не съ разу, не безъ колебаній, хотя бы отъ части и языкознательнымъ чутьемъ. При этомъ ограничить кругозоръ своихъ наблюденій и изслѣдованій однимъ книжнымъ новымъ языкомъ, даже и съ прибавленіемъ того, что хотя и не принято въ печатной рѣчи, но принято или осталось въ устной рѣчи образованнаго общества, было бы невозможно. Какъ ни любопытно уясненіе всѣхъ явленій строя литературнаго языка сопоставленіями ихъ самихъ взаимно, оно ни на сколько не можетъ удовлетворить ищущаго его, если только не захочетъ онъ идти покойно самодовольнымъ ходомъ оправдательнаго осмысленія всѣхъ навыковъ, въ силу котораго все, что принято большинствомъ, должно считаться соотвѣтствующимъ законамъ строя языка — пока остается принятымъ. Для уясненія строя даже и этой доли Русскаго языка наблюдатель—изслѣдователь долженъ раздвинуть свой кругозоръ и въ ширь — въ область языка на-

роднаго, и въ глубь — въ область языка временъ прошедшихъ, тамъ и тамъ при помощи языковъ иностранныхъ. Но разъ вошедши въ эти области, не можетъ уже онъ (если только не по неволѣ стѣснилъ кругъ своихъ наблюденій, или не могъ побѣдить своего пристрастія къ современному литературному языку, какъ къ единственно важному въ какомъ бы то ни было отношеніи) не перемѣнить срединной точки своихъ наблюденій. Середину его кругозора, если не какъ ясно понимаемая дѣйствительность, то по крайней мѣрѣ какъ искомый образъ бывшаго и минувшаго, займетъ тотъ древній языкъ, отъ котораго какъ вѣтви пошли всѣ мѣстныя нарѣчія и говоры, и который во всѣхъ вѣтвяхъ своихъ перемѣнялся и самъ по себѣ и по дѣйствію разныхъ обстоятельствъ. Книжный общественный языкъ имъ будетъ уваженъ какъ самая важная изъ вѣтвей языка, какъ главная связь всѣхъ частей народа, какъ главный проводникъ и хранитель образованности народа; но все таки какъ одна изъ вѣтвей, даже какъ вѣтвь отъ вѣтви, только берущая соки не отъ одной вѣтви, а отъ разныхъ, отъ самаго корня языка...

Именно такъ понялъ свою задачу г. Потебня. Онъ не отвергъ, а еще болѣе уяснилъ домыслъ, что Русскій языкъ въ то древнее время, отъ котораго уцѣлѣли свидѣтельства о немъ и памятники, старѣйшіе изъ доселѣ найденныхъ, въ строѣ своемъ отличался отъ Старославянскаго, принятаго церковью, очень немногими особенностями — болѣе какъ говоръ отъ говора, чѣмъ какъ нарѣчіе отъ нарѣчія, и самъ въ себѣ, въ своемъ строѣ если и не вездѣ былъ совершенно одинаковъ, то все таки былъ нераздѣльною единицею. Уже позже начинаютъ показываться въ памятникахъ черты, заставляющія предполагать раздѣленіе Русскаго языка на мѣстные говоры, отличные одинъ отъ другого— то по удержанію древнихъ звуковъ, то по ихъ замѣненіямъ другими, или опущеніямъ и прибавкамъ новыхъ. Обстоятельства помогли выдѣленію нарѣчій Малорусскаго и Великорусскаго, говоровъ сѣвернаго и южнаго Великорусскаго, раздѣленію этого южнаго на двѣ половины, восточную и западную, такъ называемую

Бѣлорусскую, а позже и ихъ мѣстнымъ соединеніямъ, затѣмъ образованію двухъ книжныхъ языковъ, западнаго и восточнаго, и окончательному преобладанію восточнаго. Если бы, въ слѣдствіе болѣе внимательнаго разбора данныхъ доселѣ найденныхъ и открытія новыхъ, и могли оказаться какія нибудь невѣрности въ частностяхъ, которыми такъ или иначе долженъ быть обставленъ этотъ общій выводъ о Русскомъ языкѣ, то все таки частныя невѣрности едва ли могутъ повести къ какой бы то ни было коренной его перемѣнѣ. Такъ направивъ свои изслѣдованія по историческому пути, г. Потебня держался его безъ всякихъ предвзятыхъ рѣшеній, и, повѣряя прежде высказанное своими личными изслѣдованіями, принималъ изъ него только то, что оправдывалось соображеніями данныхъ, смѣло отвергая все, что не могло быть ими доказано. Такимъ образомъ отвергши самую возможность домысла, что Русскій языкъ въ древности мало чѣмъ отличался отъ новаго Русскаго языка, онъ отвергъ и возможность предположенія, что нарѣчіе Великорусское и Малорусское не суть вѣтви одного и того же корня или что они отличались одно отъ другого искони очень рѣзко, чуть ли даже не тѣми же особенностями, какъ и теперь. Оба эти предположенія заняли мѣсто въ литературѣ и даже отъ части въ помыслахъ изслѣдователей такъ же безсознательно, какъ случается въ обыденной жизни при какихъ бы то ни было недоразумѣніяхъ, когда незнаніе поддерживается нежеланіемъ знать, желаніемъ незнать. Чуть ли не въ нашихъ столичныхъ литературныхъ центрахъ, прежде чѣмъ гдѣ, стали высказываться оба предположенія, одно въ видѣ зачета за церковно-Славянское всего нашего древняго, а другое въ видѣ непониманія даже самыхъ понятныхъ Малорусскихъ выраженій, въ видѣ насмѣшки надъ ними и т. д. Значительно позже явились научныя попытки стоять за то и другое предположеніе, впрочемъ не предупрежденныя никакими изслѣдованіями, попытки историческія и филологическія, и, мѣшаясь съ вожделѣніями, поддерживавшими ихъ силу, онѣ продолжаются и доселѣ. Противъ всего такого можно и не бороться; но, отвергая ихъ какъ научныя мечты,

объяснять однѣ другими научно-цѣнныя наблюденія, которыя не могутъ быть незамѣчены и не оцѣнены каждымъ, кто не лишенъ научнаго зрѣнія и спокойствія взгляда—это долгъ ученаго, ищущаго только истины, высказывающаго только то, что сознательно считаетъ онъ правдой. Такимъ и показалъ себя г. Потебня—своею требовательностью въ отношеніи къ полнотѣ подбора данныхъ.

Такимъ показалъ онъ себя въ двухъ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ одно даетъ соображенія *о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій*, другое *о Малорусскомъ нарѣчіи*. Въ первомъ изъ нихъ, какъ выводъ изъ наблюденій, представлены общія соображенія о томъ, чѣмъ отличался древній Русскій языкъ отъ Старославянскаго, а затѣмъ какъ и когда стали выдѣляться изъ обще-Русскаго языка мѣстныя нарѣчія: прежде Великорусское и Малорусское, потомъ въ Великорусскомъ сѣверное и южное и т. д. Можетъ быть иной изслѣдователь, по привычкѣ смотрѣть на дѣло иначе, чѣмъ смотритъ г. Потебня, не согласится кое съ чѣмъ изъ того, что онъ утверждаетъ, но и онъ не станетъ отрицать въ его работѣ совѣстливаго желанія, вооруженнаго знаніемъ, добраться до истины.

Одновременно съ работами по опредѣленію общихъ чертъ Русскаго языка и особенныхъ чертъ каждаго изъ нарѣчій, г. Потебня занялся и подробною разработкою каждой изъ общихъ чертъ звучности Русскаго языка сравнительно со Старославянскимъ и съ другими Славянскими нарѣчіями, а равно и съ другими сродными языками. Въ одномъ изъ изслѣдованій разобралъ онъ вопросъ *о Русскомъ полногласіи* разносторонно и значительно отлично отъ другихъ ученыхъ имъ занимавшихся; въ другихъ изслѣдованіяхъ, кромѣ новаго пересмотра вопроса о полногласіи, разобраны обстоятельства *употребленія разныхъ звуковъ въ Русскомъ языкѣ* сравнительно съ другими Славянскими и не-Славянскими языками. Къ сожалѣнію эти изслѣдованія еще не всѣ изданы. Въ томъ, что издано, выяснились нѣкоторые любопытные частные выводы, выяснилась таже самостоятельность г. По-

тебни въ употребленіи научныхъ пріемовъ и вообще работы, его основательное знаніе языковъ и близкое знакомство съ трудами ученыхъ лингвистовъ. И не въ такой бѣдной по лингвистикѣ литературѣ, какова наша, изслѣдованія г. Потебни были бы приняты съ уваженіемъ; тѣмъ болѣе дорожить ими надобно у насъ.

Считаю долгомъ отмѣтить одну черту въ произведеніяхъ г. Потебни: это — спокойствіе въ обсужденіи данныхъ и въ извлеченіи вывода. Не защищать свое мнѣніе какъ непогрѣшимое, во что бы то ни стало, не отмалчиваться въ случаяхъ зародившихся сомнѣній, а ясно выставлять данныя, ведущія къ выводу, и вмѣстѣ съ тѣмъ уважать мнѣнія другихъ, какъ бы ни противны были онѣ его собственнымъ, лишь бы были научно цѣнны: такого правила держится онъ постоянно и потому остается самъ и даетъ возможность читателю оставаться внѣ всякихъ полемическихъ тревогъ.

Всѣ указанные труды г. Потебни о строѣ Русскаго языка были какъ бы опытами приготовленія къ тому большому труду, который онъ имѣлъ въ виду и изъ круга котораго онъ бралъ для разработки пока только одну долю, болѣе другихъ отдѣлимую отъ остальныхъ, разборъ Русскаго языка въ отношеніи къ его звуковому строю. Предметомъ большаго труда долженъ былъ быть разборъ грамматическаго строя языка. Этотъ трудъ, конечно, потребовалъ долговременныхъ передовыхъ приготовленій, собиранія и обдумыванія данныхъ, внимательнаго пересмотра прежнихъ изслѣдованій и домысловъ и изслѣдовательныхъ работъ по примѣненію общихъ лингвистическихъ соображеній къ вопросамъ о строѣ Русскаго языка и другихъ съ нимъ сродныхъ.

До сихъ поръ вышли въ печати двѣ книги изъ этого труда, которому онъ далъ названіе *Записокъ по Русской грамматикѣ*. И ихъ достаточно, чтобы удостовѣриться въ совѣстливости исполненія имъ принятыхъ на себя обязанностей и въ достоинствѣ самого труда, достаточно тѣмъ болѣе, что каждая изъ нихъ сама

по себѣ можетъ быть разсматриваема, какъ отдѣльная стройная связь изслѣдованій и соображеній.

Первая книга заключаетъ въ себѣ Введеніе. Въ десяти главахъ его дано мѣсто обслѣдованію общихъ грамматическихъ положеній: Что такое слово? Въ какомъ соотношеніи состоятъ представленіе, нуждающееся въ словѣ, и значеніе самого слова? Что такое корень слова? Что такое грамматическая форма слова? Изъ чего узнается присутствіе этой формы въ словѣ? Какъ отличать формы этимологическія и синтактическія? Что значитъ созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ? Въ какомъ соотношеніи состоятъ грамматика языка и логика? Что затрудняетъ при опредѣленіи предложенія и его членовъ? Къ чему приходимъ, отдѣляя разные члены предложенія и разныя части рѣчи?—Цѣлью этого Введенія было представить всѣ общія явленія грамматическаго строя языка вообще примѣнительно къ языку Русскому. Такого цѣльнаго филологическаго разбора общихъ чертъ строя языка у насъ еще не было. Не было его даже какъ выбора изъ иностранныхъ сочиненій; въ трудѣ же г. Потебни имѣемъ не выписки изъ разныхъ книгъ, а его собственную переработку изслѣдованій и соображеній, освѣщенную подробностями, имъ самимъ добытыми, и его личною мыслью. Излагая все по своему убѣжденію, г. Потебня, не изъ желанія выказывать себя въ борьбѣ съ мыслителями и изслѣдователями, которыхъ домыслы онъ не счелъ возможнымъ усвоить, а только для уясненія дѣла, приводитъ доводы въ защиту своихъ домысловъ противъ домысловъ, имъ отвергаемыхъ — такъ же безстрастно, какъ въ другихъ случаяхъ пользуется чужими доводами, не присваивая ихъ себѣ, а указывая, кому что принадлежитъ.

Имѣя въ виду обычное расположеніе частей грамматики и содержаніе первой книги Записокъ, т. е. Введенія, можно было ожидать отъ второй книги разсмотрѣнія формъ образованія словъ: но г. Потебня, по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ или по обстоятельствамъ отложивъ это въ сторону, обратился въ ней прямо къ синтаксису, и то не къ опредѣленію первыхъ условій

строя связной рѣчи въ Русскомъ языкѣ, а непосредственно къ сказуемому. Эта особенность объясняется изслѣдовательнымъ характеромъ изложенія. Что необходимо было указать какъ основное въ общемъ строѣ предложенія, то указано во Введеніи, и за тѣмъ уже не для чего было повторять или иными словами пересказывать сказанное. Даже и обратясь прямо къ сказуемому, г. Потебня только сослался на мѣста Введенія, гдѣ представленъ общій взглядъ на сказуемое и на разные роды его, и остановился на разсмотрѣніи составныхъ членовъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ Русскомъ языкѣ.

Обнявъ взглядомъ разнообразныя явленія составного сказуемаго, г. Потебня нашелъ наиболѣе удобнымъ подвести ихъ подъ четыре порядка: 1) явленія при глаголѣ или причастіи именительнаго второго; 2) явленія вторыхъ косвенныхъ падежей, винительнаго, родительнаго и дательнаго; 3) явленія неопредѣленнаго наклоненія при другихъ глаголахъ и съ падежами винительнымъ, дательнымъ и пр.; 4) явленія творительнаго падежа вообще и особенно въ случаяхъ замѣны имъ второго согласуемаго падежа. Показать, что какъ въ книгѣ разсмотрѣно, значило бы повторить всю книгу въ томъ-же или въ какомъ нибудь другомъ порядкѣ. Остановлюся на кое чемъ, яснѣе указывающемъ, какъ и что изслѣдовалъ г. Потебня.

Мысленно проникая въ цѣпь приготовительныхъ работъ, которыя г. Потебня долженъ былъ взять на себя и хоть въ нѣкоторой степени окончить прежде, чѣмъ взялся за выработку и постановку въ цѣльную систему частныхъ изслѣдованій, нельзя опустить изъ виду его основного взгляда на объемъ предмета изслѣдованій, имъ для себя обозначенный, для того, чтобы придти къ выводамъ сколько нибудь полнымъ. Предметомъ изслѣдованій взялъ онъ весь Русскій языкъ, на сколько онъ извѣстенъ съ древнѣйшаго времени до нынѣшняго и во всѣхъ главныхъ мѣстныхъ его видоизмѣненіяхъ. Ни одинъ, сколько нибудь важный памятникъ Русскаго языка, древняго, стариннаго, новаго, сѣвернаго, южнаго, западнаго, не могъ онъ слѣдовательно оставить, какъ

ненужный; ни одно явленіе строя языка какого бы ни было времени и края не должно было быть имъ опущено; ни одинъ изъ научно добытыхъ выводовъ о каждомъ изъ нихъ, сдѣланныхъ до него изслѣдователями, не могъ быть имъ оставленъ безъ вниманія. И все это должно было, по характеру изложенія, войдти въ его книгу, теперь изданную, а слѣдовательно должно войдти и въ слѣдующія книги, не въ общихъ сводахъ, а въ возможной подробности съ приведеніемъ разнообразнаго множества данныхъ въ систематическомъ подборѣ. Это — шагъ новый въ наукѣ Русскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый, потому что, рѣшаясь на него, изслѣдователь рѣшается на трудъ внимательнаго разсмотрѣнія огромной массы памятниковъ и ихъ объясненій, трудъ новый и тяжелый, но тѣмъ не менѣе необходимый, требуемый ходомъ науки.

Не такъ новъ и тяжелъ можетъ показаться другой его шагъ, вызываемый первымъ: шагъ сравненія Русскаго языка съ западными Славянскими языками и нарѣчіями разнаго времени, начиная со Старославянскаго, и съ другими сродными языками; но когда вспомнимъ, что г. Потебня занимается синтаксисомъ, что для этого рода сравненій нужно не внѣшнее знакомство съ языками, а внутреннее, предполагающее необходимость понимать и опредѣлять смыслъ выраженій въ зависимости отъ разныхъ условій сочетаній словъ, когда вспомнимъ, что работы надъ сравнительнымъ синтаксисомъ только что начинаются, то должны будемъ признать и въ этомъ отношеніи за г. Потебнею заслугу важную При этомъ нельзя опустить изъ виду какъ глубокаго знанія имъ нѣкоторыхъ языковъ, между прочимъ Литовскаго и Латышскаго, такъ и безстрастно-критическаго отношенія къ мнѣніямъ тѣхъ ученыхъ, которые занимались сравнительнымъ языкознаніемъ, дававшаго ему силу оцѣнить заслугу каждаго по достоинству.

Еще отмѣчу одну черту въ характерѣ и направленіи изслѣдованій г. Потебни: это — стараніе вникать во внутренній смыслъ каждаго образа выраженія посредствомъ проникновенія въ тотъ образъ мышленія, для котораго онъ понадобился какъ соотвѣт-

ственный, независимо отъ впечатлѣнія, производимаго имъ на собственный личный умъ изслѣдователя. Этотъ пріемъ есть единственно вѣрный и для сравненія языковъ, и для уразумѣнія историческаго движенія языка.

Конечною цѣлью г. Потебни постоянно было — опредѣлить характеръ и условія синтактической выразительности новаго Русскаго языка сравнительно съ древнимъ и стариннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить по возможности ходъ измѣненій Русскаго языка въ синтаксисѣ съ древняго времени Вотъ главные выводы, къ которымъ доселѣ пришелъ онъ своими изслѣдованіями:

«Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частію оно перестраивается за-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частію же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе или менѣе пестрѣетъ оставшимися наружѣ образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту пестроту поверхности языка (на пр. то что обороты «онъ былъ купецъ» и «онъ былъ купцомъ», стоящіе рядомъ въ нынѣшнемъ языкѣ, не одновременны по происхожденію и не однородны, но построены по различнымъ планамъ), стараясь сколько нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ намъ поверхности языка смѣшаны разнохарактерныя явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснить характеръ ихъ, поставивши ихъ въ ряды другихъ, съ ними однородныхъ. Явленія, представляемыя составными членами предложенія, принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ. Древнее наслоеніе оказывается, за немногими исключеніями, общимъ Славянскому языку съ другими Индоевропейскими. Одна изъ общихъ его чертъ есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ». Даже и глаголъ быти — бѫдѫ не былъ такимъ вспомогательнымъ, чисто формальнымъ глаголомъ, какимъ сдѣлался послѣ. Вся тѣмъ быша и безъ него ничьто же не бысть еже бысть — значитъ: все произошло (ἐγένετο) черезъ

него и безъ него не начало быть (ἐγένετο) ничто, что произошло (γέγονεν). Съ горы сея идеже послѣже бысть Къıевъ — значитъ: съ горы, гдѣ послѣ сталъ = возникъ = построился Кіевъ. Печаль ваша въ радость вамъ бѫдеть — значитъ: превратится въ радость (γενήσεται). Въ глаголѣ *быти* было столько же конкретнаго значенія, сколько и въ глаголахъ: *начати*, *имати*, *хотѣти* и т. п., хотя въ нихъ этой конкретности иногда и можно было незамѣтить. Не имате меня видѣти — значитъ почти то же, что: не увидите меня. Лютъ се мѹжь хочеть быти—значитъ почти что: будетъ лютъ. Нерадѣти начьнеть значитъ тоже что: не станетъ радѣть. И не одни эти глаголы но и многіе другіе употреблялись такъ же полу-служебно: твориться ида (притворяется идя) значитъ: притворяется будто идетъ; прѣста глаголя значитъ: пересталъ говорить, умолкнулъ и т. д. «Въ древнемъ наслоеніи видно такъже въ составѣ предложенія такое господство началъ согласованія, при которомъ члены предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ слишкомъ однородны (вторые падежи такіе же какъ и первые: при первомъ именительномъ второй именительный, при первомъ родительномъ второй родительный и т. д.)». Исакъ разболѣвся и бысть мнихъ—нынѣ было бы: сдѣлался монахомъ; Ростиславъ не преставаше клевеща —значитъ: не переставалъ клеветать. И до селѣ можно сказать: вотчина лежитъ пуста, одинъ холостъ хожу; не родись ни хорошь, ни пригожь, а родися счастливъ. Сына моего поимите собѣ князя — теперь было бы: княземъ, въ князья и т. п. Видѣша князя бѣжавша — значитъ: видѣли, что князь убѣжалъ. Видѣхъ тя противѹ злѹ зло воздающа — ныньче: что ты воздаешь зло за зло. Брату Михалкѹ ѹмершѹ еще 9 дне нѣтѹть — нѣтъ и девяти дней, какъ умеръ Михалко. «Во второмъ, болѣе позднемъ наслоеніи, отъ части уже покрывшемъ собою первое, мы находимъ: сліяніе составного сказуемаго въ цѣльное, — усилія, отъ части успѣшныя, образовать чисто формальные глаголы, — разложенія составного сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложеніемъ, — замѣны вторыхъ сказуемыхъ падежей частію несклоняемыми сло-

вами сравнительно поздняго образованія (прилагательнаго нарѣчіемъ, причастія дѣепричастіемъ), частію падежами съ предлогомъ, частію творительнымъ падежемъ. Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи». Многое изъ этого ясно изъ примѣровъ вышеприведенныхъ. Прибавлю еще нѣсколько. Не только глаголъ *быть* сдѣлался вспомогательнымъ, но и глаголы *иму*, *хочу*, *стану*: говоритиму по Малорусски, говориħу по Сербски, стану говорить по Великорусски — значитъ одно и то же. Дѣепричастія стали заступать мѣсто причастій очень рано (какъ напр. въ выраженіяхъ: его же умѣючи того не забывайте, а его же неумѣючи тому ся учите, гроши беруть на комъ што хотяче). «Эти явленія новаго наслоенія при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложенія. Языкъ, къ которому они принадлежатъ, по своеобразности и своему грамматическому совершенству (языкъ новый), стоитъ выше того, къ которому относятся составные члены предложенія (языкъ древній).»

Все это доказано въ книгѣ подробностями, не случайно подобранными, а отмѣчавшимися въ памятникахъ языка при ихъ изученіи, расположенными потомъ по вопросамъ, на которые они давали отвѣты, затѣмъ сведенными къ частнымъ выводамъ, которые въ свою очередь слились въ нѣсколько общихъ выводовъ, указавшихъ на разность явленій, которыми отличается языкъ древній и новый.

Конечно, къ неменѣе важнымъ и любопытнымъ выводамъ придетъ г. Потебня своими изслѣдованіями въ послѣдующихъ книгахъ Записокъ, изъ которыхъ третья, обширная книга о видахъ глаголовъ и простыхъ временахъ — какъ только что удалось мнѣ узнать — уже давно въ чернѣ готова; ея окончательная отдѣлка и изданіе не замедлились бы, если бы особенныя обстоятельства не заставили г. Потебню значительную часть времени употреблять на другія занятія.

Стройное богатство подбираемыхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго Русскаго языка сравнительно съ другими Славянскими и не-Славянскими, особенно съ Литовскимъ и Латышскимъ, и положительность выводовъ о ходѣ измѣненій языка даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по Русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся такъ усердно; но онъ продолжалъ начатое съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ Русскаго языка съ исторической точки зрѣнія при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возметъ себѣ въ помощь этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ отвѣтами безъ доказательствъ.

Признавая достоинства вообще всѣхъ грамматическихъ трудовъ г. Потебни, Академія избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а за его Записки по Русской грамматикѣ назначила ему Ломоносовскую награду.

Оба знака признанія заслугъ г. Потебни напоминаютъ объ утратѣ понесенной недавно Русской наукой въ лицѣ члена-корреспондента Академіи, которому за важный трудъ его, за десять лѣтъ передъ симъ, присуждена была первая Ломоносовская награда. Это былъ профессоръ и ректоръ Московской Духовной Академіи А. В. Горскій. Широко развитая научная любознательность, поддерживаемая необычайною памятью, соединясь въ немъ со строгою критической осторожностью, сдѣлала его ученымъ, какихъ вездѣ не много; а благодушная готовность помогать каждому нуждающемуся въ его знаніяхъ и совѣтахъ сдѣлала его необходимымъ совѣтникомъ и помощникомъ не только въ Московской Духовной Академіи, но и во всѣхъ научныхъ кругахъ Русскихъ — по вопросамъ исторіи церкви, патристики, Славянорусской письменности и близкихъ къ нимъ знаній. Преданный душею Московской Духовной Академіи, какъ мѣсту своего окончательнаго образованія и затѣмъ своего служенія съ юности до

кончины, въ продолженіи сорока двухъ лѣтъ, Горскій сосредоточивалъ свои личные виды въ помыслахъ объ Академіи, и потому при многихъ трудахъ, которые могли бы, будучи только иначе обставлены, идти отъ его лица, скрывалъ свое имя за другимъ. Даже и тѣ изслѣдованія, которыя шли отъ него лично, издавалъ онъ безъ подписи: по одной выработкѣ труда можно было догадываться, чьей это учености многоцѣнный плодъ. При одномъ только обширномъ трудѣ по необходимости явилось его имя — при Описаніи Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, образцовомъ въ своемъ родѣ не въ Русской только и Славянской литературѣ, а вообще. За этотъ то трудъ присуждена была Академіей первая Ломоносовская награда.

На упраздненное кончиною Горскаго мѣсто члена-корреспондента Академія Наукъ избрала проф. Потебню, и признавая важное ученое достоинство его Записокъ по Русской грамматикѣ, назначила ему за нихъ и Ломоносовскую награду.

Да соединится по праву и прочно съ благодарной памятью о Горскомъ уваженіе къ ученой — Богъ дастъ неослабной — дѣятельности нашего новаго сочлена.

ЗАПИСКА

о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ

Ординарнымъ Академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Въ прошедшемъ 1874 году явились двѣ книги «изъ Записокъ по Русской грамматикѣ», А. А. Потебни. По своему изслѣдовательному направленію, онѣ заслуживаютъ особенное вниманіе какъ трудящихся надъ изученіемъ особенностей Русскаго языка сравнительно съ другими сродными, такъ и слѣдящихъ за успѣхами науки въ этомъ отношеніи.

Обратить на нихъ особенное вниманіе тѣмъ естественнѣе, что они не плодъ труженика начинающаго, а ученаго, который уже въ продолженіи пятнадцати лѣтъ трудами своими принимаетъ живое участіе въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, участіе вооруженное знаніемъ трудовъ современныхъ дѣятелей и выводовъ въ области языкознанія, знаніемъ современныхъ требованій науки и непосредственнымъ изслѣдованіемъ какъ языковъ сродныхъ съ Русскимъ, такъ и источниковъ, дающихъ болѣе или менѣе важныя данныя объ общихъ и мѣстныхъ свойствахъ Русскаго языка нынѣшняго и прежняго времени.

Считая одною изъ самыхъ важныхъ обязанностей филолога вникавіе въ выразительность изслѣдуемаго языка, г. Потебня началъ свои работы разсмотрѣніями явленій и условій выразительности Русскаго языка въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ

и въ произведеніяхъ народной поэзіи, какъ простыхъ и сложныхъ символовъ понятій и представленій въ связи съ миросозерцаніемъ и жизнію народа, и съ отдѣльными его преданіями, повѣрьями и обрядами. Начиная съ 1860 года, стали являться его труды по вопросамъ, даваемымъ этимъ направленіемъ языкознанія. Таковы:

— О нѣкоторыхъ символахъ въ Славянской народной поэзіи. 1860.

— Мысль и языкъ. 1862.

— О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ. 1864.

— О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій (: 1. Рождественскіе обряды, 2. Баба яга, 3. Змѣй. Волкъ. Вѣдьма). 1865.

— О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. 1865.

— О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ. 1867.

— Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. 1867.

Читая эти произведенія, нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и умѣнью пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и произведеній народной поэзіи и миѳологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ пріисканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Немудрено, что самое обиліе запасовъ его памяти и легкость ими пользоваться — давали ему силу увлекаться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побѣждать въ немъ сдержанность его ума, готоваго столько же подчиняться несомнѣннымъ доказательствамъ, сколько и сомнѣваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами. Увлеченіе заставляло приходить къ выводамъ, показавшимся другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ такимъ же, какіе были защищаемы изслѣдователями, достойными полнаго уваженія, и между прочимъ такими даровитыми какъ Яковъ Гриммъ и Буслаевъ. Самыя увлеченія такихъ людей важны для успѣховъ науки, для выработки пріемовъ ра-

боты и пріемовъ критики, для оцѣненія важности данныхъ, нужныхъ для выводовъ, и выводовъ изъ нихъ. Разсматривая съ этой стороны труды г. Потебни, нельзя не быть признательнымъ къ нему за нихъ, такъ же какъ напр. и г. Лавровскому за строгій разборъ части ихъ (см. его Разборъ изслѣдованія о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ. 1866). Только время и послѣдующія изслѣдованія многихъ дѣятелей могутъ показать, что̀ именно изъ соображеній г. Потебни должно считаться достояніемъ науки. Теперь же можно остаться только при увѣренности, что онъ потрудился не совершенно напрасно — не только надъ объясненіемъ значеній нѣкоторыхъ словъ въ мысли и жизни народа, но и надъ нѣкоторыми явленіями поэзіи, миѳологіи и обрядности народной, что принесъ пользу по крайней мѣрѣ подборами разнообразныхъ сближеній и сравненій.

Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, на сколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей учено-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснять неясное самому себѣ и потомъ уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользѣ дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они ни трудились. Нельзя впрочемъ и не порадоваться, что г. Потебня сталъ трудиться на томъ полѣ, которое обѣщаетъ обильную жатву болѣе вѣрныхъ наблюденій и выводовъ, на полѣ разбора строя Русскаго языка.

Первые труды его на этомъ поприщѣ появились въ 1866 г. Это были «Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка». Одно изъ нихъ представило новый разборъ такъ называемаго полногласія Русскаго языка; другое — подборъ данныхъ о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій.

Первое изъ этихъ изслѣдованій, опираясь на современныхъ домыслахъ общесравнительнаго языкоученія и на сравненіи Русскаго языка съ другими Славянскими и не-Славянскими, съ ними сродными, привело къ объясненію, почему именно въ опредѣлен-

номъ кругѣ словъ Русскаго языка явилось полногласіе (городъ, берегъ, долото, молоко, вм. градъ, брѣгъ, длато, млѣко), и почему въ другомъ столько же опредѣленномъ кругѣ Русскихъ словъ оно не явилось. Особенно любопытны доводы, приводимые г. Потебнею о словахъ второго порядка (такихъ какъ: трава, слава, дрѣмать, слѣпой).

Второе излѣдованіе (о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій) еще болѣе важно. Воспользовавшись наблюденіями, сдѣланными прежде, г. Потебня не принялъ ни одного изъ нихъ безъ критической оцѣнки его вѣрности, обогатилъ запасъ данныхъ личнымъ трудомъ по памятникамъ нынѣшняго народнаго языка и по памятникамъ прежняго времени, разсмотрѣлъ каждое изъ нарѣчій отдѣльно, по одной и той же системѣ вопросовъ, и наконецъ свелъ всѣ наблюденія къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ. Считая долгомъ отмѣтить эти общіе выводы, какъ вполнѣ самостоятельно добытые своды частныхъ соображеній, упомяну предварительно, что г. Потебня избралъ дѣленіе Русскихъ народныхъ говоровъ на два главныя нарѣчія: Великорусское и Малорусское, а Великорусскаго на два мѣстныя нарѣчія: южное и сѣверное, изъ которыхъ къ первому отнесено Бѣлорусское, какъ его особенное отвѣтвленіе. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, суть слѣдующіе:

1. «Возводя теперешнія Русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ конкретный нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ Славянскихъ. Главнѣйшія звуковыя особенности этого языка по отношенію къ Старославянскому слѣдующія: — *о* вмѣсто *е* въ началѣ словъ (одинъ вм. единъ); — *у* вм. *ж* передъ согласными и на концѣ (дути, зубъ вм. джти, зжбъ, хожу, за руку вм. хождж, за ржкж); *я* (за исключеніемъ не многихъ случаевъ) вм. *ѧ* при тѣхъ же условіяхъ (зябнути, тяжко вм. зѧбнжти, тѧжко, сидя, ся вм. сидѧ, сѧ); — *ъ* и *ь* передъ плавными въ большинствѣ случаевъ (търгъ, вълкъ, смьрть вм. тръгъ, влъкъ, смрьть); близость этихъ глухихъ гласныхъ къ *о* и *е*; полногласіе (воронъ,

дерево, голодъ, волочи вм. вранъ, дрѣво, гладъ, влѣщи); бо̀льшая мягкость шипящихъ и *ц*, которыя соединяются съ *я*, *ю*, а не съ *а*, *у* какъ въ Старославянскомъ; *дж* (= ж) вмѣсто Старославянскаго *жд*, *ч* вм. Старославянскаго *шт*».

2. «Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого Великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе Малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ Великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

3. «Признаки, предполагаемые всѣми Малорусскими говорами, можно признать древнѣйшими, если нѣтъ положительныхъ указаній на противное. Ими прежде всего отдѣлилось Малорусское нарѣчіе отъ обще-Русскаго языка. Такихъ признаковъ не много. Самый крупный изъ нихъ есть чуждое предполагаемому обще-Русскому языку и Великорусскому нарѣчію *количественное* различеніе гласныхъ *о* и *е* въ слогахъ среднихъ и прямыхъ (рӣкъ — рокъ, жӣнка — жона). Такое различеніе могло существовать за долго до того времени, когда оно выразилось въ качественномъ различіи *о* и *е* долгихъ отъ *о* и *е* короткихъ, а такое качественное различеніе появляется въ письменности не позже конца XIV вѣка. Не можемъ рѣшить на вѣрное, какое именно качественное измѣненіе звука ô предполагается всѣми Малорусскими говорами; но вполнѣ вѣроятно, что это была двоегласная. Долгое *е* повсемѣстно измѣнилось въ ѥ или *е*, что легко могло и не обозначаться на письмѣ; короткое *е* осталось (семь—семи). Обще-Малорусскою замѣною древняго *ѣ* не можетъ быть ни *и̑*, ни *ju*, ни *je*: всѣ эти формы предполагаютъ *е*, по произношенію отличное отъ основного *е*. Эта черта не характеристична по отношенію къ обще-Русскому языку, но отличаетъ Малорусское нарѣчіе отъ обоихъ главныхъ Великорусскихъ говоровъ, которые вѣроятно за долго до XIII в. стали смѣшивать *ѣ*, *е* и *е*».... (Отмѣчены еще: переходъ *е* въ *о* послѣ шипящихъ, измѣненіе *г* въ *h*, смѣшеніе *у* и *в*, измѣненіе *л* въ *в*, возможность опускать *ть* въ 3-мъ л. ед. наст.)».

4. «Предполагаемое обще-Великорусское нарѣчіе, быть можетъ, уже въ X ст. или раньше выдѣлилось отъ древняго языка мягкимъ произношеніемъ *ѣ* и *е*, непосредственнымъ смягченіемъ согласныхъ предшествующихъ этимъ гласнымъ и ослабленіемъ *дж* (изъ дј) въ *ж*».

5. «Посредственное измѣненіе гортанныхъ въ *з*, *ц* и *с* оставалось долгое время и послѣ того, какъ обозначилось различіе между Сѣверно-Великорусскимъ и Южно-Великорусскимъ; потомъ оно совершенно исчезло въ первомъ, отчасти во второмъ, но почти вполнѣ удержалось въ Малорусскомъ».

6. «За тѣмъ до начала XIII в. Сѣверно-Великорусское выдѣлилось болѣе явственнымъ, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ, произношеніемъ глухихъ звуковъ на концѣ (потомъ отчасти перешедшихъ въ чистое), особеннымъ до сихъ поръ неяснымъ направленіемъ измѣненія звука *е* въ *ё*, *о*, не менѣе неяснымъ стремленіемъ измѣнять *ѣ* въ *и* не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, удержаніемъ мягкости звуковъ *ч* и *ц* и ихъ смѣшеніемъ».

7. «Южное Великорусское отдѣлилось отъ сѣвернаго — такъ сказать господствомъ слоговъ ударяемыхъ надъ неударяемыми, которые повлекли за собою разныя явленія (переходы однихъ гласныхъ въ другія и пр.)».

Эти выводы г. Потебни въ ихъ совокупности достаточно ясно показываютъ и общую точку его зрѣнія на языкъ Русскій и на систему звуковыхъ особенностей языка, и главные вопросы, которые хотѣлъ онъ рѣшить въ разборѣ звуковыхъ особенностей Русскихъ нарѣчій, и къ чему пришелъ.

Не скрою, что съ большимъ удовольствіемъ былъ бы я готовъ предложить на общее обсужденіе свои сомнѣнія въ правильности какъ общей точки зрѣнія на систему звуковыхъ особенностей Русскаго языка, такъ и подбора главныхъ вопросовъ, отъ которыхъ рѣшенія зависитъ опредѣленіе отличительныхъ признаковъ Русскихъ нарѣчій и говоровъ, если бы только это могло быть здѣсь умѣстно. Еще съ бо́льшимъ впрочемъ удовольствіемъ

признаюсь, что, несмотря на несходство моего взгляда со взглядомъ г. Потебни въ общемъ (кромѣ дѣленія Русскаго языка на нарѣчія), бо̀льшая часть частностей, мнѣ кажется, должна быть принята и развѣ только иначе растолкована.

Въ 1871 году г. Потебня издалъ новый трудъ того же рода, давши въ немъ мѣсто своду своихъ новыхъ наблюденій и изысканій преимущественно по одному изъ Русскихъ нарѣчій подъ скромнымъ названіемъ «Замѣтокъ о Малорусскомъ нарѣчіи». По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки — на столько же, какъ по первичному поводу изслѣдованія; но кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности Малорусскаго нарѣчія сравнительно съ Великорусскими въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики Русскаго языка вообще, имѣя средства доказательно оспаривать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюденія г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя такъ же не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу. Основные выводы, высказанные г. Потебней въ прежде отмѣченномъ трудѣ, остались впрочемъ почти всѣ тѣ же.

Оба обозначенныя изслѣдованія г. Потебни по фонетикѣ Русскихъ нарѣчій очень важны для того, кто ими пользуется какъ пособіемъ для изученія мѣстнаго разнообразія Русскаго языка, — и не только сводами наблюденій, въ нихъ представленными и объясненными — между прочимъ и сравнительнымъ способомъ, но и приведеніемъ положительныхъ данныхъ о нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ говорахъ — въ отдѣльныхъ приложеніяхъ.

Въ 1873—1874 году появились новыя замѣтки г. Потебни — Замѣтки по исторической грамматикѣ Русскаго языка. Онѣ помѣщались въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ видѣ критическихъ статей написанныхъ по поводу книгъ М. Колосова (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка XI — XVI в.) и Л. Гейтлера (Starobulgarská fonologie se stálym zřetelem k jazyku Litevskému), и къ сожалѣнію до сихъ поръ недоизданы. Заглавіе давало право ожидать и разысканій по грамматикѣ въ собственномъ смыслѣ слова, по строю образованія и переобразованія словъ и по строю сопоставленія ихъ въ связной рѣчи; но въ изданныхъ статьяхъ разобраны только нѣкоторыя положенія по Русской и вообще Славянской фонетикѣ, тѣ же, которыя были разбираемы г. Потебней и въ прежнихъ его изслѣдованіяхъ, только съ болѣе общей точки зрѣнія, съ приведеніемъ данныхъ изъ болѣе обширнаго круга. И здѣсь г. Потебня держится того же правила, какъ и прежде: не защищать свое мнѣніе какъ непогрѣшимый выводъ во что бы то ни стало, ни отмалчиваться въ случаѣ зародившихся сомнѣній, а ясно выставлять данныя, ведущія къ иному выводу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, уважать мнѣнія другихъ, какъ бы онѣ ни противорѣчили его собственнымъ, лишь бы были научно цѣнны. Такъ между прочимъ въ одной изъ статей представлена новая переработка рѣшенія о Русскомъ полногласіи, приведшая его къ нѣкоторымъ новымъ объясненіямъ прежнихъ выводовъ посредствомъ сравненій, частію новыхъ, частію измѣненныхъ подъ вліяніемъ указаній, сдѣланныхъ другими изслѣдователями

Вообще нельзя не сказать, что своими изслѣдовательными трудами по Русскому языку, до селѣ обозначенными, г. Потебня сталъ въ рядъ тѣхъ не многихъ нашихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ научнаго трудолюбія, которые дѣйствительно помогали и помогаютъ раскрытію и уясненію строя Русскаго языка и послѣдовательности его измѣненій. Тотъ новый трудъ его, на которомъ я считаю долгомъ особенно остановиться, удостовѣряетъ въ этомъ окончательно.

Это — Записки по Русской грамматикѣ (1874 г.). Вышли пока двѣ книги: одна, сравнительно небольшая (157 страницъ), заключаетъ въ себѣ введеніе; другая, очень большая (538 стр.)— разборъ составныхъ членовъ предложенія и ихъ замѣнъ въ Русскомъ языкѣ. Я остановлюсь особенно на этой второй книгѣ; но считаю долгомъ дать свое мнѣніе и о значеніи первой книги. Обращать вниманіе на то, что по моему личному разумѣнію кажется особенно вѣрнымъ или особенно невѣрнымъ въ выводахъ г. Потебни, слѣдовательно пользоваться его книгой такъ или иначе какъ поводомъ высказать свои собственные домыслы и убѣжденія, и личною мѣркою мѣрить значеніе его труда—считаю неумѣстнымъ. Желаю представить совершенно безотносительно хоть нѣкоторыя изъ доказательствъ, заставляющія меня дорожить его трудомъ, какъ важнымъ вкладомъ въ запасъ необходимыхъ пособій для научнаго вниканія въ строй Русскаго языка. При этомъ позволяю себѣ иногда только одну вольность — передавая ту или другую мысль изслѣдователя не дословно держаться его изложенія, а высказывать ее своими словами, какъ бы она была моя собственная: то и другое допускаю по желанію выразиться короче или яснѣе. Считаю нелишнимъ прибавлять иногда отъ себя и нѣкоторые примѣры.

Въ десяти главахъ Введенія дано мѣсто обслѣдованію общихъ грамматическихъ положеній: Что такое слово? Въ какомъ соотношеніи состоятъ представленіе, нуждающееся въ словѣ, и значеніе слова? Что такое корень слова? Что такое грамматическая форма слова? По чему узнается присутствіе этой формы въ данномъ словѣ? Какъ отличать формы этимологическія и синтактическія? Что значитъ созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ? Въ какомъ соотношеніи состоятъ грамматика языка и логика? Что затрудняетъ при опредѣленіи предложенія и его членовъ? Къ чему приходимъ отдѣляя разные члены предложенія и разныя части рѣчи?

Давая отчетъ по каждому изъ этихъ вопросовъ поочередно, г. Потебня не счелъ возможнымъ излагать только свои личныя

воззрѣнія: и до него много разъ эти вопросы были рѣшаемы и по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ рѣшеній случайно получили силу несомнѣнныхъ; а между тѣмъ не всегда можно и должно признавать ихъ несомнѣнными уже потому, что многія изъ нихъ несогласимо противны одни другимъ; зная это и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду читателей, предубѣжденныхъ въ пользу рѣшеній, которыя въ той или другой степени оказываются сомнительными, нельзя оставить ихъ въ сторонѣ не разобравъ ихъ, гдѣ отдѣльно, гдѣ въ связи съ рѣшеніями другихъ близкихъ вопросовъ. Не отъ желанія высказывать себя въ борьбѣ съ изслѣдователями и мыслителями, которыхъ домыслы не счелъ онъ возможнымъ усвоить, а только для уясненія самого дѣла, г. Потебня приводитъ свои доводы противъ домысловъ, имъ отвергаемыхъ, такъ же безстрастно, какъ въ другихъ случаяхъ пользуется чужими доводами, не присваивая ихъ себѣ, а указывая, кому что принадлежитъ.

Такъ, объясняя значеніе слова, какъ отдѣльнаго созвучія, употребляемаго для обозначенія отдѣльнаго представленія, и затѣмъ обозначая обстоятельства перехода слова отъ одного значенія къ другому, онъ хотя и высказываетъ все это своеобразно, указываетъ, чьими именно изложеніями воспользовался онъ при передачѣ домысловъ, болѣе или менѣе укоренившихся въ наукѣ; но когда дѣло дошло до опредѣленія отношеній между словомъ и корнемъ, изъ котораго оно произошло, когда надобно было опредѣлить значеніе корня слова, онъ становится своеобразнымъ нетолько въ объясненіи, но и въ самомъ домыслѣ, и доказательно указываетъ, съ какими ограниченіями должно принимать ту или другую мысль того или другого изслѣдователя-мыслителя и какую надобно отвергать, какъ нарушающую общій строй соображеній и вмѣстѣ не вѣрно передающую то, что вызвало ее изъ внѣшняго мира жизни.

Ограничивъ по своему опредѣленіе корня слова (такъ: «корень (слова) есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаній (звуковъ) и по устраненіи звуковыхъ случайностей»), онъ

не счелъ возможнымъ и это опредѣленіе считать полнымъ и всюду примѣнимымъ. Наблюденія надъ дѣйствительными и ясно понимаемыми явленіями языковъ указываютъ, что кромѣ словъ, происшедшихъ отъ корней такъ, что въ нихъ чувствуется хоть что нибудь общее по мысли съ корнемъ, отъ котораго они произошли, есть слова, не напоминающія о первоначальномъ своемъ корнѣ ровно ни чѣмъ, отдѣлившіяся такъ, что сами сдѣлались первообразами словъ, отъ нихъ происшедшихъ. Выражая это г. Потебня, очевидно даетъ знать, что и въ средѣ явленій, вовсе недоступныхъ нашему разумѣнію, должны быть такія слова, которыя хотя и были въ свое время ясно произведены отъ корней, ясно отличенныхъ и вѣрно отвлекаемыхъ, позже совершенно отдѣлились отъ своихъ непосредственныхъ корней, сдѣлались сами какъ бы новыми корнями, или даже по звукамъ и по представленіямъ, обозначаемымъ этими звуками, сошлись какъ родныя со словами совершенно другого происхожденія. Отгадать въ словѣ *почва* то, что взято было для его образованія какъ подъ-шва (подошва), можно; но вовсе не по его значенію и звучности, а только по тому, что еще осталися среднія поколѣнія словъ, указывающихъ на его сродство съ ними и на ихъ сродство съ болѣе давнимъ ихъ корнемъ; отгадать можно и въ словѣ *чанъ* его первообразъ δίσκος только по тому, что есть въ виду другія произношенія и другія болѣе древнія написанія его (дщанъ, дъщанъ, ср. досканъ = дъсканъ); но что, если бы не было этихъ среднихъ членовъ? Слово *почва*, могло быть, какъ и дѣйствительно было, производимо отъ *почить*, *почивать*, а *чанъ* отъ *чбанъ* и *чванъ*. Имѣя въ виду такія трудности, нельзя заниматься отвлеченіемъ корней отъ словъ такъ простодушно и съ такою довѣренностью къ этимологическимъ пріемамъ, какъ это не рѣдко дѣлалось и дѣлается. Надо подчинить способы пользованія этими пріемами строгимъ правиламъ осмотрительности, видоизмѣнить самые пріемы, и во всякомъ случаѣ стѣснить кругъ словъ подвергающихся простому этимологическому разложенію.

Въ разсмотрѣніи составныхъ частей слова, условій при кото-

рыхъ совершается образованіе слова, и измѣненія приставокъ, необходимыхъ для образованія слова, во внѣшнемъ ихъ видѣ и внутреннемъ значеніи, находимъ у г. Потебни такъ же кое что своеобразное, между прочимъ и тамъ, гдѣ онъ представляетъ признаки отличія тѣхъ составныхъ частей слова, которыя остаются въ немъ неотъемлемо, отъ тѣхъ, которыя появляются сообразно съ положеніемъ его въ связной рѣчи. Онъ убѣждаетъ упорно и доказательно держаться мысли, что количествомъ формъ словъ того и другого рода еще не опредѣляется ни количество оттѣнковъ идей, для выраженія которыхъ потребовались отдѣльныя слова, ни количество мысленныхъ постановокъ каждой изъ нихъ въ связи съ другими. Формъ можетъ быть менѣе, значительно менѣе, чѣмъ тѣхъ особей мышленія, которыми онѣ выражаются. Такъ на пр. въ глаголахъ *женить женю*, *залетать залетаю* и т. п. одною формою выражаются по два оттѣнка представленія, изъ которыхъ одинъ требуетъ въ словѣ знака длительности совершающагося или совершившагося дѣйствія (какъ на пр. въ глаголахъ *ходить хожу*, *заплетать заплетаю*, *забѣгáть забѣгáю*), а другой знака недлительности дѣйствія совершившагося или имѣющаго совершиться (какъ въ глаголахъ *воротить ворочу*, и *забѣгать забѣгаю*). Такъ и въ видоизмѣненіяхъ слова по падежамъ выражается не-столько оттѣнковъ представленія идеи слова въ связи съ другими, сколько падежныхъ окончаній, а болѣе. Такъ на пр. пропажа формы звательнаго падежа не доказываетъ пропажи движенія мысли, требовавшаго прежде особеннаго окончанія слова.

Разсматривая формы словъ нельзя опускать изъ виду и соотношенія съ тѣмъ, что ими должно быть выражаемо. «Какимъ образомъ доходятъ до мысли о паденіи грамматическихъ формъ? Берутъ на пр. схемы склоненій въ трехъ періодахъ языка и сосчитываютъ въ каждомъ отдѣльно различныя по звукамъ окончанія. Оказывается, положимъ, что въ древнемъ языкѣ было такихъ окончаній 40, въ среднемъ 20, въ новомъ остается 5 или 6. Отсюда выводъ по видимому несомнѣнный: паденіе формъ. Но здѣсь за форму принятъ внѣшній знакъ, тогда какъ форма есть значеніе; сосчитано число

внѣшнихъ знаковъ опредѣленнаго порядка; но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значенію, и что присутствіе ихъ въ языкѣ было признакомъ богатства и порядка, а не лишнимъ бременемъ для мысли; что если они и различались достаточно, то не замѣнялись ли какими-либо другими указаніями на форму. Число формъ, т. е. формальныхъ значеній въ разныхъ періодахъ языка, вовсе несосчитано. Между тѣмъ, чтобы доказать, что число формъ уменьшается, нужно считать именно формальные оттѣнки значеній — трудъ не столь легкій, какъ счетъ окончаній. Вѣроятно, результаты такого труда были бы во первыхъ менѣе точны, потому что въ каждомъ языкѣ есть большое количество такихъ формальныхъ значеній, коихъ ученые наблюдатели вовсе незамѣчаютъ (если только это не ихъ собственный языкъ, гдѣ они должны все различать на дѣлѣ), кои учеными понимаются ошибочно или смѣшиваются съ другими; во вторыхъ, при всей неточности результаты эти могли бы быть далеко несогласны съ выводами изъ счета окончаній». «Всякое особенное употребленіе падежа есть особенный падежь; каждое особое значеніе предлога даетъ новый падежь... Число падежей въ этомъ смыслѣ скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается».

Съ такими убѣжденіями естественно придти къ мысли не о бѣдности по формамъ языковъ новыхъ сравнительно съ ихъ состояніемъ въ древнее время, а объ ихъ богатствѣ. Мысль не новая, но она освѣщена г. Потебнею совершенно самостоятельно.

Не менѣе своеобразной самостоятельности, по крайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно высказывается, находимъ и въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены разбору частей предложенія и частей рѣчи. Отдѣленіе ихъ разными названіями почти въ полнѣ оставлено прежнее, но въ слѣдствіе сравнительнаго разбора явленій языка (или лучше сказать разныхъ языковъ и въ разные періоды ихъ существованія), почти каждому названію дано болѣе или менѣе другое значеніе. Для примѣра укажу на то, что г. Потебня относитъ къ кругу такъ называемыхъ связокъ: связкою можетъ быть и глаголъ личный (какъ часть

предиката, состоящаго изъ него и изъ предикативнаго атрибута: былъ пьянъ, воротился пьянъ, напился пьянъ), и причастіе (Каиафа архиереи сы лѣту тому) и предлогъ (связка объекта: «когда дополненіе имѣющее свое дополненіе, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ нарѣчіе, то тѣмъ самымъ оно становится связкою, соединяющею свое прежнее дополненіе съ дополняемымъ: копию преломити *конецъ* поля Половецькаго»).

Указавъ только на нѣкоторыя особенности первой книги Записокъ по Русской грамматикѣ, считаю долгомъ прибавить, что не онѣ составляютъ въ ней то главное, что достойно вниманія, а выполненіе желанія по возможности цѣльно и критически представить всѣ общія явленія грамматическаго строя языка вообще, примѣнительно къ строю Русскаго языка. Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы; въ трудѣ же г. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка и его образованія и преобразованія. Можно было бы указать на Историческую грамматику Русскаго языка г. Буслаева, если бы въ ней по самой цѣли ея не было допущено сжатости изложенія всего общаго. Конечно было бы желательно видѣть въ трудѣ г. Потебни еще болѣе объяснительныхъ подробностей, болѣе равномѣрности частей; но и въ такомъ видѣ это — трудъ желанный.

Обращаюсь ко второй книгѣ Записокъ по Русской грамматикѣ. Это — часть исторической грамматики Русскаго языка. Упомянувъ только что о трудѣ Ѳ. И. Буслаева, о его исторической грамматикѣ Русскаго языка, не могу не вспомнить о немъ еще разъ. Трудъ этотъ первымъ изданіемъ вышелъ еще въ 1858 году, а оконченъ въ рукописи и утвержденъ къ изданію начальствомъ Военно-учебныхъ заведеній еще въ 1853—1856 годахъ[1]), въ то время, когда ни у насъ, ни у кого изъ западныхъ Славянъ

[1]) Въ 1853 г. первая часть; а въ 1856 г. вторая.

почти не было сдѣлано ничего по исторической грамматикѣ родного языка. Вся книга Буслаева и особенно вторая часть ея, синтаксисъ, пролила разомъ столько свѣта, что ея появленіемъ сдѣланъ новый важный шагъ въ разработкѣ грамматики не только Русской, но и вообще Славянской. Конечно, не должны быть забыты появившіеся почти одновременно съ трудомъ Буслаева, труды Миклошича, Гатталы и Даничича[1]; но то, что составляетъ главную особенность труда Буслаева, его историческія наблюденія надъ строемъ связной рѣчи, нельзя не считать его неоспоримо-первичной заслугой, тѣмъ болѣе замѣтной, что для большинства тѣхъ, кто у насъ занимается подробностями строя Русскаго и Старославянскаго языковъ, трудъ Буслаева остается и доселѣ главнымъ, если не единственнымъ руководителемъ. — Г. Потебня является достойнымъ продолжателемъ Буслаева.

Имѣя въ виду обычное расположеніе частей грамматики и содержаніе первой книги Записокъ, какъ Введенія, можно было бы ожидать отъ этой второй книги разсмотрѣнія формъ образованія словъ; но г. Потебня, вслѣдствіе ли убѣжденія или по обстоятельствамъ отложивъ это въ сторону, прямо обращается къ синтаксису; и то не къ объясненію первыхъ условій строя связной рѣчи, а прямо къ сказуемому. Эта послѣдняя особенность легко можетъ быть объяснена. Характеръ изложенія дѣла въ Запискахъ г. Потебни есть чисто изслѣдовательный. Что необходимо было указать какъ основное въ общемъ строѣ предложенія, то указано во Введеніи, и затѣмъ уже не для чего было повторять или иными словами пересказывать прежде сказанное. Даже и обратясь прямо къ сказуемому, г. Потебня не счелъ нужнымъ повторять прежде сказаннаго о сказуемомъ, а сославшись на мѣста Введенія, гдѣ это изложено, обратился прямо къ предметамъ изслѣдованія. Руководствоваться въ научномъ изслѣдованіи языкознательными

---

[1]) Fr. Miklosich Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen: I. Lautlehre. Wien. 1852; II. Formenlehre. Wien. 1856; — M. Hattala Srovnávaci mluvnice jazyka Českégo a Slovenského, v Praze. 1857;—Дж. Даничић Србска синтакса део првый. У Београду. 1858.

пріемами, прилагать отвлеченное разсужденіе, какъ объяснительную силу прямо къ явленіямъ Русскаго языка, какимъ его знаемъ нынѣ въ письменномъ употребленіи или и въ живой рѣчи подъ властію ли обычаевъ приличія образованнаго общества или даже и подъ властію навыка простого народа, какъ источника дающаго языку образованнаго общества главную питательную силу, должно было оказаться невозможнымъ въ такой же мѣрѣ какъ подвергать научному обсужденію какое бы то ни было явленіе жизни отдѣльно, безъ связи со всѣми другими сродными явленіями. Передъ глазами изслѣдователя долженъ быть языкъ во всемъ разнообразіи его мѣстныхъ и временныхъ видоизмѣненій, и, въ слѣдствіе анализа не отвлеченнаго, а чисто вещественнаго, явиться передъ нимъ болѣе или менѣе стройною связью явленій, подчиненныхъ законамъ естественной измѣняемости и перестраиваемости, соподчиненія и взаимодѣйствія, и законамъ вліянія внѣшнихъ причинъ. Такъ разсматриваемый языкъ не можетъ быть для изслѣдователя явленіемъ выдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ, хотя бы и стройно сложнымъ и самостоятельно полнымъ, а только однимъ изъ явленій, которыя съ нимъ болѣе или менѣе сродны и среди которыхъ онъ занимаетъ мѣсто частное, какъ мѣстное нарѣчіе въ ряду другихъ мѣстныхъ нарѣчій того же языка. Разбирая строй Русскаго языка въ его временныхъ и мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, изслѣдователь не можетъ отстраниться отъ разбора ни другихъ Славянскихъ языковъ и нарѣчій, ни такихъ близко сродныхъ со Славянскимъ, каковы Литовскій, Латышскій и Тевтонскіе, ни даже такихъ болѣе далекихъ, но все таки сродныхъ, каковы на пр. Греческій, Санскритскій и т. п. Тѣмъ болѣе нужно расширить кругъ наблюденій изслѣдователю, который, подобно г. Потебнѣ, держится вмѣстѣ со многими другими убѣжденія, что такъ же какъ до появленія разныхъ мѣстныхъ нарѣчій Русскихъ, было одно Русское нарѣчіе, мѣстное въ отношеніи къ одному Славянскому языку, такъ и до выдѣленія Славянскаго языка отъ другихъ былъ одинъ языкъ для Славянъ и Литовцовъ съ Латышами, еще ранѣе одинъ для этихъ всѣхъ вмѣстѣ съ Греками и т. д.,

еще ранѣе для всѣхъ людей Арійской отрасли. Такой изслѣдователь долженъ на всякое, по крайней мѣрѣ на всякое важное свойство строя разсматриваемаго языка глядѣть какъ на явленіе, могшее получить начало въ очень и очень отдаленное время, искать его первообраза съ коренными признаками въ языкахъ древнѣйшаго образованія или въ тѣхъ, гдѣ коренные признаки сохранились въ наиболѣе чистомъ видѣ, и проникать въ повременный порядокъ видоизмѣненій разсматриваемаго свойства въ разныхъ языкахъ. Такой изслѣдователь не позволитъ себѣ увѣренности ни въ силу своей догадливости, ни тѣмъ менѣе въ умѣстность случайныхъ приравненій. Кругъ его наблюденій и ихъ сводовъ ограничивается только однимъ предѣломъ — предѣломъ невозможности проникнуть далѣе, и работы его тѣмъ труднѣе и сложнѣе, чѣмъ менѣе можетъ онъ пользоваться прежде сдѣланными наблюденіями съ увѣренностью, что онѣ полны и точны.

Такъ и понялъ свои обязанности г. Потебня. Начавъ съ подбора данныхъ Русскаго языка прежняго и нынѣшняго времени и съ приведенія ихъ въ стройный порядокъ, онъ продолжалъ свою работу подборами объяснительныхъ данныхъ изъ языка Старославянскаго и изъ Западно-Славянскихъ нарѣчій, за тѣмъ обратился къ даннымъ языка Литовскаго и Латышскаго, нѣкоторыхъ Тевтонскихъ и т. д Не разъ, конечно, долженъ онъ былъ ворочаться къ источникамъ, уже прежде имъ обслѣдованнымъ, для провѣрки наблюденій или для исканія данныхъ, которыя прежде могли быть имъ незамѣчены; не разъ потрудиться и надъ перевѣркою итоговъ, полученныхъ прежде. Не утаенно и не безъ признательности пользовался онъ тѣмъ, что сдѣлано до него другими изслѣдователями, такими какъ Буслаевъ, Гаттала, Миклошичъ [1]), и т. д.; но только тогда, когда находилъ это возможнымъ; въ такой же мѣрѣ безъ самоувѣренности и тщеславія онъ отклонялся отъ выводовъ, несогласныхъ съ выводами, къ кото

---

¹) Изъ произведеній Миклошича особенно важна была г. Потебнѣ четвертая часть его «Vergleichende Grammatik»: Syntax, которой начало появилось еще въ 1868 г., а конецъ только въ 1875 году.

рымъ его приводили его личныя наблюденія. Нѣтъ ни суетливой поспѣшности въ прiисканiи исхода, ни позывовъ упорства стоять на своемъ на перекоръ даннымъ, ни щеголянья новизною. Видимъ простой, покойный трудъ ученаго, у котораго нѣтъ никакихъ заднихъ мыслей и побужденій, кромѣ желанія узнать узнаваемое какъ можно вѣрнѣе. Если бы такой трудъ и не привелъ изслѣдователя ни къ чему особенно важному, то онъ все таки былъ бы достоинъ полнаго уваженія какъ трудъ веденный по пріемамъ стóящимъ подражанія, и съ помощію ихъ по крайней мѣрѣ оправдавшій то, что было до него только сомнительно вѣрно. Трудъ г Потебни достоинъ уваженія не только по пріемамъ, въ немъ употребленнымъ, но хотя отъ части и по тому свѣту, который имъ наведенъ на одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ строя Русскаго языка въ его историческомъ развитіи сравнительно съ другими.

Обнявъ взглядомъ разнообразныя явленія составного сказуемаго, г. Потебня нашелъ наиболѣе удобнымъ привести ихъ въ строй къ четыремъ порядкамъ: 1) явленія при глаголѣ или причастіи именительнаго второго; 2) явленія вторыхъ косвенныхъ падежей; 3) явленія неопредѣленнаго наклоненія безъ падежей и съ падежами; 4) явленія творительнаго падежа вообще и особенно въ случаяхъ замѣны имъ второго согласуемаго падежа. Показать какъ что имъ разсмотрѣно значило бы повторить всю книгу—въ томъ же или какомъ нибудь другомъ порядкѣ. По неволѣ ограничиваюсь только кое чѣмъ.

Прежде всего воспользуюсь собственными словами г. Потебни, для обозначенія основного вывода о двухъ періодахъ жизни языка, какъ они выражаются въ строѣ предложенія.

«Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частію оно перестраивается за ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частію же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ—единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе-менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту пестроту поверхности языка (напр. то, что обороты «онъ

былъ купецъ» и «онъ былъ купцомъ», стоящіе рядомъ въ нынѣшнемъ языкѣ, не одновременны по происхожденію и не однородны, но построены по различнымъ планамъ), стараясь сколько нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ намъ поверхности языка смѣшаны разнохарактерныя явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснить характеръ ихъ, поставивши ихъ въ ряды другихъ, съ ними однородныхъ. Явленія представляемыя составными членами предложенія принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ. Древнѣйшее изъ нихъ оказывается, за немногими исключеніями, общимъ Славянскому языку съ другими древними Индоевропейскими. Общая его черта есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ, и въ составѣ предложенія такое господство началъ согласованія, при которомъ члены предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ, слишкомъ однородны (вторые падежи такіе же какъ и первые: при первомъ именительномъ второй именительный, при первомъ родительномъ такой же второй, и т. д.). Во второмъ, болѣе позднемъ наслоеніи, отъ части уже покрывшемъ собою первое, мы находимъ: — сліяніе составного сказуемаго въ цѣльное, — усилія, отъ части успѣшныя, образовать чисто формальные глаголы, — разложенія составного сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложеніемъ,—замѣны вторыхъ сказуемыхъ падежей частію несклоняемыми словами сравнительно поздняго образованія (прилагательнаго нарѣчіемъ, причастія дѣепричастіемъ), частію падежами съ предлогомъ, частію творительнымъ падежемъ. Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи. Эти явленія при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложенія. Языкъ, которому они принадлежатъ, по своеобразности и своему грамматическому совершенству (языкъ новый) стоитъ выше того, къ которому относятся составные члены предложенія (языкъ древній)».

Все это доказано въ книгѣ подробностями, не случайно подобранными, а естественно слившимися къ этому общему центру.

Такъ на пр. та часть вывода, въ которой указано, что общая черта древняго языка есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ, не могла не явиться послѣ разбора употребленія многихъ глаголовъ, начиная съ глагола *быть*.

«Глагольныя формы корня этого глагола, потерявши предполагаемое въ немъ значеніе «рости» (ср. Гр. φυτὸν, Слав. былиѥ), долго оставались при довольно конкретныхъ, отнюдь не чисто формальныхъ значеніяхъ возникновенія (стать, возникнуть) и случайности, превращенія (стать другимъ), пребыванія, совершенія. Сродные языки ставятъ на мѣсто этихъ формъ различные весьма конкретные глаголы. *Бысть* во множествѣ случаевъ соотвѣтствуетъ Греческому ἐγένετο, γέγονεν. Въ выраженіи «съ горы идѣже послѣже бысть Кыѥвъ» вм. бысть мы теперь поставимъ «создался, построился, сталъ, возникъ» и т. д.; въ «соволокѹться и бѹдѹть нази» бѹдѹтъ значитъ не то что нынѣ, а «станутъ»; «да бѹдете мои ѹченици значитъ ἵνα γενήσεσθε ἐμοὶ μαθηταί, чтобы вы стали моими учениками (всп. вься тѣмь быша и безъ нѥго ничьто же не бысть ѥже бысть). Вмѣстѣ съ глаголомъ γίγνομαι гл. бѫдѫ—быти имѣлъ значеніе случиться, сбыться, совершиться: «аще бѫдеть обрѣсти» = ἐὰν γένηται εὑρεῖν, si acciderit ut inveniat, so sich's begibt dass er's findet, ако се догоди да нађе, nahodi li t' se mu nalezti, jesli się zdarzy (gdy by się trafilo) znalesć, jej tropitus atrasti; розга не можеть плода сътворити аще не бѫдеть на лозѣ = ἐὰν μὴ μένῃ, nisi manserit, bleibe denn, ne zůstala li by, iesli nie będzie trwała, jej ne pasiliekt, и т. д. Въ относительно позднее время бы-буд теряетъ значеніе werden, для выраженія котораго начинаютъ употреблять другіе глаголы (на пр. въ Рус. стану, стать) и получаетъ значеніе бытія — безъ всякой особенной конкретности.

Глаголъ *есть-буду-быть* не только въ значеніи бытія, но и въ разныхъ оттѣнкахъ конкретнаго значенія требуетъ за собою

именительнаго не только причастій, но и именъ прилагательныхъ и существительныхъ (мънози же бѫдѫть прьвии послѣдьнии, а послѣдьнии прьвии, Богъ ти бѫди послꙋхъ, разболѣвъся и бысть мнихъ, Болгаре насельници Словѣномъ быша). Вмѣстѣ съ этимъ глаголомъ такимъ же свойствомъ притяженія именительнаго обладали въ древнемъ языкѣ и многіе другіе глаголы: мьнѣтисѧ, творитисѧ, повѣдатисѧ, ꙗвитисѧ, прѣбыти, стати—стоꙗти, сѣсти—сѣдѣти, лежати, вестися, прѣстати, коньчати, съврьшити, довьлѣти, съжалитисѧ, ꙋбоꙗтисѧ, и др. Вотъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на это:

— ничьтоже ся мьни (женѣ) сътворьши безъчиньна (Изб. Свят. 1073 г. о женѣ): думала что не сдѣлала ничего непристойнаго;—мняшеся ꙋмомь сѣдя ꙋ црк҃ви (Бор. и Гл.): представлялъ себя въ умѣ сѣдящимъ у церкви;—законъ безаконьникомъ отечьствиꙗ мьниться (Геор. Амар.): у неимѣющихъ закона отеческіе обычаи считаются закономъ.

— творяшеся (игꙋменъ) епископа прашавъ (Вопрош. Кир.): сказывалъ, будто бы епископа спрашивалъ;—творять инии слышавъше отъ епископъ (т. ж.): даютъ знать, будто слышали отъ епископовъ.

— Изяславъ передъ вами не творится правъ (Ип. л.): не выдаетъ себя правымъ.

— повѣдаше бо ся изъ иного града пришедъши (Бор. и Гл.): сказывалась пришедшею изъ иного города.

— да ся быша ꙗвили чл҃овѣкомъ постяще (Мѳ. VI: 16): чтобы показаться людямъ постящимися; Вышегородъ вторыи Селꙋнь ꙗвися въ Рꙋсьстѣи земли (Бор. и Гл.): В. сталъ на Руси вторымъ Селунемъ.

— пребысть неꙗды (Бор. и Гл.): остался неѣвшимъ; — пребываѥши сѣдя и позорꙋꙗ инъı (Посл. Никиф.): остаешься сидящимъ и глядящимъ на другихъ.

— ста рака непостꙋпящи (Бор. и Гл.): остановилась рака неподвижною; — стоꙗше вся осенина дъждева (Новг. л.): вся осень оставалась дождливой.

— Святъславъ сѣде княжа въ Перењславьци (Пов. вр. л.): С. сѣлъ княжить въ П.; — сѣде Олегъ княжа въ Кыѥвѣ (Пов. вр. л.).

— Лежала въ лари тањ грамота положена годъ (Пск. лѣт.): осталась лежать та грамата въ ларѣ годъ; — Угре лежахѹть пьꙗни ꙗко мр҃тви (Ипат. л.): Уг. лежали пьяными; — та вотчина лежить пѹста (Гр. 1609).

— Дињволъ не престаѥть воюꙗ на родъ чл҃чскыи (Пов. вр. л.); — Данилъ не престањшеть строꙗ рать (Ипат. л.): Д. непереставалъ устроивать войско.

— Ови ведѹться полонени, ови посѣкаеми (сѹть) (Пов. вр. л.): иныхъ повели плѣнными, иныхъ побили.

— Коньчаша црк҃овь владычню пишюще (Новг. л.): окончили расписывать церковь; — ꙗко сконча зижа (церковь) ѹкраси ю иконами (Пов. вр. л.): когда окончилъ строить (церковь), украсилъ ее иконами.

— ѥгда съврьши Ис҃ъ заповѣдаѭ ѹченикома (Мѳ. XI: I): когда I. окончилъ свою заповѣдь ученикамъ.

— Данилъ съжали си отъславъ сына си Л'ва (Ипат. л.): Д. пожалѣлъ что отослалъ своего сына Льва.

— не ѹбоꙗшася князя два имѹще (Пов. вр. л): не испугались того, что у нихъ было два князя.

Приведя примѣры подобнаго употребленія такихъ глаголовъ изъ Сербскаго, Чешскаго, Литовскаго и Латышскаго, г. Потебня далъ такое объясненіе сочетанія означенныхъ глаголовъ съ причастіемъ:

«Въ составномъ сказуемомъ стариннаго языка, какъ въ «твориться ида» значеніе причастія «ида» (въ отношеніи къ глаголу «твориться» — притворяется) составляетъ содержаніе его притворства; признакъ заключенный въ причастіи представляется возникающимъ въ силу энергіи выраженной глаголомъ «твориться»; причастіе согласуемое съ подлежащимъ, и такимъ образомъ не самостоятельное по отношенію къ нему, въ то же время не самостоятельно и по отношенію глагола въ сказуемомъ. Въ выра-

женіи нынѣшняго языка «идучи притворяется» содержаніе дѣепричастія «идучи» не возникаетъ вмѣстѣ съ дѣятельностію глагола, а только сопровождаетъ ее, при чемъ глаголъ требуетъ поясненія (обозначенія содержанія притворства)... Глаголъ здѣсь не вспомогательный, а самостоятельный (такъ же какъ и дѣепричастіе въ отношеніи къ подлежащему). Древній языкъ не видитъ формальной разницы между глаголами «твориться» и «ѥсть» въ «твориться ида» и «ѥсть судя», принимая оба за вспомогательные»...

Другое не менѣе любопытное объясненіе дано г. Потебней при показаніяхъ сочетанія этихъ и другихъ глаголовъ съ прилагательными въ именительномъ падежѣ (стр. 67 и слѣд.) и съ существительными (стр. 75).

Отдѣльно отмѣченъ «второй именительный съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложеніе), гдѣ означенные глаголы являются въ видѣ причастій:

— Каиафа архиереи сы лѣтꙋ томꙋ (Іо. XI: 49); — Андрей князь толикъ ꙋмникъ сы (Ип. л.); — преставися епископъ Стефанъ бывъ прежде игꙋменъ Печерьскомꙋ монастырю (Пов. в. л.).

— Равьнъ ся творя Богꙋ (Іо. V. 18); —Ростовьци и Сꙋждальци творящеся старѣишии: выказывая себя старшими; — Мьстиславъ творяся на Ляхы ида (Ипат. л.): М. показывая видъ, что идетъ на Ляховъ.

— Литва мняще мирно сꙋще (Ипат. л.): Л. думая что находятся въ мирѣ...»

Представя значительное количество разныхъ случаевъ употребленія второго именительнаго, соединяемаго съ глаголомъ, какъ выраженія свойства древняго языка, только отъ части оставшагося въ болѣе позднемъ языкѣ, г. Потебня съ такимъ же вниманіемъ остановился и на случаяхъ употребленія вторыхъ косвенныхъ падежей: винительнаго, родительнаго, дательнаго.

Остановясь на винительномъ, онъ прежде всего обозначилъ опредѣлительно различіе древняго и новаго языка въ кругѣ употребленія винительнаго падежа: въ новомъ языкѣ кругъ его употребленія гораздо ограниченнѣе. Въ древнемъ языкѣ «слышати

влъхвы» значило и «слышать волхвовъ» и «слышать о волхвахъ», а потому и можно было употреблять винительный падежъ post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi, и сказать: видѣвше короля идуща прочь (Лавр. л.), увѣдавше смерть княжю (Ипат. л.), мняхꙋ Болгарьскыи полкъ (Лавр. л.), мнѣша тꙋ Святослава и Рюрика (Ипат. л.), повѣдаша вѣжи и стада Половецкаꙗ ꙋ Голубого лѣса (Ип. л.)... Въ новомъ языкѣ этотъ винительный во многихъ случаяхъ невозможенъ и замѣняется другимъ оборотомъ, иногда очень сложнымъ. «Въ памятникахъ, изъ коихъ можемъ заимствовать примѣры (широкаго употребленія винительнаго падежа), столько же или и болѣе обычны обороты близкіе къ нынѣшнимъ съ предлогами и союзами: «слышавъ о..., увѣдаша еже (:аже, ꙗко и пр.). Это только подтверждаетъ ту извѣстную истину, что явленія возникшія при старомъ строѣ языка, могутъ переживать этотъ строй, исподволь становясь исключеніями, и что на оборотъ новыя явленія языка въ началѣ являются какъ пятна на старыхъ. Намъ важно только то, что чѣмъ архаичнѣе памятникъ по языку, тѣмъ болѣе обходимо въ немъ разграниченіе прямого и посредственнаго объекта, и что нынѣшнему книжному языку вовсе чужды обороты, еще встрѣчаемые въ просторѣчіи, какъ на пр. «сказываетъ журавля на соснѣ, насказать семь пятницъ на недѣлѣ, чуемо тамъ доброго пана». Такой винительный уцѣлѣлъ и въ Сербскомъ и въ Латышскомъ, и вовсе не предполагаетъ опущенія неопредѣленнаго наклоненія.

Второй винительный можетъ быть существительнымъ, прилагательнымъ, причастіемъ (въ болѣе позднемъ языкѣ дѣепричастіемъ); можетъ быть простымъ и составнымъ: сына моего поимите собѣ князя (Новг. л.), села ихъ пꙋста положиша (Новг. л.), видѣша князя бѣжавша (Пов. вр. л.), князя творяхꙋть спяща (Ипат. л.), слышавша князя пришедша (Лавр. л.)=слышавше князя пришедше (Ип. л.), видѣ желѣза изломана лежаща (Сказ. Бор. и Гл.), обрѣтено тѣло святого лежаще цѣло (т. ж.), видѣвъ ю добрꙋ сꙋщꙋ зѣло лицемь и смысленꙋ (Пов. вр. л.). Такіе обороты находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ — то въ древнихъ, то и въ новыхъ. Уцѣ-

лѣло кое-что и до селѣ въ Русскомъ: Беспечальна мати меня породила (Пов. о горѣ злоч.), ласточку свою онъ видитъ на снѣгу замерзшую (Крыл.), раздѣвали раненыхъ оставляя нагихъ посреди поля (Пуш.), мене мати породила некрещёну (Пѣс.), видѣли молодца сядучись, а не видѣли молодца поѣдучись (Был.: по др. сп. безъ сь: сѣдуци, поѣдуци).

Разсмотрѣніе употребленія родительнаго падежа второго, согласованію съ первымъ, предупреждено общими объясненіями употребленія родительнаго частнаго, отрицательнаго, искомаго (при глаголахъ: алкать, жаждать, ждать, требовать, искать, просить, и т. п.). Затѣмъ разсмотрѣно употребленіе второго родительнаго, какъ замѣняющаго второй винительный, при глаголахъ отрицательныхъ — употребленіе общее всему Славянскому языку, и оставшееся въ такой же измѣненной формѣ, какъ въ народномъ Русскомъ (съ дѣепричастіемъ). Кромѣ того обращено вниманіе на родительный времени, который при употребленіи причастія (или вмѣсто него дѣепричастія) является не только двойнымъ, но и самостоятельнымъ: — Того же лѣта исходяча приходи Романъ къ Вручему (Лавр. и Ипат. л.), того же лѣта исходячи разболѣся Мьстиславъ (Ип. лѣт.), сѣде Романъ въ Кіевѣ мѣсяца июля наставьша (Ипат. л.), и пр. Съ этимъ употребленіемъ родительнаго можно сравнить наши выраженія: прошлаго года, прошлаго лѣта, минувшаго лѣта и т. п.

Наблюденія надъ употребленіемъ второго дательнаго падежа, кромѣ его сочетанія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, приводятъ къ отличенію двухъ его положеній: въ одномъ дательный является въ видѣ дополненія къ главному сказуемому, въ другомъ — въ видѣ независимаго прибавочнаго предложенія, что называется дательнымъ-самостоятельнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мѣсто причастія можетъ быть занято дѣепричастіемъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

— а. Аще велика человѣка крестиши, а еще блазнъ бꙋдеть кмꙋ спящꙋ въ тꙋ осмь днии, дати кмꙋ причащеник немывшеся (: немывшꙋся) по кланявшюся (Вопр. Кир.); — добывшꙋ

ѥмꙋ землѣ Нѣмецкоѩ дати ѥмꙋ всю Романови (Ипат. л.);—братꙋ твоѥмꙋ Михалкꙋ ꙋмершю еще девятого дне нѣтꙋть (Лавр. лѣт.: ср. этому ребенку еще нѣтъ девяти дней).

— б. Сѣдячю же Глѣбови въ Кыѥвѣ приде множество Половець (Ипат. л.);—ративъшемася полкома побѣди Ярополкъ Ольга (Пов. вр. л.);—идꙋчи ми сѣмо видѣхъ бани древѣны (Пов. вр. л.);—приде князь Ѳоминѣ недѣли исходяче (Новг. л.), — зажьжеся пожаръ въ недѣли на всѣхъ святыхъ, идꙋче къ заꙋтреню. (Новг. л.); — бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ видяще ꙋ собе великого князя всея Ростовьскыѩ земли (Ипат. л.).

Разсмотрѣніе обстоятельствъ появленія дѣепричастія въ означенныхъ сочетаніяхъ дало г. Потебнѣ поводъ вникнуть въ разные оттѣнки употребленія дѣепричастія въ Русскомъ старомъ и новомъ простонародномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Литовскомъ и Латышскомъ.

За изслѣдованіемъ случаевъ появленія вторыхъ косвенныхъ падежей въ книгѣ г. Потебни дано мѣсто разбору обстоятельствъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія. При этомъ изслѣдователь нашелъ нужнымъ прежде всего отвѣчать на нѣкоторые общіе вопросы, и во первыхъ на вопросъ: что такое неопредѣленное наклоненіе, имя или глаголъ? Разборъ мнѣній соединенъ съ припоминаніями грамматическаго значенія и употребленія инфинитива въ разныхъ языкахъ, и сводится къ выводу, что хотя въ былое время онъ и произошелъ изъ существительнаго, но по своему значенію и употребленію долженъ быть разсматриваемъ какъ часть глагола. Другой общій вопросъ касается количества разныхъ родовъ случаевъ употребленія инфинитива въ разное время, при чемъ между прочимъ обращено вниманіе на замѣненіе инфинитивомъ особенныхъ формъ на тꙋ (бытꙋ) и на тъ (т. наз. достигательнаго), а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ограниченія употребленія инфинитива въ Болгарскомъ и Сербскомъ.

Перейдя къ частностямъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія преимущественно въ Русскомъ языкѣ, г. Потебня распре-

дѣляетъ ихъ на два главные отдѣла: въ одномъ разсматриваетъ субъективное неопредѣленное подъ зависимостью глагола личнаго, въ другомъ неопредѣленное объективное.

Въ первомъ отдѣлѣ дано мѣсто разбору случаевъ появленія неопредѣленнаго при глаголахъ имамъ, хощѫ, начну, стану, буду, и потомъ при другихъ глаголахъ (желаю, прошу, люблю, надѣюсь, обѣщаю, клянусь и пр.) и при прилагательныхъ (радъ, воленъ, готовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, привыченъ, ретивъ, лѣнивъ, слабъ и пр.).

Во второмъ отдѣлѣ разсмотрѣны случаи употребленія: винительнаго съ неопредѣленнымъ (осѫдиша и быти повиньна съмрти), дательнаго съ неопредѣленнымъ (достоить ти быти кроткꙋ), неопредѣленнаго съ дательнымъ (аще ли вы будете крестъ цѣловати), неопредѣленнаго съ другимъ неопредѣленнымъ (сколько ни плакать а быть перестать), неопредѣленнаго со страдательнымъ оттѣнкомъ (аже по грамотамъ ходити ногама, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова бꙋдетъ знати).

Подробно разсмотрѣны и случаи употребленія неопредѣленнаго не связаннаго съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова (како ваю похвалити, нѣ камо ся дѣти), неопредѣленнаго съ бы (створи совѣтъ кꙋда бы воевати, поча думати како бы ꙋмиритися) и неопредѣленнаго абсолютнаго (знать не знаю, вѣдать не вѣдаю).

Послѣдняя часть второй книги Записокъ посвящена изслѣдованію творительнаго падежа. И тутъ прежде всего дано мѣсто разсмотрѣнію разныхъ взглядовъ на творительный падежъ и объясненію собственнаго взгляда изслѣдователя. За тѣмъ разсмотрѣны разные случаи употребленія творительнаго по оттѣнкамъ его значенія: тв. соціятивный (солию и квасомь и водою мꙋкꙋ мѣсимъ),—тв. мѣста вънидѣте ѫзькыми вратъı),—тв. времени (четырьми десятъı и шестиѭ лѣтъ създана бысть црькъı сіѧ а ли трьми дьньми въздвигнеши ѭ),—тв. орудія и средства (приидоша коньми), — тв. условленный страдательнымъ сказуе-

8 *

мымъ (не стыдися нищетою, нужею поведеся), — тв. условленный именемъ или нарѣчіемъ (повиньни опитимьею, богатъ милостію), — тв. отношенія (възрастомъ лѣпъ, лицомъ и голосомъ герой), — тв. причины (изнемагахоу людиѥ гладомь, ѹбьенъ бысть съвѣтомъ боꙗръ), — тв. образа дѣйствія (боися ложью глаголати, самъ не ходяшеть полкы своими). Хотя этому разсмотрѣнію дано мѣсто только какъ вставкѣ, не непосредственно относящейся къ задачѣ книги, тѣмъ не менѣе оно очень богато припоминаніями и соображеніями, очень любопытными и важными.

Отдѣльно и сравнительно подробнѣе разсмотрѣнъ творительный падежъ на мѣстѣ вторыхъ (согласуемыхъ) падежей. За разборомъ разныхъ взглядовъ на него, изслѣдователь остановился на значеніи его какъ выраженія признака и состоянія, обратилъ вниманіе на употребленіе его для уподобленія (вълкомъ рыскаше),—на значеніе творительнаго аппозитивнаго (пострижеся дщи еще дѣвою),—на замѣненіе имъ второго косвеннаго падежа (престѫпьникомъ зъвати, поставилъ Ярославъ Лариона митрополитомъ),—на употребленіе его вмѣсто именительнаго предикативнаго (бѣ была мати его черницею), — на употребленіе творительнаго въ прилагательныхъ (мимоходячи прославять человѣка любо добрымъ любо злымъ). Разсмотрѣніе частностей этихъ употребленій творительнаго падежа закончено общими соображеніями относительно характера ихъ и припоминаніями подобныхъ явленій въ языкахъ Польскомъ и Литовскомъ.

Ограничиваю пока этимъ обозрѣніе труда г. Потебни.

Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго Русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по Русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся; но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ Русскаго языка съ исто-

рической точки зрѣнія, при помощи трудовъ изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возметъ въ помощь себѣ этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ.

Признавая достоинства трудовъ г. Потебни по Русской грамматикѣ, 2-е Отдѣленіе Академіи нашло ихъ достойными Ломоносовской награды и опредѣлило представить объ этомъ Общему собранію Академіи.